

Южный федеральный университет
Ростовский областной музей краеведения
Ростовская региональная общественная организация
«Нахичеванская-на-Дону армянская община»
Администрация Мясниковского района Ростовской области

**Мариэтта Сергеевна Шагинян
(1888–1982)**

**ТВОРЧЕСТВО М.С. ШАГИНЯН И ЕЕ СОВРЕМЕННОКОВ
В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР И ПОКОЛЕНИЙ**

**Материалы
XI Шагиняновских чтений –
Всероссийской научно-практической конференции**

Ростов-на-Дону – с. Чалтырь Ростовской области
12–13, 19 апреля 2024

Ростов-на-Дону – Таганрог
Издательство Южного федерального университета
2024

УДК 821.161.1.09``1917/1991``+82Шагинян.06(063)

ББК 83.3(2Рос=Рус)6 я431

T28

Редколлегия сборника:

Матвеев Г.А. – председатель,
Белов А.В., Осипова Т.О., Самарина Н.В.,
Соколова М.Ю., Тикиджян Р.Г.

T28 Творчество М.С. Шагинян и ее современников в контексте диалога культур и поколений : материалы XI Шагиняновских чтений – Всероссийской научно-практической конференции (Ростов-на-Дону – с. Чалтырь, 12–13, 19 апреля 2024 г.) ; Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону ; Таганрог : Издательство Южного федерального университета. – 194 с.

ISBN 978-5-9275-4723-4

В сборнике публикуются материалы докладов и сообщений участников XI Шагиняновских чтений. В центре анализа ряда статей – изучение влияния на духовный мир писательницы М.С. Шагинян (1888–1982) литературного наследия А.С. Пушкина, Т.Г. Шевченко, а также ее творческое общение с современниками А.А. Блоком, М.А. Волошиным, С.В. Рахманиновым, О.Т. Туманяном, М.И. Цветаевой. Интересные статьи посвящены творческим пересечениям М.А. Булгакова и Ги де Мопассана, Г.Ф. Шолохова-Синяевского и луганского писателя Т.М. Рыбаса. В докладах участников конференции анализируются неизученные страницы жизни и литературного творчества замечательных писателей XX столетия Н.Н. Берберовой, М.М. Зошенко, донских литераторов и деятелей культуры Л.Ф. Копыловой, И.М. Тикиджи-Хамбурова, О.Е. Эрберга, П.Н. Яковлева, фольклористов А.М. Листопадова и Ф.В. Тумилевича, даются аналитические комментарии к новым документам об имуществе Армянской Апостольской церкви на Дону, о возникновении в Нахичевани творческих (поэтических, музыкальных и др.) кружков в начале XX века.

Книга предназначена для специалистов в области истории российской культуры и литературы XX века, аспирантов, студентов и всех тех, кто интересуется проблемами отечественной культуры XX века.

УДК 821.161.1.09``1917/1991``+82Шагинян.06(063)

ISBN 978-5-9275-4723-4

ББК 83.3(2Рос=Рус)6 я431

ПРИВЕТСТВИЯ

От имени коллектива Ростовского областного музея краеведения сердечно приветствую Вас с началом работы XI Шагиняновских чтений. Эта ежегодная научная конференция проводится в одиннадцатый раз – очевидное свидетельство того, что она отвечает запросам нашего времени. География участников "Чтений" расширяется, в их работе участвуют не только ученые из Ростова-на-Дону и Ростовской области, но и из Москвы, других городов нашей страны.

Особенность этих научных чтений состоит в том, что с докладами на их заседаниях выступают не только представители научного сообщества, но и заинтересованной общественности: краеведы, сотрудники библиотек, журналисты, учителя, студенты, школьники. Плодотворную и уже многолетнюю работу научной конференции обеспечивают члены ее Оргкомитета, сначала под руководством Н.С. Авдулова, а в последние годы – Г.А. Матвеева. Значительный вклад в успешную работу конференции вносят сотрудники Музея русско-армянской дружбы во главе с М.Ю. Соколовой. Они активно включились в работу по популяризации литературного наследия М.С. Шагинян и ее современников.

Желаю участникам научно-практической конференции, ее организаторам интересной, творческой работы.

Куликова Галина Николаевна,
директор Ростовского областного музея краеведения,
член Президиума Союза музеев России,
заслуженный работник культуры Российской Федерации

По поручению Председателя правления "Нахичеванской-на-Дону армянской общины" А.А. Сурмаляна приветствую участников XI Шагиняновских чтений. В результате плодотворной работы этой ежегодной научной конференции преодолен "заговор молчания" вокруг литературного наследия замечательной российской, советской писательницы М.С. Шагинян. По инициативе Оргкомитета конференции изданы шесть сборников произведений М.С. Шагинян, в которых впервые опубликованы ее письма, публицистика, другие раритетные работы. Растет интерес российской общественности к литературному наследию М.С. Шагинян и ее современников. В последние годы в Шагиняновских чтениях участвуют московские ученые, исследователи из других городов нашей страны.

"Нахичеванская-на-Дону армянская община" с самого начала работы Шагиняновских чтений активно поддерживала и поддерживает это благородное начинание. Необходимо с благодарностью отметить подвижническую организаторскую и исследовательскую деятельность членов Оргкомитета конференции по изучению и пропаганде литературного наследия М.С. Шагинян и ее современников.

Искренне желаю участникам Шагиняновских чтений плодотворной работы.

Саядов Сергей Михайлович,
кандидат исторических наук,
директор РРОО «Нахичеванская-на-Дону армянская община»,
руководитель Центра арменоведения
Института социологии и регионоведения ЮФУ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Г.А. Матвеев

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ПУШКИН В ДУХОВНОМ МИРЕ МАРИЭТТЫ СЕРГЕЕВНЫ ШАГИНЯН

Как родилась идея сделать доклад по этой теме? Я недавно перечитывал книгу воспоминаний М.С. Шагинян «Человек и Время. История человеческого становления» самое значительное, по моему мнению, произведение в богатейшем литературном наследии писательницы. Мне бросилась в глаза такая особенность этой книги: очень частое цитирование М.С. Шагинян как стимула для размышлений и поддержки своих мыслей, наблюдений, обобщений поэтических, прозаических, художественных прозрений, содержащихся в литературном наследии Александра Сергеевича Пушкина.

Я насчитал в этой книге 23 цитаты из произведений нашего национального гения. Мариэтта Сергеевна предпослала предисловию к этой книге и трем ее самым объемным главам эпитафии из произведений А.С. Пушкина. Начиная третью главу этой книги отрывком из стихотворения А.С. Пушкина «Странник», писательница подчеркнула значение этого и других эпитафий в своем произведении. «Он не случаен, – писала М.С. Шагинян, – он необходим для автора как «ключ» для композитора, в котором будет звучать произведенье» [1, с. 170]. Если учесть, что первую главу этой книги воспоминаний М.С. Шагинян написала в 1970 г., когда ей исполнилось 82 года, а последнюю – когда ей было уже 90 лет, приходишь к выводу, что литературное наследие А.С. Пушкина было важной составляющей духовного мира писательницы до конца ее жизни.

Поскольку я не нашел исследований, посвященных теме этого доклада, его цель – наметить для обсуждения основные направления влияния литературного наследия А.С. Пушкина на духовный мир М.С. Шагинян, его истоки, предпосылки и причины.

М.С. Шагинян начинает книгу воспоминаний эпитафией – парадоксальной мыслью А.С. Пушкина – «Невидимо склоняясь и хладея, мы близимся к началу своему» [1, с. 5]. Писательница, размышляя над этой глубокой мыслью поэта, писала: «В каждом из нас, когда мы были детьми, скрыто очень много тайн и заложен

ключ к постижению нашей зрелости» [1, с. 6]. В первой главе этой книги «Младенчество» М.С. Шагинян еще не раз обращалась к этой идее А.С. Пушкина: «Обратившись мыслями к своему прошлому, я с удивлением вижу, что многое в нем предвосхищает будущее, а то, что пережито в зрелые годы, озаряется внутренним светом того, что далеко, далеко позади» [1, с. 44].

Следуя этой логике писательницы, обратившись к ее воспоминаниям о своем детстве и отрочестве, попытаемся выяснить, каковы истоки такого значительного влияния литературного наследия А.С. Пушкина на ее духовный мир. М.С. Шагинян вспоминала: «Когда мы стали постарше, мне пять, сестре три, – отец сам начал читать нам Пушкина. У него была особая, непонятная для меня любовь к Пушкину, особенно к его «Цыганам». Часто с большим чувством, с каким-то личным значением, по самому неподходящему поводу, – но, должно быть, подходящему для него по невидимым внутренним ассоциациям, – он говорил вслух, но самому себе, излюбленный стих: *«И от судеб защиты нет»* [1, с. 54].

Отец писательницы, Сергей Саркисович Шагинянц, – был прекрасно образованным человеком, получившим не только медицинское, но и гуманитарное образование, – он закончил знаменитый тогда Лазоревский институт. М.С. Шагинян вспоминала, что в день ее девятилетнего рождения отец подарил ей «всего Гёте в берлинском издании Рэжля, – оно и сейчас стоит у меня на полке. Гёте был вторым его любимцем после Пушкина» [1, с. 55]. Писательница не раз отмечала, что ее литературными кумирами были А.С. Пушкин и И.В. Гёте. Во второй главе книги воспоминаний Мариэтты Сергеевны отмечала: «Пушкин с раннего детства был божеством моим» [1, с. 124]. Вот какое значение для духовного облика ребенка, а затем взрослого имеют «литературные зерна», умело посеянные в душе дочери родителями.

Затем это увлечение и всё более углубленное понимание поэзии А.С. Пушкина получили развитие в московской частной гимназии А.Ф. Ржевской. М.С. Шагинян писала о преподавателе Иване Никаноровиче Розанове, который любил читать классику русской литературы наизусть. Вспоминая свои ощущения от чтения этим преподавателем стихов А.С. Пушкина, М.С. Шагинян писала: «Холод проходит по спине. Пушкин! Но какой Пушкин, – совсем не тот, что в хрестоматии, совсем не «Птичка божья» или «Буря мглою»,

но после таких стихов, захватывающих дыханье, и «Птичку», и «Бурю» постигаешь глубже, тоньше, потому что открылась бездонная глубина пушкинской поэзии, от которой мороз пробегает по коже. И мы просим – еще, еще...» [1, с. 97].

Любовь к творчеству А.С. Пушкина и глубокое его понимание развивались у М.С. Шагинян и после окончания гимназии. Писательница вспоминала о своем знакомстве и общении с поэтом Владиславом Ходасевичем, который ей и ее сестре читал свои стихи, «а чаще учил нас читать Пушкина. Он изумительно читал Пушкина», – и добавляла: «Он знал Пушкина наизусть». М.С. Шагинян отмечала, ученье у В. Ходасевича чтению А.С. Пушкина, в частности, его стихотворения «Муза», «буквально повторенное мною позднее, когда я «зачитала» ее Рахманинову, а затем позднее Николаю Метнеру, вошло в русскую музыкальную классику, отразившись в двух «Музах» этих композиторов» [1, с. 55].

Любовь М.С. Шагинян к А.С. Пушкину, близость ей некоторых творческих устремлений поэта проявились в книге «Человек и Время...» в сюжете о ее поездке в город Измаил. Писательница давно хотела поехать в регион, откуда родом был ее отец, «прощупать свои гены по отцовской линии» [1, с. 55]. Помня, что в эти края совершил поездку и А.С. Пушкин, она решила попытаться повторить маршрут, которым следовал поэт, чтобы узнать больше о его личности. При этом М.С. Шагинян опиралась на сведения об этой поездке поэта, которые запечатлены в дневнике И.П. Липранди, военного историка, подполковника разведки, который получил задание поехать в Аккерман и Измаил, чтобы обследовать какие-то эксцессы в воинских частях, расквартированных в этом районе. «Пушкин, – писал в дневнике И.П. Липранди, – изъявил желание мне сопутствовать» [1, с. 55].

М.С. Шагинян, анализируя сведения, отображенные в дневнике И.П. Липранди, связанные с А.С. Пушкиным, его деятельностью в этой поездке, сопоставляя их с впечатлениями о собственном путешествии в эти края, сделала ряд интересных наблюдений и заключений. Характеризуя взаимоотношения И.П. Липранди и А.С. Пушкина в этой поездке, писательница отмечала: «Один твердо ведет свою служебную линию, у него всё рассчитано, ему надо «вести следствие», а другой рвется увидеть, пережить, узнать, побыть побольше, свернуть в сторону. ...Пушкин убегал от Липран-

ди, пользуясь каждой минутой, чтобы узнать, осматривать, выспрашивать» [1, с. 57]. М.С. Шагинян сделала вывод: А.С. Пушкин предстает в дневнике И.П. Липранди «удивительно близким, профессионально-рабочим человеком пера, – пламенным исследователем-очеркистом» [1, с. 56].

Писательница, характеризуя впечатления о собственном путешествии в этот регион, связанные с А.С. Пушкиным, его поездкой в эти края в 1821 г., с сожалением писала, что ему не удалось увидеть и узнать многое из того, что он хотел [1, с. 57-58]. Писательница с горестью отмечала, – «почему нигде, ни на одном доме, нет памятной доски о нем? Словно и не было Пушкина в Измаиле!» [1, с. 60].

Продолжая размышлять о том, почему литературное наследие А.С. Пушкина оказало такое глубокое влияние на духовный мир М.С. Шагинян, приходишь к выводу, что одна из главных причин этого явления – сходство некоторых важных черт творческих индивидуальностей этих двух литераторов, их творческих устремлений.

М.С. Шагинян восхищалась такой близкой ей гранью таланта А.С. Пушкина – быть «пламенным исследователем-очеркистом». М.С. Шагинян действительно была выдающимся очеркистом. Этому журналистскому жанру посвящена большая часть ее литературного наследия, а значительная часть ее публицистических очерков представляет собой мини-исследования.

В период 90-летия М.С. Шагинян появилось немало статей и несколько книг о ее творческом пути. Сама писательница выделила среди них работу И. Жукова, который обратил внимание на то, что главный герой ее книг – мысль. М.С. Шагинян так оценила это наблюдение критика: «Это удивительно верно и удивительно точно» [1, с. 523]. Писательница неоднократно отмечала такую характерную черту своего творчества – «стремление к додумыванию любого впечатления воспитывало мое мышление» [1, с. 431].

Великий русский писатель И.С. Тургенев в своей речи по поводу открытия памятника А.С. Пушкину в Москве ссылаясь на свидетельство Е.А. Баратынского, талантливого поэта и друга великого поэта, который как-то в письме воскликнул о своем впечатлении от чтения поэм А.С. Пушкина: «Можешь ты себе представить, что

меня больше всего изумляет во всех этих поэмах? Обилие мыслей! Пушкин – мыслитель!» [2, с. 250].

Другая важнейшая черта мировидения и творческого мира А.С. Пушкина, которая была выделена и обоснована другим великим русским писателем Ф.М. Достоевским: «В европейских литературах были громадной величины художественные гении – Шекспиры, Сервантесы, Шиллеры. Но укажите хоть на одного из этих гениев, который бы обладал такой способностью всемирной отзывчивости, как наш Пушкин» [3, с. 262]. М.С. Шагинян также была наделена подобной способностью. Вспомним ее известные «Зарубежные письма», ее монографии, посвященные Т.Г. Шевченко, И.В. Гёте, Низами, чешскому композитору И. Мысливечеку.

В этих размышлениях о сходстве некоторых черт творческих индивидуальностей М.С. Шагинян и А.С. Пушкина у меня не было и мысли, как это могло показаться, уравнивать творческое наследие гениального русского поэта А.С. Пушкина и выдающейся российской, советской писательницы М.С. Шагинян, их литературные наследия – совершенно разного масштаба и значения. По подобному поводу Ф.М. Достоевский мудро заметил: «И не в одной только отзывчивости дело, а в изумляющей глубине ее, а в перевоплощении своего духа в дух чужих народов, перевоплощении, почти совершенном, а потому и чудесном, потому что нигде, ни в каком поэте целого мира такого явления не повторилось. Это только у Пушкина, и в этом смысле, повторяю, он явление невиданное и неслыханное...» [3, с. 263].

В завершение этой статьи должен сделать одно обобщение. Нельзя не признать верность пророчества еще одного нашего национального гения Н.В. Гоголя, который писал: «Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, в какой он, может быть, явится через двести лет» [4, с. 241].

Творческий путь Мариэтты Сергеевны Шагинян начался почти через 80 лет, а закончился через полтора столетия после завершения жизни и творчества великого русского поэта. Но А.С. Пушкин по духу своего творчества был современником М.С. Шагинян, устремленным в будущее. В этом, видимо, и состоит главная причина большого влияния литературного наследия А.С. Пушкина на творчество М.С. Шагинян и других отечественных писателей.

Литература

1. *Шагинян М.С.* Человек и Время. История человеческого становления. М., 1982.
2. *Пушкин А.С.* Собр. соч.: в 10 т. Т. X. М., 1981.
3. *Достоевский Ф.М.* Очерк. Произнесено 8 июня в заседании общества любителей российской словесности // А.С. Пушкин. Собр. соч.: в 10 т. Т. X. М., 1981.
4. *Гоголь Н.В.* Несколько слов о Пушкине // А.С. Пушкин. Собр. соч.: в 10 т. Т. X. М., 1981.

Е.А. Паламарчук

ПЕРЕЛИСТЫВАЯ СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ: М.С. ШАГИНЯН О ВРЕМЕНИ, СОВРЕМЕННОКАХ И О СЕБЕ

Начиная как представитель Серебряного века русской поэзии, М.С. Шагинян вращалась в кругу выдающихся литераторов и других видных деятелей культуры, с некоторыми из них ее связывали даже узы дружбы.

Как отмечала сама Мариэтта Сергеевна, огромное влияние на формирование ее мировоззрения оказало обучение в московской частной гимназии Любови Федоровны Ржевской, которая, хотя и представляла собой образец «старой школы», по ее мнению, «обладала рядом преимуществ по сравнению с советской школой, в которой учились ее внуки» (признание, требовавшее немалого мужества в те времена, когда оно было сделано). Одно из таких преимуществ, указывала она, заключалось в том, что в гимназии преподавали учителя, имевшие университетское образование: Александр Александрович Кизеветтер (при первом упоминании о нем М.С. Шагинян писала, что он пользовался известностью в Москве «как образованный историк»); позднее, когда он стал преподавать в ее классе, он предстал «сдержанным и скучноватым»; возможно, данная оценка отчасти объясняется последующим замечанием: «эмигрировавший после революции»); сестра известного писателя – Чехова Марья Павловна (учитель истории и географии в младших классах); Иван Никифорович Розанов (преподаватель русской литературы, негласно знакомивший пансионеров, которые пользова-

лись его доверием, с произведениями Чернышевского и Добролюбова) и др. [1, с. 100, 110-111, 120-124, 159].

Когда читаешь о том или ином событии, оказавшем, по признанию М.С. Шагинян, влияние на формирование ее мировоззрения, поражает то, как ей удалось сохранить остроту их восприятия, не притупившуюся по прошествии десятилетий. Вот как переданы ею впечатления юной гимназистки от посещения постановки в Большом театре оперы Антона Рубинштейна «Демон» с великим Ф.И. Шаляпиным в качестве исполнителя главной партии, на которую ее повела Л.Ф. Ржевская. «Красно-золотой лилейный цветок Большого театра, увиденный в сиянье его люстр сверху, – как гигантская раскрытая чаша. Черная фигурка дирижера, вроде одинокого пестика, и льющаяся вверх, из низин оркестра, музыка, похожая на аромат, – всё это захватило сразу, успокоило глупые толчки сердца, успокоило нервы, потому что красота отодвинула мысль о себе самой... Это пришло как подготовка к чуду. Главным чудом был Демон-Шаляпин» [1, с. 202-203].

На склоне лет, ступив на торную тропу мемуаристики, говоря о 1908-1914 годах – «годах учения и странничества», М.С. Шагинян подчеркивала, что не сочла возможным не вспомнить «затопленные вешними водами времени, устаревшие, ненужные имена тех, кто соскользнул с пути истории в безбудущность; ошибавшиеся; потерявшие связь с родиной», и, в конце концов, сметенные «свежим, спасительным воздухом Октября, ...как сухие листья осени с нашего пути в будущее», поскольку это негативно сказалось бы на мировоззренческом становлении той части советской молодежи, которая проявляла «нездоровый интерес» к указанным лицам, обусловленный «запретностью плода» [1, с. 217-218].

В дальнейшем, описывая их с сестрой проживание в московском доме Феррари, прежде чем ввести читателя в пестрый и широкий круг исторических персонажей, с которыми судьба свела ее в упомянутые годы и которым вскоре было суждено покинуть родину, став в дальнейшем «злостными и активными врагами» советского государства, М.С. Шагинян, подчеркивая, что совершенному ими «предательству», «их тупому непониманию величайшего события в истории нашей страны [Октябрьской революции – *Е.П.*], значения этого события для человечества» нет и не может быть оправдания (необходимая страховка от обвинений в идеологической незрелости

сти!), отмечает, что в тот период, к которому относятся ее воспоминания, эти лица «еще не были предателями». Данное обстоятельство, по ее мнению, дает ей право и обязанность «говорить о них с тогдашней интонацией, чтоб показать отношения и вещи как они были» [1, с. 249].

Таким образом, благодаря находчивости и мужеству Мариэтты Сергеевны, многие составлявшие лицо своей эпохи представители интеллектуальной элиты, которые позднее заняли положенные им места на страницах отечественных энциклопедий, учебников, научных трудов, под талантливым пером М.С. Шагинян предстали перед ее советской читательской аудиторией в своем земном облике – людьми из плоти и крови.

Первым среди них становится поэт Владислав Ходасевич, «худенький, сухой как кузнечик» (следствие туберкулеза позвоночника) [1, с. 249]. В дальнейшем их число возрастает в геометрической прогрессии. Это и Сергей Николаевич Булгаков («К Булгакову, к его мимозовой какой-то недотрагиваемости, травмируемости, когда возникал спор о религии, я питала слабость», – признавалась М.С. Шагинян) [1, с. 287]; и Сергей Рахманинов, с которым ее связывала дружба, превратившаяся много лет спустя под пером писателя-эмигранта Виктора Серова в «романтическую связь», а сама М.С. Шагинян в своего рода музу композитора, который «следовал только ее советам в выборе материалов для своих композиций» [1, с. 492]; и богослов-философ Павел Флоренский, посланный группой Михаила Александровича Новоселова (известный православный писатель – *Е.П.*) отговаривать М.С. Шагинян от поездки к З.Н. Гиппиус. «Пришел в гости, – писала она, – сухощавый, невысокий, неприятный человек с армянским носом (наполовину армянин, родом из закавказского городка Евлаха) с жесткообтянутыми скулами аскета, но с полными губами, складывающимися в кривую усмешку, смотревший не прямо в глаза, а как бы из вежливости или невежливости в сторону от вас. Начал разговор прямо: известно ли вам? Знаю ли, куда, к кому собралась ехать?...», «не секрет для читающей публики, что Зинаида Гиппиус – особа извращенной морали, опасная для молодых девушек». Заканчивая монолог, он «загробным голосом изрек: «подумайте!» и удалился с той же кривой усмешкой, с какой пришел...» [1, с. 249, 286-287, 492].

Прежде чем коснуться «заклятой дружбы», в течение ряда лет связывавшей М.С. Шагинян с З.Н. Гиппиус, считаю необходимым обратиться к замечаниям мемуаристки относительно духовной атмосферы, в которой проходили первые годы ее творческого становления. Воспроизводя формулу «классической эстетики» о необходимости достижения в поэзии (в том числе гражданской) «единства содержания и формы», Мариэтта Сергеевна писала: «Нас воспитал период сугубой гражданственности в литературе. Форму мы понимали только внешне. Мы привыкли к тому, что важно лишь содержание – гражданское, передовое, революционное, ...а форма – Бог с ней ...Но в те же годы началось сатирическое высмеивание неприхотливости, безвкусицы, упрощенчества этой формы». Дальше приводятся примеры пародирования гражданской поэзии того времени: «Он» и «она» (неизменная для рифмы «луна» шепчутся, обнявшись, о знаменитых крестьянских отрезках ...). «Она» и «он» (неизменный для рифмы «волшебный сон»), целуясь, спорят о прибавочной стоимости...». (В этой связи, автору статьи вспоминается как в годы его ученичества, прошедшие в Ростовской средней школе № 36, приглашенная выступить перед учениками сотрудник отдела культуры областного комитета КПСС – мать одноклассника, рассказывала о некоей оперетте, поставленной в первые годы Советской власти (название ее память не сохранила), в одном из эпизодов которой по сцене проходило стадо коров, певших: «И ведет нас вдалека верный ленинский ЦК!»).

Но вернемся к воспоминаниям М.С. Шагинян. Прибегнув в который раз к искусному использованию «подушки безопасности» (в данном случае в качестве таковой послужила ссылка на свидетельство Н.К. Крупской о том, что в период нахождения в ссылке в Шушенском они с Лениным занимались не только переводом Веббов, но и отдавались «молодой страсти»), Мариэтта Сергеевна, не забывая об использовании обязательных идеологических клише («так называемое декадентство... принесло немалый вред, уводя литературу в сторону от общественных и гражданских тем»), признается, что именно декадентство сыграло «некоторую роль» в постепенном осознании ею и ее поколением значимости «единства содержания и формы». Более того, оно «ввело в обиход начинающих поэтов понятие «хорошего вкуса», ...как бы вернуло нас к пушкинской эпохе работы над языком, к необходимости школы», в

которой «освежающими, оживляющими, ...как группа витаминов Б, сделали Бальмонт, Белый, Брюсов, Блок...». «Сознавшись» далее, что, не являясь «настоящей участницей этого движенья», она «солгала бы, если б сказала, что школа модернизма не захватила» ее, Мариэтта Сергеевна писала: «Сперва такой школой сделалась поэзия Гиппиус» [1, с. 378-380].

Для многих поколений читателей М.С. Шагинян стала своего рода проводником в мир, заповеданный советской цензурой.

В первую очередь это относится к Зинаиде Николаевне Гиппиус и Дмитрию Сергеевичу Мережковскому, которые не приняли революцию. З.Н. Гиппиус в своем Петербургском дневнике так выразила собственное отношение к приходу большевиков к власти: «Россией сейчас распоряжается ничтожная кучка людей, к которой вся остальная часть населения, в громадном большинстве, относится отрицательно и даже враждебно. Получается истинная картина чужеземного завоевания. Латышские, башкирские и китайские полки (самые надежные) дорисовывают эту картину. Из латышей и монголов составлена личная охрана большевиков: китайцы расстреливают арестованных, – захваченных... Китайские же полки или башкирские идут в тылу посланных в наступление красноармейцев, чтобы когда они побегут (а они бегут!), встретить их пулеметным огнем и заставить повернуть. Чем не монгольское иго?» [2, с. 173].

Вспоминая первое письмо З.Н. Гиппиус к ней, М.С. Шагинян отмечала, что уже для него, как и для всех последующих, были характерны четкость, твердость, властность, ...выработанная привычка наставлять...». Кроме того, от него веял «чуть заметный сквознячок иного, не совсем моего...». Этот «сквознячок» породил «крохотный, но постоянно растущий уголок сопротивления», вскоре трансформировавшегося в «огромный ком несогласия». Постепенно менторский тон писем З.Н. Гиппиус, ее реакция на «неправильные» поступки М.С. Шагинян, рождавшие в душе Мариэтты «ответное чувство... униженья, ...чувство какой-то своей малости», вызывает у молодого литератора всё больший протест. Отмечая, что «в природе Гиппиус отсутствовал юмор», М.С. Шагинян на склоне лет пишет: «Сейчас я понимаю, что так нельзя воспитывать» [1, с. 271-272, 337-338].

Впрочем, охлаждение в отношениях было обоюдным. Его нарастание можно проследить и по письмам З.Н. Гиппиус. 8 августа

1909 г. она написала М.С. Шагинян: «... В сегодняшнем письме, милая Мариэтта, вы немножко провалились... Я вовсе не думаю «порвать отношения»...; я только увидела, что вы все-таки молодое женское существо, подвластное встречным желаниям... А если любите, то, оказывается, меня, «еретичку», «сектантку» и «революционерку», ...считающую «Вехи» – книгой дряблой, бездарной, скучной и кощунственной, – между тем как вы «пробуете свое перо», ее восхваляя... (в своих мемуарах М.С. Шагинян вспоминает об этом эпизоде: «Я вдруг, ни с того, ни с сего, расхваливаю в печати «Вехи», а Зина пишет, что «Вехи» – мерзость и гадость» [1, с. 337]). Да, вы ничего не знаете, Мариэтта, не в укол вашему самолюбию будь сказано... Только я «учусь», а вы ... «учимы»... Отдохните от этой учимости...» [3, с. 111-112].

Как признавалась М.С. Шагинян, ее «полный отход от Мережковских» произошел в период с конца 1910 г. до конца 1911 г.

4 июля 1910 года З.Н. Гиппиус в письме Дмитрию Философову сообщило: «... От Мариэтты в 100 листов получила регламентацию (раннейшую вчерашнего письма), где она еще стоит за странствия и за лапти. Скучно! Вообще скучно, от всего» [4, с. 647, 586-857].

Наконец, в письме, адресованном В.Я. Брюсову от 1 (14) февраля 1912 года читаем: «Посылаю вам кусок письма поэтессы М. Шагинян, которая истомила меня требованиями, чтобы я рекомендовала Вам ее статью обо мне для прочтения в Кружке. Сколько я ни говорила, что это «неприлично» и не мое дело – не понимает. Посылаю вам этот кусок письма, а затем умываю руки. (Девушка, впрочем, хотя и нелепая, но не лишенная умственных способностей)...» [5, с. 211, 165-257].

С А.А. Блоком М.С. Шагинян не была лично знакома, но тот, хотя и признавался в письме к ней в том, что знает ее мало («по своему всегдашнему нелюбопытству», в том, что не знаком с наиболее известным сборником ее стихов «*Orientalia*»), тем не менее положительно отзывался о ее драматургических опытах, в частности, о пьесе «Чудо на колокольне», которую рекомендовал в «Записки мечтателей» [1, с. 652]. Здесь уместно вспомнить свидетельство о А.А. Блоке, оставленное поэтом В.А. Зоргенфреем. «Излишне сентиментальным не был Блок в житейских и даже в дружеских отношениях и не на всякую обращенную к нему просьбу сочувственно отзывался. Но, приняв в ком-нибудь участие, был настойчив и

энергичен и доброту проявлял в формах исключительно благородных» [6, с. 35, 7-39]. Доказательством справедливости последнего замечания служит его отношение к М.С. Шагинян, с которой он не был лично знаком. Сообщая издателю Самуилу Мироновичу Алянскому о том, что М.С. Шагинян прислала ему сборник своих пьес, он отметил, что «она очень талантлива», а через несколько дней, несмотря на тяжелую болезнь, вновь заговорив о ней, он рекомендовал Алянскому напечатать ее пьесу «Чудо на колокольне» в издаваемом им журнале «Записки мечтателей», в котором она и была опубликована, но уже после смерти Блока в 1922 году [7, с. 317-318; с. 259-325].

Разумеется, в одной статье невозможно коснуться всех даже наиболее интересных перипетий жизненного и творческого пути М.С. Шагинян. Однако хотелось бы остановиться на еще одном эпизоде из ее биографии. Он касается встречи М.С. Шагинян с Кларой Цеткин, которая состоялась на одной из фабрик при обстоятельствах, напоминающих известную сцену из «Собачьего сердца» Михаила Булгакова. Вспоминая как «после Октябрьской революции у нас... прививали кое-где искусственные обряды, связанные с событиями жизни, ...чтоб укрепить в людях социалистическое сознание», М.С. Шагинян так описывает сцену, в которой видная немецкая коммунистка выступила восприемницей новорожденной девочки – дочери работницы предприятия: «На красной скатерти стола лежала подушка в белой как снег наволочке с красивыми вышивками, а на подушке что-то темное, сморщенное, издающее чуть слышный сип в розовом чепце... Твердо приняв и слегка приподняв этот комочек..., Клара сказала ясным голосом немецкую фразу..., а потом... по-русски: «В честь Розы Люксембург, большой революционерки, называем тебя Роза...» [1, с. 430-431].

Воспоминания М.С. Шагинян посвящены главным образом до-революционному периоду ее жизни. В тех же случаях, когда она говорила о своих коллегах по литературному цеху советской эпохи, она нередко приводила подробности, в то время остававшиеся за скобками их официальных биографий. Так, характеризуя Ольгу Форш как «яркую писательницу» и творчески разностороннего человека, она сообщила, что та была и «мистиком, с бурным темпераментом мистика», хотя и относилась к своему мистицизму кри-

тически. Справедливости ради, следует заметить, что к тому моменту, когда эта информация стала достоянием читательской аудитории, повредить Форш она уже не могла.

В целом же созданное Мариэттой Сергеевной Шагинян автобиографическое повествование, отличающееся эпохальным размахом и обладающее всеми признаками романа-шкатулки, по нашему мнению, является самым значимым из всего ее прозаического наследия. При этом, когда читаешь мемуары М.С. Шагинян, не покидает ощущение того, что степень остроты восприятия ею давно произошедших событий с течением времени лишь возрастает. Впрочем, Мариэтта Сергеевна сама вывела и объяснила формулу этого феномена. Она заключается в «привычке» «смотреть назад в прошлое... как вперед» [1, с. 205].

Литература

1. *Шагинян М.С.* Человек и Время. История человеческого становления. М., 1980.
2. *Гиппиус З.Н.* Живые лица: в 2 т. Т. 1. Тбилиси, 1991.
3. Зинаида Николаевна Гиппиус. Новые материалы. Исследования. М., 2002.
4. Переписка З.Н. Гиппиус с Д.В. Filosoфoвым (1901–1914) // Литературное наследство. 2018. Т. 106. № 1.
5. Переписка З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковского, Д.В. Filosoфoва с В.Я. Брюсовым (1910–1919) // Литературоведческий журнал. 2005. № 19.
6. *Зоргенфрей В.А.* Александр Александрович Блок. (По памяти за пятнадцать лет: 1906–1921 гг.) // Александр Блок в воспоминаниях современников: в 2 т. Т. 2. М., 1980.
7. *Алянский С.* Встречи с Александром Блоком // Александр Блок в воспоминаниях современников: в 2 т. Т. 2. М., 1980.

Н.А. Мещерякова, Е.Ю. Контарева

МАРИЭТТА ШАГИНЯН. «ЧЕЛО ВЕКА»: О МУЗЫКЕ И О СЕБЕ

Не писать о музыке возлюбленная дочь Серебряного века, выдающийся мыслитель XX столетия М.С. Шагинян не могла, поскольку в этом виде искусства находила она основу созидательного

мыслительного процесса и сами истоки человеческого бытия. «Музыка была выражением чувств человека с тех пор, как двуногий ощутил себя человеком. Но только ли чувств? Вне понятий, вне слова, не хватаясь за словесные ассоциации, а, наоборот, совершенно оторвавшись от них, движется незримая нить музыкального построения в вашем восприятии, связывая уже в вашем мозгу, в вашем сознании поток звуков в одно нерасторжимое целое, живущее именно как целое и созданное музыкантом как целое» [4].

И в этих рассуждениях о процессуальной природе музыки концентрировались и растворялись представления о музыкальной форме и музыкальной драматургии: «Ну, а нить – это ведь закономерная последовательность, цепочка, где звено обязательно цепляется за звено, связанное с ним каким-то убедительным для нас законом. Закон логики? Закон диалектики? Называйте каким угодно научным обозначением, вы всегда придете к понятию языка» [4]. Так писала неутомимая просветительница и исследовательница в своей книге о возрожденном из небытия и возвращенном общественной памяти Йозефе Мысливечке, словно бы по наитию просто и не вполне осознанно восходя на высокую ступень научного знания и достигая органичного единомыслия с Б.В. Асафьевым, представлявшего музыку как процесс и «искусство интонируемого смысла». Подобно этому видному ученому и композитору, впервые обогатившему сознание своих современников важным понятием «музыкального словаря эпохи», она также трактовала музыку как языковую систему. «Нить, ведущую слух ваш от звука к звуку путем построения и восприятия целого, тоже можно назвать языком – языком музыки. И чем больше знаете вы язык этот, чем сильнее привыкли к нему, любите его, не можете уже обходиться без него, тем глубже становится он для слитного вашего восприятия языком мышления, а не одних только чувств. Мышления, оторванного от понятий. Мышления, для изъяснения которого просто и не существует понятий, а есть прямой переход к состоянию и действию, к направлению ваших симпатий, к поступкам и поведению» [4]. Таким образом, постижение этой процессуальной звуковой материи происходит не только на мыслительном, но и на чувственном уровне, и одновременно с этим формирует саму мыслящую личность ("homo sophus" или "homo cogitus"), которая способна «мыслить музыкой и под воздействием музыки «вырабатывать свою фи-

лософию жизни» [4]. Вывод, воплощенный в афоризме, ставшем давно хрестоматийным (*«не знать музыки так же позорно, как не знать грамоты»*), М.С. Шагинян дополняла собственным тезисом: музыка является природной потребностью человека, реализуемой индивидом по-своему, а еще она – цемент, скрепляющий «все чины мироздания», и в силу этого с давних времен являла собой «важнейшее средство воспитания нового человечества».

И тут же на страницах своих мемуаров под названием "Человек и Время. История человеческого становления" в самой непосредственной и живой манере, ссылаясь на факты собственной биографии, писательница возвращала человечеству забытый опыт духовного окормления формирующейся личности под материнским крылом, под влиянием жизненного и эстетического кредо той, что подарила ребенку жизнь. Называя свою мать «музыкальным феноменом», проявление ее «необыкновенной музыкальности» Мариэтта Сергеевна связывала с неудержимым стремлением мудрой Пепронэ Яковлевны передавать подрастающим дочерям богатый художественный багаж, облекая свои впечатления в звуки. Всё, что ей приходилось слышать в Большом театре и Дворянском собрании на концертах, она повторяла дома на рояле – «для себя, когда не было отца, и для детей». Особенно любила она тогдашние оперетты, и им «я обязана знанием классической эры оперетт, пониманьем их несомненной гениальности, пришедшей сейчас, по моему глубокому убеждению, в упадок» [5]. Детское воображение поражали и буквально завораживали искрометные опереточные галопы, виртуозно исполненные матерью: «Заразительный, сумасшедший ритм их несли с чеканным блеском под ее пальцами-молниями» [*там же*]. Но в те же минуты головокружительного восторга в юном сознании исподволь вызревали и складывались эстетические ориентиры и оценочные критерии. И важным было не столько то, насколько справедливыми и точными были эти детские суждения и представления об искусстве, в соответствии с которыми «бездарной современной эклектике или сентиментальной банальщине школы Кальмана» обе сестрички – Мариэтта и Магдалина – предпочитали «божественные мелодии» «Корневильских колоколов», «Цыганского барона», «Нищего студента», «Продавца птиц», «Мартина-рудокопа». Главным оказывалось не то, насколько взвешенными или скоропалительными были эти еще незрелые взгляды,

а сам бесспорный факт постепенного формирования эстетического кредо в прелестной юной головке будущей наставницы творческой молодежи, которая, благодаря увлеченности, настойчивости и безусловной компетентности молодой учительницы, входила в мир сложных философских категорий.

А происходило это в стенах Донской консерватории в короткий исторический промежуток (1915–1918) на основе неукротимого интереса самой Мариэтты Шагинян к социологической науке, ее стремления проникать в суть культурных процессов. Так, взгляды будущей писательницы, подметившей, что «...именно в оперетте зажегся на сцене социальный момент, сатирическое начало, политическая карикатура», удивительным образом совпадали с воззрениями Теодора Адорно, связывавшего само рождение этого жанра с пробудившейся в обществе тягой к самоосмеянию и потребностью взглянуть на себя сквозь «зеркало нравов».

Литературное наследие Мариэтты Шагинян предстает перед нами сегодня веским доказательством того, что становление нашей легендарной землячки как социолога, историка искусств, искренне заинтересовавшегося музыкальной психологией в период зарождения этой науки, происходило задолго до того, как начинающая поэтесса поступила на историко-философский факультет Высших женских курсов В.И. Герье. Круг ее разнообразных научных интересов определился и в немалой степени зависел от природной интуиции: «Наука лишь начинает подходить к вопросу о действии музыки, то есть организованного гармонического потока звуков, на окружающий мир».

Началом всех начал для Мариэтты Шагинян оставалась музыка. «Но ведь и у меня началось именно с музыки, как всё начинается с музыки, с первого музыкального лепета вашего ребенка, с первого звука материнского голоса, поющего колыбельную, со щебета птички за окном, с песни дождевой капли, с шума листьев под ветром, с беззвучной музыки любимого лица, любимого воспоминания, взятого могилой» [4].

Поэтичнейшие метафоры, к которым прибегала в своем наследии Мариэтта Шагинян, не только не заслоняют, но, напротив, оттеняют значимость ее творческих достижений, к которым, в частности, принадлежит и самостоятельно сформированная ею ценностная шкала, позволяющая выделить мелодическое начало в музы-

ке как явление, имевшее для писательницы и искусствоведа непреходящее значение. «Кстати сказать, о мелодии. Глупо (и, по-моему, – подозрительно) ведут себя многие адепты архимодернизма, презрительно относясь к мелодии. Что такое мелодическое целое, созданное как песня, как живой сгусток законченной речи в любой большой музыкальной форме, как не чудесно найденное «сообщение» от сердца к сердцу, от мозга к мозгу – музыканта к своему слушателю? Сообщение, услышанное и для себя, из мира той тайны, которую зовут творчеством. Оно западает в душу, запоминается, облетает мир, становится бессмертным» [5]. А далее автор приводит собственную дневниковую запись, сохранившую слова, сказанные в беседе с Мариэттой Шагинян Дмитрием Шостаковичем: «Я был бы счастлив сочинить такую мелодию, как песенка герцога из "Риголетто" "Сердце красавицы"... Верди написал, а на следующий день ее пела вся Италия» [5]. Впрочем, этот мелодический шедевр писательница считает столь же редким, как «дивные камушки на коктейльном берегу».

В своих документальных поисках, доставлявших ей надежные аргументы в эстетических спорах, Мариэтта Сергеевна была настойчива и скрупулезна. Так, изучая творчество Д. Шостаковича, она сумела извлечь из исторического небытия любопытный материал: авторское предисловие к либретто оперы "Леди Макбет Мценского уезда". В этом кратком обращении к своим слушателям композитор, которого критика с азартом «уличала» в невокальности его стиля, запальчиво отрицая его мелодический дар, по сути провозгласил культ вокала и торжество кантилены. «Музыкальный язык оперы я старался сделать максимально простым и выразительным. Я не могу согласиться с теориями, одно время имевшими у нас хождение, о том, что в новой опере должна отсутствовать вокальная линия и что вокальная линия является не чем иным, как разговором, в котором должны быть подчеркнуты интонации. Опера является прежде всего вокальным произведением, и певцы должны заниматься своей прямой обязанностью – петь... У меня все вокальные партии построены на широкой кантилене с учетом всех возможностей человеческого голоса, этого богатейшего инструмента» [7, с. 444-451].

Однако в наследии писательницы данная проблема предстает лишь частью более широкой и значимой, связанной с «расчелове-

чеванием» музыкального искусства. «Учитывая всё, сейчас происходящее, приходишь к печальному выводу, что нынешняя музыка всё более и более откалывается от человека. И те вихри, которые завивают в ней любители супра-натуральных ощущений, в конце концов, подбирают под себя собранное и целостное искусство XVIII – XIX вв., рискуя поглотить его или рассеять» [6]. Высказав свои опасения достаточно давно (с учетом того, что более сорока лет тому назад завершился земной путь писательницы), М.С. Шагинян не могла предполагать, насколько пророческими окажутся ее слова по отношению к нашему времени, печальный образ которого она предугадала в своем музыкально-психологическом очерке, посвященном С.В. Рахманинову, и датированном 1912 годом. Однако минуло более шести десятилетий, и уже в 1978 году, перешагнув 90-летний рубеж, в своем уникальном историко-аналитическом опусе "Человек и Время..." мудрая создательница летописи констатировала с прискорбием: «соблазн обезличения, обесчеловечения» изведен нынешней музыкой до конца». И вот уже, устремляя свой взор на сегодняшний день, М.С. Шагинян писала о недопустимости создания художественного продукта на основе готовых полуфабрикатов – стандартов и клише. И здесь автор провела параллель между артистом и поваром, который бы не допустил подобного глумления над своей профессией. «Техника искусств, обросшая за последние десятки лет множеством готовых полуфабрикатов, должна была бы вызвать к себе пренебрежение у артиста не меньшее, чем у повара» [5].

Неужели писательница смогла предусмотреть разросшийся до небывалых размеров процесс копирования известных исполнительских стереотипов на основе новейших гаджетов? Заметим, что писательница отнюдь не призывала представителей новых поколений повторить «подвиг» лионских ткачей, выступавших против технического прогресса. И всё же рекомендовала своим потомкам не слишком обольщаться благими его последствиями. Пользуясь своей печатной трибуной, непосредственно с книжных страниц неутомимая просветительница обращалась к своей молодой аудитории. «Дорогие друзья-читатели. Ведь я прабабушка. Мой век не мотыльковый. На своем веку я пережила и сама и через книгу немало научно-технических революций. И всякий раз влияние их на душевно-духовное содержание жизни преувеличивалось воображень-

ем современников. <...> Технические революции очень, очень многое меняют в жизни, но «звезды в небе и нравственный закон в человеке» меняются куда медленней машины. Я уверена, что люди кибернетической эпохи <...> так же будут любить в Гомере ежедневно восходящую "Эос с перстами золотыми"» [5]. Так размышляла Мариэтта Сергеевна с высоты обретенного опыта.

Приведенное высказывание, соединившее в себе сомнение и надежду, переключается по смыслу с глубокими наблюдениями над культурными процессами, отраженными Г.В. Свиридовым в его книге "Музыка как судьба". Продолжатель лучших национальных традиций, крепко связавших его с С.В. Рахманиновым, был обеспокоен многими тенденциями, тревожившими и «шаровую молнию советской литературы», как нарекли коллеги Мариэтту Сергеевну за непокорный нрав и неугасимый темперамент.

И Г.В. Свиридову и М.С. Шагинян внушало тревогу увлечение композиторов «авангардизмом» и «техницизмом», засилье в культуре музыкальных дельцов, «композиторов-промышленников», «дизайнеров», «украшателей», которых «следует отличать от композиторов, производящих подлинно духовные ценности. Таких – совсем немного, но они были, – например, Рахманинов. Есть они и теперь» [3]. Свою ноту оптимизма Г.В. Свиридов подкрепил уверенностью в том, то на смену создателям «антимузыки», которые плодят «стереотипную, клишированную продукцию», придут другие, чья музыка «может стать спутником человека в его высоких духовных порывах» [3]. И в этом контексте высказывания М.С. Шагинян о С.В. Рахманинове – не только как о современнике, собеседнике, участнике их обоюдной переписки, но и как непреходящем явлении, обретают злободневную остроту. «Рахманинов на "междупланетном" языке пытается отстоять человечность» [5]. Стремясь проникнуть в самую суть его природы и его стиля, разгоня «волны темного пристрастия», М.С. Шагинян естественным образом вписала его личность и его творения в контекст нашей современной эпохи, представив С.В. Рахманинова как нравственный и профессиональный ориентир. «Мужественное искусство Рахманинова с простотою и серьезностью протягивает нам руку помощи. И тот, кто ее раз принял, ответит ей чем-то большим, чем признание и хвала. Он сбережет для нее интимную благодарность, чувство пережитой близости и ту деятельную любовь, которая воздается

лишь живому, – любовь, столь же помнящую, сколь и возлагающую надежды» [6].

Мариэтте Сергеевне Шагинян принадлежит много глубоких наблюдений и мудрых мыслей. Но, как утверждал К.Н. Батюшков еще в начале XIX столетия, «...вся мудрость человеческая принадлежит веку, обстоятельствам» [2, с. 7]. А это значит, что в мыслях человека, в его мировоззрении и творчестве отражается «чело века», выражаясь словами «Бори Бугаева», как называла Мариэтта Шагинян на правах единомышленницы и близкого друга Андрея Белого. Однако «чело» – это не облик, не образ и даже не лик и уж тем более – не панорама эпохи. Часть человеческого лица, соотносимая с челом, сопряжена с мыслительным процессом, и в подобном аспекте это словосочетание отражает характер воззрений на музыкальные процессы своего времени. Право писательницы судить о них с исчерпывающей полнотой признавали за ней ее выдающиеся современники – творцы музыки. «...Если Вы что-нибудь напишите обо мне, то это для меня будет большим подарком», – заявлял без всякого преувеличения Д.Д. Шостакович. «Отныне, говоря о себе, могу смело ссылаться на Вас. «Авторитетность Ваша тут вне сомнений» [цит. по: 1, с. 18], – так отзывался о своей *Re* С.В. Рахманинов. И ей, проповеднице высоких идей в разных сферах, сумевшей жить и мыслить «с веком наравне», принадлежала особая честь – сказать о Времени своем глубокое, трепетное Слово.

Литература

1. *Авдулов Н.С., Мирзабекова Н.В.* Мариэтта Шагинян. Нахичевань в жизни и творчестве. (Серия «Жизнь замечательных нахичеванцев»). Ростов-на-Дону, 2013.
2. *Батюшков К.Н.* Сочинения Батюшкова: [в 2 т.]. СПб., 1850. Т. 1: [Проза; Письма и отрывки].
3. *Свиридов Г.* Музыка как судьба. М., 2020.
4. *Шагинян М.С.* Иозеф Мысливечек. М., 1983.
5. *Шагинян М.С.* С.В. Рахманинов (Музыкально-психологический этюд) // «Труды и дни», 1912, № 4/5.
6. *Шагинян М.С.* Человек и Время: История человеческого становления. М., 1982.
7. *Шагинян М.С.* Дмитрий Шостакович // Шагинян М.С. Собр. соч.: в 9 т. Т. 9. Работы о музыке. М., 1975.

**ТАРАС ШЕВЧЕНКО: ПУТЬ ОТ КРПАКА
ДО ВЕРШИНЫ НАРОДНОГО ПРИЗНАНИЯ (по материалам
монографии М.С. Шагинян «Тарас Шевченко»)**

Отечественное искусство знает немало ярких дарований, вышедших из крепостных. Все эти дарования, будь-то художник, актер, зодчий или балерина, «роднит одна общая черта», – «совершенство, достигнутое как будто с необычайной легкостью». За безукоризненностью образа, глубиной композиции, свежестью красок зрителю кажется, что всё это давалось «счастливицу» только силой своего таланта. А между тем за совершенством «крепостных дарований» скрывался «невидимый, молчаливый, упорный, напряженнейший труд». Для дворянско-помещичьей культуры начала XIX века характерна такая черта – чуть ли не в каждом доме или усадьбе помещики «пописывали», «помалевывали», сочиняли музыку. Но для дворян искусство «не было профессией, средством заработка, не имело никаких социальных целей, – оно развлекало, им баловались». Эту дворянскую черту – склонность к художественной «самодеятельности» – М.С. Шагинян недвусмысленно назвала «*дилетантизмом*» [1, с. 47].

Вот одно из свидетельств самой писательницы: однажды талантливый молодой дворянин Лев Жемчужников пришел уже к больному Карлу Брюллову «за советом (он хотел бросить пажеский корпус и стать художником)», и лежащий в постели Брюллов «стал с жаром его отговаривать». Он поведал о том, «как упорно должен заниматься художник, садиться за работу с восходом солнца и кончать работу, ложась спать... о том, что начать рисовать надо с младенческого возраста, чтобы приучить руку передавать мысли и чувства... Что же предстоит начавшему учиться так поздно? Ему предстоит всю жизнь не быть удовлетворенным».

Крепостные актрисы, художники, музыканты, одаренные талантом, вовсе не «баловались» по примеру своих господ. «Хозяева, стремясь сделать из них профессионалов», чтобы «щегольнуть перед соседом, затмить другого владельца «талантов», «...муштровали, порóбли, заставляли учиться до головокруженья, приучали к казарменной дисциплине» [1, с. 47-48].

Художник Ширяев, на выучку к которому был сдан крепостной Тарас Шевченко (1814–1861), вовсе не был неграмотным маляром, но «выполнял сложные декоративные композиции, и ученики-подмастерья проходили у него суровое, тщательное обучение». Легкость перехода Т. Шевченко от рисунка к умению схватывать портретное сходство, быстрое усвоение Брюлловских приемов мелкого, тщательного мазка, добротной доделанности деталей, облагораживания оригинала шло вовсе не от «легкости», а «от здоровой нерастраченной крестьянской работоспособности и хорошей пройденной у Ширяева выучки» [1, с. 48-49], о чем свидетельствуют три полученные им медали за период обучения в Академии художеств.

Свое детство крепостной мальчик Тарас Шевченко провел в лакейской у барина. Талантливый, остро чувствующий и нежный душой, ко всему пытливый и жадный до жизни, он, родившийся в «крепости», привык «целовать руку у барина» и не испытывающий никакого рефлекторного стыда от этого (при первой встрече «от сердца» хотел поцеловать руку художнику Сошенко), привык принимать «колотушки»; знал, если попадет под горячую руку, то будет бит; «не чужд хохлацко-мужицкой хитринки, изворотливости, необходимости для самозащиты и надуть иной раз барина или барских прислужников» [1, с. 62].

Первым учителем Тараса Шевченко в искусстве был Карл Брюллов. Именно «великий Карл» первым оценил рисунки мальчика-«кріпака»; помог его выкупить. Именно Карл Брюллов, этот знаменитый художник своего времени, взял двадцатичетырехлетнего Тараса, случайно обученного юношу, без школы, без знаний, еще целующего руку «барину», еще хранящего следы побоев на себе, учеником в Академию, посадил на хлебником за свой стол, сделал своим человеком в доме, приучил к чтению вслух, брал с собою в театр. Именно Карл Брюллов стал авторитетом и даже кумиром для впечатлительного, благодарного, глубоко чуткого Тараса Шевченко. Живя в мастерской у К. Брюллова, Тарас поднимался спозаранку, работал до завтрака, в одиннадцать вместе с учителем завтракал, потом опять работал до трех часов. После обеда – либо поход в театр, либо *чтение вслух*, либо опять работа до вечера. «Бывшему пастушонку нипочем было вставать с петухами, сыну умершей от «праці» матери естественным казался длинный рабочий день, ученику маляров и цеховых дел мастера – пустяком было войти

в сложный мир изготовления красок». К. Брюллов полюбил этого юношу и приблизил его к себе не за один только талант, но именно «за эту рабочую психологию, за тренировку сызмальства, за приученную им с детства к рисунку руку» [1, с. 48, 98, 102-103].

Тарас Шевченко попал «в окружение людей свободных, не знающих над собой хозяина», приобщился «к большому, вольному миру; перед ним открываются искусство, книги, умственная жизнь общества его времени» [1, с. 62].

Впрочем, лучший ученик К. Брюлова *вырос* не в «брюлловца», *не в живописца*, – хотя у Тараса было огромное художественное дарованье, – *а в народного поэта*. В великолепном окружении брюлловских картин, как писала Маризэтта Сергеевна Шагинян, он «вдруг запел, забросал бумажные лоскутки каракульками своих поэм и стихов, из него стихийно вырвалась песня. Она пела о том потаенном», что поэт Т. Шевченко вынес «из сыновней тоски по матери-земле, по народу, скованному рабством, о всех впечатлениях детства. В его песнях был воздух, пейзаж, чувство, социальная воля к действию» [1, с. 49].

М.С. Шагинян указывала, что еще уральские богачи Демидовы и Строгановы стали посылать за границу своих талантливых по части механики крепостных для получения политехнического образования. Крепостные-уральцы, привыкшие у себя на родине к бесправию, приехав в Европу, окунались в обстановку свободы, набирались новых привычек и манер, за три-четыре года жизни на чужбине выучивались вольной форме «держания себя в обществе». Возвращаясь обратно к своему помещику, во власть старых навыков, в мир, где управляющий мог высечь их на конюшне, с ними происходил тяжелый душевный шок. Очень многие несчастные интеллигентные крепостные гибли, спивались или «свихивались». Так было и до Тараса Шевченко, так случалось и в его время.

Но судьба украинского поэта оказалась иной. Однако душевный надлом произошел и в нем. Став свободным, он общался с образованными людьми своего времени. Как гостя его принимали в знатных помещичьих домах Малороссии, куда раньше, быть может, он приезжал на запятках кареты своего барина, где дремал в ожидании его отъезда, а теперь оказался ласкаемым и лелеемым как народный певец. Не смог сразу забыть вчерашний кріпак своих многолетних привычек, тем более что его кровные сестры и дворовые ребята, с

которыми он играл в детстве, будучи детьми барских лакеев, в среде которых он пребывал, – в свои юношеские годы всё же оставались в крепостной зависимости.

Надлом состоял в следующем: Выбравшись из крепостной зависимости, Тарас Шевченко попал в психологическую зависимость, подавляющую его собственную волю чужой воле, которую первое время он еще терпел. Его желала «воспитывать», «исправлять», «поучать», «переделать» под себя, – и в личных встречах и в письмах – тридцатипятилетняя «экзальтированная» княжна Варвара Николаевна Репнина, влюбленная в поэта-юношу.

Бездарный по натуре и властный националист П. Кулиш постоянно желал менторски влиять на политические взгляды и эстетические вкусы украинского поэта, «руководить дичком» Тарасом Шевченко, народным «соловьем», или, – как писала М.С. Шагинян, – «подстричь, подрисовать, обучить, направить в русло понимаемого, по Кулишу, «служения народу». П. Кулиш никогда не говорил с поэтом просто, своим голосом, и даже по возвращении Т. Шевченко из ссылки он продолжал общаться с ним тоном взрослого с ребенком, как бы засахаривания ласкою и прибауткою горьких, но необходимых нравоучений, при помощи эдакого менторского водительства, словно поэт – стихийный и несознательный младенец, творящий «на́черно», а он, Кулиш, уже делает всё «на́чисто» [1, с. 37, 64-65, 70].

Ясное дело, что человеческое достоинство Тараса Шевченко страдало не только от того, что он, крїпак, стал свободным, но и от того, что его народ оставался крепостным, и от натиска на него всех, кто желает им руководить, кто навязывает ему свою волю, свои нравоучения. «Господствующей чертой» личности Т. Шевченко М.С. Шагинян называла *«сознание себя сыном своего народа»* [1, с. 104], который был бесправен, измучен и унижен крепостным правом. И поэт ни на одно мгновение не забывал классовой общности с трудовым народом и Украины, и России, которая определяла выработку и его эстетических взглядов, и его язык. «Молодой, гибкий, самостоятельный, созданный Т. Шевченко язык стал орудием украинской культуры, ее будущим. Украинские националисты, при всей их сентиментальной любви к самобытности, не очень уважили язык крестьянства, «чистую полтавскую мову»; они позволяли себе коверкать ее, прибегали к ней лишь для «обихода», ...допускали в письме

произвол и неграмотность... В то время как язык Тараса Шевченко был голосом народной массы, крестьянства... Бессмертие Шевченко-поэта в том, что он выковал для народа язык, способный к глубоким, исторически правдивым, тончайшим обобщениям при помощи самых простых средств» [1, с. 13-14, 25].

В 1846 году во время своего пребывания в Киеве Т.Г. Шевченко сблизился с историком Н.И. Костомаровым, по его рекомендации поэт стал членом тайной политической организации «Кирилло-Мефодьевского братства», целью которой была отмена крепостного права и создание славянских демократических республик.

Весной 1847 года десять участников этого кружка были арестованы по доносу. У Т.Г. Шевченко во время обыска обнаружили поэму «Сон», в которой критике подвергался политический режим Российской империи. Следствие длилось два месяца, но ему не удалось доказать причастности поэта к деятельности этой организации; и всё же он был признан виновным «по собственным отдельным действиям».

9 июня 1847 года Т.Г. Шевченко из Петропавловской крепости этапировали в Оренбург, а 14 июня отправили в Орскую крепость по приговору «за сочинение возмутительных и в высшей степени дерзких стихотворений» с собственноручной припиской Николая I – «под строжайший надзор с *запрещением писать и рисовать*».

В 1848 году стала формироваться научная экспедиция по исследованию Аральского моря. Руководитель похода Алексей Бутаков, решив «помочь» поэту, назначил его в экспедицию в качестве художника.

Лишь в 1957 году Тарас Шевченко из ссылки был освобожден. Друзья смогли добиться разрешения проживания его в Петербурге.

Следует упомянуть, что М.С. Шагинян усматривала разницу в социальных воззрениях Т.Г. Шевченко «доссылного» периода, когда он был «одним человеком, и послессылного – другим». В одиночестве ссылки Т.Г. Шевченко прошел более глубокий путь трансформации своего сознания, нежели его бывшие друзья и недруги, в сравнении с ними он резко вырос политически. Сознание, что его «выкупили» из крепостничества, еще сильнее и крепче связывало его чувства и его мысли с теми несвободными миллионами, из среды которых он вышел, что проявилось, прежде всего, в его повестях, написанных по-русски. За время ссылки вкусы Тараса Шевченко

еще более «революционизировались». Его влекло к молодой русской демократической литературе, к творчеству А.И. Герцена и Н.Е. Салтыкова-Щедрина. Он сблизился, познакомился, а затем и подружился с Н.Г. Чернышевским.

Вот что справедливо писал о народности поэзии Т.Г. Шевченко Н.А. Добролюбов: «Шевченко – поэт совершенно народный... Весь круг его дум и сочувствий находится в совершенном соответствии со смыслом и строем народной жизни. Он вышел из народа, жил с народом, и не только мыслью, но и обстоятельствами жизни был с ним крепко и кровно связан» [цит. по: 1, с. 13].

* * *

Несколько десятилетий трудилась над книгой о Тарасе Григорьевиче Шевченко» Мариэтта Сергеевна Шагинян. Она исколесила всю Украину, побывала в Мисевке, Березовых рудках, Линовицах, Яготине, в санатории «Качановка», музеях Чернигова, Миргорода, Прилук, Диканьки и Сорочинцев, работала в читальных залах библиотек Москвы и Ленинграда, Ташкента, Львова и Харькова, в Украинской Академии наук в Киеве.

После смерти Т.Г. Шевченко многие парки и сады Украины, где бывал поэт, покрылись дивными памятниками, которые воздвиг ему народ. Куда бы она ни заехала, ей показывали эти памятники, – вот «любимый дуб Шевченко». Лучшее дерево в каждом из парков, кряжистое, вековое и раскидистое: липа, дуб или клен – народ объявлял *шевченковским* и с упорством доказывал ей, что именно под ним поэт сидел и писал стихи. Как у Александра Сергеевича Пушкина был любимый тополь в Крыму, так и у Тараса Григорьевича Шевченко – десятки таких любимцев [1, с. 190].

В английском парке Ягодина лицом к реке стоит флигель, с двух его сторон колонны под треугольным фронтоном; перед флигелем высокая якобы «шевченковская» липа с голой сухой вершиной, на самой ее маковке – гнездо лелеки, и весной торчит из гнезда величественная голова аистихи, – «лелека сидит на яйцах». А во флигеле, где полустерты на стенах бледные, благородные фрески – деревья, виноградные листья вокруг решетки, натюрморт с вазой, – одна из безымянных советских экскурсий оставила надпись:

«Спи спокійно, батьку наш, великий сын народу, тебе люблять и шанують всюды, всюды. Вже змінилось лице тої землі, по який ты

ходив і слюви плачутись на себе и свою лиху долю. Теперь народи вільної, щасливої Країни читають і люблять твої геніальні творіння. Спи спокійно, наш рідний батьку» [1, с. 191].

Литература

1. Шагинян М.С. Тарас Шевченко. Ростов-на-Дону, 2018.

М.Н. Ким

МАРИЭТТА ШАГИНЯН – ВДОХНОВЕННЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРИТИК

В 2023 году на X Шагиняновских чтениях я выступала с докладом «Мариэтта Шагинян – журналист и публицист». Мне, как журналисту, эта тема близка, и она неисчерпаема. Тогда я изучала и писала о ее статьях из циклов «По дорогам пятилетки», «Зарубежные письма», «Путевые заметки» и была поражена широтой географии ее командировок, буквально весь Советский Союз и многие зарубежные страны. Практически с 1917 года и до последних лет жизни она оставалась активным журналистом и публицистом. Поражает широта и разнообразие проблем, затронутых в ее статьях и очерках. А главное впечатляют результаты решения поднятых ею проблем, так сказать по следам этих выступлений. Известен даже случай, что после выступления Мариэтты Сергеевны был изменен уже утвержденный правительством проект строительства крупного участка Южно-Сибирской железной дороги.

В этом году я буду говорить о другом роде шагиняновской деятельности – о ее литературной и театральной критике. Обратимся к ее «Литературному дневнику» и циклу статей «О литературе и искусстве». Количество статей, очерков, эссе, рецензий и др. материалов огромно, ограничимся лишь некоторыми из них.

После Октября 1917 года, в период становления новой советской литературы, Мариэтта Шагинян ясно и твердо ответила на вопрос: «С кем Вы, деятели современного искусства и литературы?». В произведениях этого сложного исторического периода молодая писательница стала на сторону революции. Картину литературной жизни первых послеоктябрьских лет М.С. Шагинян позже воссоз-

дала в цикле статей, посвященных произведениям писателей-современников, объединив их в сборник под общим названием «Литературный дневник». Как отдельное издание он выходил дважды, в 1922 г., и отредактированный и дополненный в 1923 г. Основу «Литературного дневника» составили критические выступления писательницы на страницах новых литературных газет и журналов, возникавших в первые послеоктябрьские годы.

В своих статьях она, как литературный критик, стремилась раскрыть основное – всю сложность и своеобразие отражения авторами процессов современной действительности. Этому способствовал и выбранный ею жанр – «дневниковые записи», где можно ясно и четко выразить свое личное мнение, без оглядки на вышестоящие литературные и административные надзирающие органы, например, РАПП (Российская ассоциация пролетарских писателей), ВОАПП, РАМП. Поначалу партийное руководство страны поддерживало новые литературные организации, видя в них одно из орудий культурной революции. Но эти организации не были едины в своей творческой позиции, обвиняли друг друга в сектантстве, «комчванстве», приверженности пережиткам идей «пролеткульта», в нетерпимости к советским писателям из среды интеллигенции, в «наклеивании ярлыков». Одни выдвигали лозунг «учебы у классиков», другие требовали «начать всё с чистого листа» и добиться гегемонии пролетарской литературы административным путем. Понять, *кто прав, кто виноват* в этих обстоятельствах было трудно. Эти разногласия мешали верному пониманию задач и перспектив развития советской литературы, правильной оценке творчества Максима Горького, Владимира Маяковского, Алексея Толстого и других советских писателей. Назрела необходимость соответствующей перестройки деятельности литературно-художественных организаций. Эти явления были подвергнуты критике в резолюции ЦК РКП (б) от 18 июня 1925 года «О политике партии в области художественной литературы». РАПП приняла эту резолюцию, как программный документ, осудила нигилистическое отношение к историческому культурному наследию, на несколько лет стала главным творческо-административным органом в советской литературе. Но уже в Постановлении ЦК ВКП (б) «О перестройке литературно-художественных организаций» от 23 апреля 1932 года РАПП была ликвидирована. Многие ее члены, как и члены других литератур-

ных организаций, вошли в Союз писателей СССР, созданный тем же Постановлением.

Продолжая активную литературную деятельность, Мариэтта Сергеевна сформулировала свои критерии требований к профессиональным критикам: «Не только в прошлых, а и в современных вещах есть свои потенциальность и глубина. А раз мы живем в эпоху скачка из «царства необходимости» в «царство свободы», когда все социальные связи лежат перед человеческим разумом открытыми, мы вправе требовать и от критики большего понимания потенциальности нашего искусства, более тонкого различения в нем и бессознательных уклонов к прошлому, и сокровенных ростков в будущее. Сейчас наши критики и сами видят, что голая оценка «по смыслу», путем нехитрого пересказа содержания, завела их в тупик, и они впадают в другой грех, – начинают усиленно проводить отдельную оценку «по форме», что в конечном счете тоже не дает правильного разбора» [1, с. 178].

И этому своему критерию М.С. Шагинян следовала неуклонно. Ее внимание привлекали писатели и их произведения, близкие ей по духу, по художественной манере. Ее всегда волновал вопрос, что может совершить отдельный человек, какой он может внести вклад в жизнь общества, в процветание государства. Ей была близка «рабочая тема», судьба простого рабочего человека, как осознанного созидателя. Героями ее критических статей были писатели, охваченные стремлением, так же как и она, лично участвовать во всем происходящем вокруг, находиться в центре событий, участвовать в великих стройках, лично доходить до понимания происходящих исторических моментов, и истоков их развития. Она особенно уважала тех авторов, кто начинал свой трудовой литературный труд в газете, кто много ездил и своими глазами видел настоящую жизнь и настоящих людей, которых никогда не увидишь из окна своего кабинета и не сочинишь, сидя за письменным столом. Поэтому героями ее публикаций в разные годы становились писатели А.М. Горький, М.А. Шолохов, Б.Н. Полевой, П.П. Бажов, В.П. Крымов, А.Г. Малышкин, журналист Полторацкий др. «Нужно не «хвалить» или «ругать» книгу, а суметь найти в ней самое главное звено и путем умелого анализа раскрыть читателю доступ к этому звену. Вот, на мой взгляд, одна из основных задач социалистической критики» [1, с. 200].

Возьмем для примера роман «День второй» Ильи Эренбурга о перестройке старого и росте нового человека, представляющий собой новый положительный этап в творческом развитии автора, хотя он, по мнению М.С. Шагинян, «лишен еще партийного сознания». «Дню второму» посчастливилось. За короткий срок он оброс сравнительно большой критической литературой. Роман вклинился в наш литературный быт очень остро, и о нем возможны противоречивые суждения. Передо мной восемь работ, из них пять – это газетные заметки и рецензии, две – обстоятельные и типично критические статьи в журнале «Октябрь» и в «Литературной критике», и одна – добросовестный обзор в журнале «Художественная литература». Так вот, прочтя роман, я убедилась, что выше разобранные критические статьи о «Дне втором» наполовину совершенно неверны, а наполовину несущественны. Они смещают основное в замысле автора на третье и четвертое место, а фон и сопровождение на первое. В романе И. Эренбурга выделены два полюса – положительный, «вагнеровский», и отрицательный, «пасхально-куличный», и они определяют слабую и сильную стороны его темы. А многочисленные критики как раз и не сказали об этом почти ни слова. Таким образом, в романе И. Эренбурга сказались, и первый крупный грех нашей критики – неумение подходить к произведению искусства как к целостному организму, и – следствие этого греха – ослабление у критика философской зоркости. Диалектика искусства такова, что если критик на данном этапе классовой борьбы, когда ее фронт проходит через самые недра так называемого художественного специфика, если критик не сумеет в совершенстве овладеть этим спецификом, он не сумеет выполнить и своей идеологической задачи» [1, с. 188].

Приведу еще один пример работы Мариэтты Сергеевны как литературного критика. «Попалась на глаза третья часть романа Александра Фадеева «Последний из Удэге». Начала читать стоя, без твердого намерения дочитать, а окончила лишь, дойдя до последней точки! Самое удивительное в нем – это обжигающая современность и близость его тематики, хотя написан роман о давно прошедших колчаковских временах. После выхода роман был раскритикован именно за его «несовременность» и оторванность от «главного пути» развития советской литературы. А.А. Фадееву ставилось в вину, что он застрял на «крестьянской партизанщине»,

что избрал уже пройденную, устаревшую тему, в то время как другие писатели штурмуют высоты двух пятилеток. И вдруг чтение запоем, острое чувство современности, почти личная встреча с самым дорогим и важным для тебя. Откуда?» [1, с. 11]. Повторяю, роман вызвал на себя «огонь критики», вначале присоединилась к ней и М.С. Шагинян. Когда газета «Правда» напечатала редакционную статью в защиту писателя, она даже написала в «Правду» свою «реплику», что «нельзя административными методами защищать писателя от критики, он должен защищаться сам, своими произведениями». Через много лет, она объясняла это тем, что в то время была еще беспартийной и «наполнена старым интеллигентским хламом». И хотя А.А. Фадеев узнал об этой ее «реплике», обиду не затаил.

«После этого мы с ним много работали вместе. Руководили журналом «Красная новь». Вместе напечатали гениальную «Страну Муравию» ныне скончавшегося, дорогого нам всем Твардовского» [2, с. 16]. Как признавалась М.С. Шагинян, «теперь она не написала бы ту свою интеллигентскую труху». А.А. Фадеев дал ей ориентир и пример, каким должен быть настоящий партийный руководитель в литературных организациях.

Приведу еще два примера ее театральной критики. Во время гастролей в Москве Русский драматический театр БССР им. Горького из Минска показал московским зрителям три пьесы: «Оптимистическую трагедию» В. Вишневского, «Каменное гнездо» Х. Вуолийоки и «Король Лир» В. Шекспира. Все три спектакля вызвали интерес у зрителей и одобрение у маститых московских режиссеров. Свое мнение о спектакле выразила Мариэтта Шагинян в газете «Советская культура» и в журнале «Театр»: «Мы давно не видели «Короля Лира» на сцене, и я шла на спектакль не без опасения. Справился ли театр с этой наиболее величавой и наиболее человеческой трагедией Шекспира?! Сумел ли донести до зрителя всю ее глубину? Не заслонила ли текста театральной бутафорией и попытками «оригинальной трактовки» образов, складывавшихся в восприятии человечества более трех столетий!? Когда над первым актом опустился занавес, стало ясно, что театр пошел по верному пути. Первый акт «Короля Лира» был сыгран превосходно». Далее в тексте своей рецензии М.С. Шагинян подробно рассмотрела игру

актеров, достоверное воплощение каждого шекспировского героя, удачные режиссерские находки.

Но несколько существенных замечаний, она все-таки сделала:

– «У Шекспира сумасшествие Эдгара – притворное, а в спектакле есть увлечение показом реального безумия, воем и визгом. Внимательнейшим образом пересмотрев все реплики в тексте пьесы, Вы нигде не найдете, что герои целовались. А между тем в спектакле, вопреки английским обычаям, вопреки Шекспиру неизвестно почему и для чего – действующие лица многократно целуются [2, с. 559]. Но эти мелкие замечания вряд ли расстроили артистов. Это только подчеркнуло внимание критика к их выступлению и объяснило – почему зрители встречали их цветами и горячими аплодисментами.

Рецензию на выступление в Москве Смоленского драматического театра Мариэтта Сергеевна написала в 1935 году, и, конечно, не предполагала, что она с интересом будет воспринята в Ростове-на-Дону в году 2024! «К нам (в Москву) начали наезжать гости – театральные коллективы со всех концов Союза. Сперва по большим праздникам, на олимпиады, фестивали, потом на деловые смотры, декады областных театров, и, наконец, попросту – на гастроли. Это показательно, и критике давно пора подойти к так называемым «местам» (театрам из провинции) не с московской меркой, поскольку эти «места» умеют ставить уже не хуже Москвы... Чем заинтересовывают приезжие театры московского зрителя? Прежде всего тем, что приносят с собой веяние тех зрительских масс, для которых они там работают, приближают к нам людей нашей огромной страны» [2, с. 550]. Рассказывая о выступлении Смоленского драматического театра, Мариэтте Сергеевне при всем стремлении поддержать провинциальные театры пришлось признать, что труппа не справилась с выбранным репертуаром. «Два вечера в Смоленском театре, два спектакля, с которых зрители уходили совершенно по-разному: восторженно с погодинских «Аристократов» и «После бала» и сконфуженно с шиллеровской «Марии Стюарт». Один и тот же актерский коллектив смог убедительно показать реальные характеры и в убедительной логике развитие реальных судеб, и остался бессилён, механически изображая королеву, придворных и коронованных бандитов. Не спасли спектакль усилия

декораторов, бутафоров, осветителей. Зритель был разочарован» [3, с. 553].

Но и в этой ситуации М.С. Шагинян, как критик, поступила тактично. Она не обвиняла Смоленский театр, что он «колхозный», что он из провинции, а постаралась объяснить актерам, и, прежде всего, режиссеру, что к историческим пьесам нужно подходить с точки зрения сегодняшней жизни, а не как к пыльной давнишней истории. «Советский зритель уже вырос из «постановок». Он умнее, взрослее, чем самая умная и тонкая постановка. Он лучше любого критика почувствует и скажет, что бухарский халат на безумном Германне в новой постановке «Пиковой дамы» – это нехорошо, это «чересчур». И если буржуазный зритель всё больше и больше требует сейчас аттракциона, и в театрах Европы широко применяют «технику постановочных эффектов», которой аплодируют сильнее и чаще, чем актеру, то наш советский зритель требует «чувства и пьесы». Он хочет видеть и переживать со сцены себя и свое время, и об этом особенно ярко говорят удачи и неудачи как раз «глубинных» театров, работающих в тех местах и перед тем новым массовым зрителем, чье восприятие менее искушено механическими сторонами театральной культуры [1, с. 553].

Резюмируя, нужно иметь в виду, что М.С. Шагинян писала свою рецензию в 1935 году. Если бы она сейчас попала практически в любой театр, на любой спектакль, боюсь, что она выскочила бы оттуда именно из-за обилия «аттракционов» и спецэффектов на сцене. И бухарский халат на безумном Германне показался бы ей детской шалостью!

В книге «советского социалистического бытия» есть и темные, и очень светлые страницы. Всегда есть примеры, на которых нужно остановиться, «одушевить» факты. Надо быть в курсе и наших промахов и наших успехов, и побед, и поражений, чтобы принести пользу делу и вдохновение труженику, и урок тунеядцу. Надо глубоко понять, что умное вскрытие недостатков дает время и возможность его исправить. И что искусству убеждать и воздействовать нужно учиться, учиться и учиться [1, с. 784]. «Великая и ответственная задача критики, – подчеркивала М.С. Шагинян, – суметь увидеть, отметить, обнаружить в наших книгах ясные, стройные мысли, и, чтобы эти мысли истолковывались в свете марксистского учения, стимулируя и облегчая создание общечеловеческой

культуры. Всё это не только литературная функция, но и социальное дело критики» [1, с. 198].

Литература

1. Шагинян М.С. Собр. соч.: в 9 т. Т. 9. М., 1989.
2. Шагинян М.С. Собр. соч.: в 9 т. Т. 7. М., 1988.
3. Шагинян М.С. Собр. соч.: в 9 т. Т. 4. М., 1987.

Н.В. Самарина

М.С. ШАГИНЯН И Н.Н. БЕРБЕРОВА О НАХИЧЕВАНЕ И НАХИЧЕВАНЦАХ НАЧАЛА XX ВЕКА

К названию этой небольшой статьи так и просится подзаголовок: два монолога на одну тему. Причем это заочные монологи: М.С. Шагинян и Н.Н. Берберова не только не беседовали друг с другом, но, кажется, и не встречались. Однако в своих воспоминаниях обе они обратились к нахичеванским сюжетам и образам, поскольку ощущали и осознавали свою генетическую связь с городом на Дону, с бывшим центром донской армянской колонии. М.С. Шагинян прозорливо заметила по этому поводу в предисловии к мемуарам «Человек и Время...»: «... нельзя в конце жизни писать воспоминания, не близясь, по Пушкину, «к началу своему», не пытаясь по-новому войти в стихию своего детства» [1, с. 6-7].

Годы детства у обеих писательниц, в большей или в меньшей степени, были связаны с Нахичеваном-на-Дону. Поскольку М.С. Шагинян писала о Нахичеване не только в своих воспоминаниях, для корректности сопоставлений здесь будут использованы только те суждения и оценки, что даны ею в мемуарах. В монологах мемуаристок о Нахичеване и нахичеванцах есть общие черты, но есть и различия. Имеет смысл сформулировать их, прежде чем цитировать *кто, как* и *что* сказал по тому или иному сюжету своих детских и отроческих воспоминаний.

Воспоминания о городе и его жителях имеют у мемуаристок некоторые общие черты. Во-первых, обе они ощущали свою генетическую связь с городом, но ощущали очень по-разному. М.С. Ша-

гинян подчеркивала, что родилась в Москве в армянской семье врача, «жившей, как сотни тогдашних семей русской интеллигенции». Однако семья эта была также частью московской армянской колонии. «Вероятно, это каким-то образом ощущалось с детства, — я не помню. Но перед тем, как засесть за свою повесть о себе, я прочитала с огромным интересом всё, что относится к армянским колониям на Руси, и особенно прекрасную книгу Саломэ Арешян, названную очень узко «Армянская печать и царская цензура», а на самом деле охватывающую до самых корней армяно-русские отношения и куда более богатую умом и содержанием, чем иные пухло-пустопорожние двухтомные компиляции на эту тему. И на меня нахлынули «гены» тысячевекового бродяжничества армян по лицу нашей земли. <...> Я очутилась в царстве «генов», разногололица которых забила мне уши, как морской шум забивает раковину. Я ответвилась от этого народа, проросла его веточкой и мне стало жизненно важно разобраться в судьбах армянского народа, осевшего колониями на русской земле» [1, с. 10]. Отчетливо осознанная этническая идентичность предвдваряет обширный экскурс мемуаристики в историю российских армянских колоний.

Следует заметить, что это осознание появилось у М.С. Шагинян относительно поздно, в связи с погружением в тему истории армянских этнических анклавов в России. Вспоминая свое московское детство, она сообщила: «Наша семья была частью московской армянской колонии, но практически жила интересами и жизнью московско-русской интеллигенции. Русское начало проникало во все поры нашего дома: русские кормилицы вскармливали нас с Линой своим молоком (тогда был обычай в интеллигентных зажиточных семьях сдавать новорожденных кормилицам); русская няня была главным звеном нашей связи с внешним миром; учитель и руководитель отца, в чьей клинике отец производил свои опыты над собаками, был русский профессор, Александр Богданович Фохт; ассистент у отца был русский; и пациенты, те, кто ждал приема вокруг круглого стола гостиной, были тоже отнюдь не армяне» [1, с. 53].

Нина Берберова писала о сложном пути осознания ею собственной идентичности. Этот процесс по времени отнесен ею к годам отрочества и резюмирован следующей характеристикой: «...я такая, какая есть: один из феноменов синтеза в мире антитез. <...> Я

несу, как дар судьбы, то обстоятельство, что две крови – русская, северная, и армянская, южная, – слились во мне и во многом с детства обусловили меня. Эта противоположность, как и целый ряд других противоположностей и даже противоречий, которые я видела и знала в себе, постепенно перестали быть для меня причиной конфликтов: я стала ощущать их как соединение полярностей и сознательно стала радоваться себе как «шву» [2, с. 49].

Во-вторых, в основе характеристик и у М.С. Шагинян, и у Н.Н. Берберовой лежат преимущественно детские впечатления, интерпретированные ими много лет спустя, в весьма зрелом возрасте. Характеристика жителей города в этой связи – преимущественно воспоминания о родственниках. И еще одна примечательная деталь, общая для обеих: и Н.Н. Берберова, и М.С. Шагинян жили в городе в годы Гражданской войны, обе в большей или меньшей степени описывали условия жизни и свои занятия этого времени. И та, и другая уехали из Нахичевана в 1920–1921 гг. в Петроград с разницей в несколько месяцев.

Различия в подходах к теме и в своих оценках во многом предопределены особенностями мемуаров каждой из писательниц. М.С. Шагинян представила в мемуарах обстоятельную картину самопознания творческой личности: этапы, условия, факторы развития и личности, и творческой деятельности описаны последовательно и исчерпывающе. При этом она не раз подчеркивала дидактический смысл многих аспектов собственного опыта. Это и опыт воспитания детей в семье, и формирование навыков чтения, и специфика школьного образования в царской России и в советское время и т.д. и т.п. «Человек и Время...» в этой связи вполне можно назвать своего рода педагогической поэмой.

В работе «Курсив мой» Н.Н. Берберова изложила историю собственной жизни: «Здесь я буду говорить больше о себе, чем обо всех других, вместе взятых: почти всё здесь будет обо мне самой, о моем детстве, молодости, о зрелых годах, о моих отношениях с другими людьми – таков замысел этой книги. Мысль моя живет не только в прошлом (как память), но и в настоящем (как сознание себя во времени)» [2, с. 27]. Сосредоточение на самой себе не исключают, а, возможно, и обуславливают пронизательность многих ее оценок людей, ситуаций, отношений. Оценки эти порой очень точны, афористичны и, почти всегда, холодны.

Нахичеван и нахичеванцев обе писательницы вспоминали через призму разного социального опыта. Мариэтта Сергеевна была на 12 лет старше Нины Николаевны. Эта разница представляется значительной. К моменту отъезда в Петроград (ноябрь 1920 г.) М.С. Шагинян имела значительный опыт журналистской и писательской работы, опыт преподавания в вузе, а также опыт социальной активности (организация обучения ткацкому делу) в первые месяцы после утверждения на Дону Советской власти. Последнюю она приняла безоговорочно и с энтузиазмом, а из Нахичевана выехала, чтобы всерьез заняться литературным творчеством.

Н.Н. Берберова успела лишь закончить гимназию, причем последний класс обучалась в нахичеванской гимназии. Недолго была студенткой Донского (бывшего Варшавского) университета, бросила его, служила в управлении Владикавказской железной дороги, приносила в дом немаловажный по тем временам паек, а также посещала кружки поэтов и крутила романы. «Раза два за этот год я едва не стала чьей-то женой, и я бы стала, если бы я не думала, что лучше бежать от всякого серьезного сближения и никому не отдавать своей свободы. Я втайне понимала, что такое положение вещей не может продолжаться вечно» [2, с. 128]. В 20-летнем возрасте Н.Н. Берберова уехала с родителями из Нахичевана, а спустя примерно год навсегда покинула Россию. Жизнь, прожитая в Европе и США, не могла не отразиться на оценках и суждениях мемуаристки о семье, детстве и юности.

Логично начать характеристику жителей Нахичевана-на-Дону с описания мемуаристками семейств родственников, с которыми они общались, приезжая в город. Камертоном здесь, видимо, является отношение каждой мемуаристки к семье как таковой и к родителям, в частности.

М.С. Шагинян вспоминала золотые руки своей матери: «Ей всё, за что ни возьмется, удавалось. Когда стало дорогонько платить портнихе, она принялась обшивать нас сама и делала это с большим вкусом. Нужно было готовить, особенно при болезни отца, – и она просто колдовала на кухне, изобретая необыкновенные диетные блюда. <...> Приходившие к нам служить неграмотные кухарки уходили от нас всегда обученными грамоте, – обычай, перешедший после смерти матери в обязанность моей сестры. Но самое главное свойство матери, должно быть, присуще многим другим

матерям, была легкость и необременительность добра, которое она делала для других» [1, с. 92]. И мемуары М.С. Шагинян проникнуты теплым чувством родственной и семейной близости независимо от того, писала ли она о семье, в которой родилась, или о семье деда Я.М. Хлытчиева, вспоминала ли деда со стороны отца или многочисленных тетушек – сестер матери.

Камертон Н.Н. Берберовой звучит совершенно иначе. Семья ассоциировалась у нее с гнездом, а жизнь под теплым крылышком семейной заботы трактовалась как антипод личной свободы: «психология гнезда мне омерзительна, и я всегда сочувствую тому, кто бежит из гнезда, хотя бы он бежал в муравьиную кучу, где хоть и тесно, но где можно найти одиночество – самое естественное, самое достойное состояние человека. <...> К тому, что я всем сердцем ненавидела, относились елки, рождественские елки, с хлопушками, свечками, обвисяющей с веток фольгой, – они были для меня символом гнезда» [2, с. 45-46].

Отношение к матери описано у нее следующим образом: «Мою мать я любила – и не любила, часто разлюбляя ее и потом опять влюбляясь в нее. Я начала судить ее гораздо раньше, чем начала судить отца. В колебаниях моей любви к ней виноват был тот протест, который очень рано проснулся во мне по отношению к ней. Я видела ее достоинства как бы издали, а под рукой был вечный протест, автоматический, как условный рефлекс. Я помню борьбу, постоянное свое «нет» на всё, что исходило от нее» [2, с. 66].

Отца Н.Н. Берберова, судя по воспоминаниям, любила без всяких оговорок. Возможно, потому, что «не замечала попыток охранять меня, защищать меня, вести меня, направлять меня, и это-то и делало его для меня таким драгоценным. Женщины в моем детстве гораздо больше проявляли надо мной власть, указывали, что делать и что не делать, и часто – с лучшими намерениями – пытались взять меня под крылышко, а я боялась этого пуще всего, а с годами бежала и этого “крылышка”, и тепла, и заботы их – всего того, что обычно считается таким необходимым в начале всякой жизни» [2, с. 56].

Столь явно выраженное неприятие семьи-гнезда и теплоты домашней (материнской, женской) заботы обусловило оригинальные, сделанные с холодным любопытством естествоиспытателя, характеристики семейств обоих дедов: как уездного предводителя дво-

рянства из Тверской губернии, так и успешного нахичеванского врача, деда со стороны отца.

Оставляя за пределами статьи характеристику семьи деда со стороны матери, обратимся к написанному Н.Н. Берберовой о семействе нахичеванского врача И.М. Берберова. «Деда Ивана Минаевича его отец (видимо, имевший средства) послал в конце 1850-х годов учиться медицине в Париж. На дагерротипе того времени он был изображен в цилиндре, с длинными волосами, в элегантном сюртуке, плаще и с тростью. Имена Шарко и Пастера, как, впрочем, и Гамбетты, носились в воздухе до конца дней деда (он умер в начале 1917 года). Из Парижа дед вернулся врачом, женился, имел семерых сыновей и одну дочь и стал известен в округе как доктор-бессребреник, образованнейший из людей своего поколения» [2, с. 49].

Дедушка-нахичеванский врач, похоже, произвел на своенравную внучку, родившуюся и росшую в столице империи, довольно сильное впечатление. Вспоминая его, Н.Н. Берберова заметила: «Это был первый европеец, с которым я столкнулась в жизни. От парижской молодости у него осталась к этому времени только трость – в его сухой, выхоленной руке. Набалдашник был, как полагалось, из слоновой кости» [2, с. 50]. Не исключено, что эта оценка мемуаристки, прожившей большую часть жизни в Европе и США, сопряжена с пищевыми пристрастиями нахичеванского «европейца», который еще в начале XX века полагал, что вместо бефстроганова полезнее съесть шесть виноградин, и сам руководствовался этим правилом.

Эмоционально окрашенным выглядит детальное описание Н.Н. Берберовой завтрака в семье деда: «стол... ломился от сливков, пирожков, булочек, просто румяных, очень румяных и весьма сильно поджаренных, масла, икры паюсной и свежей в голубых маиловских коробках, кефали копченой, кефали полукопченой, рыба, лоснившегося розовой спинкой, балыка, ветчины такой и эдакой (выбранной не с кандачка), от яичницы, трещавшей на сковородке, блинчиков с творогом, вафель с вареньем, колбас, сыров со слезой и без, тех, которые пахли, и тех, которые не пахли». К этому столу дед являлся «в черном с иголки сюртуке и белом атласном галстуке, надушенный, расчесанный», окидывал накрытый стол острым взглядом и выпивал только стакан чаю с лимоном

и сухариком, «так как приблизительно в это именно время у него началось, как говорилось в доме, «бзик» касательно того, что чем меньше есть, тем лучше» [2, с. 51].

С дедом И.М. Берберовым связано еще одно детское воспоминание мемуаристки, видимо, тоже эмоционально пережитое – о совместных прогулках-катаниях на коляске по городу. «Я садилась рядом с дедом, и мы ехали кататься, и тут впервые в жизни мне хотелось быть чистой, нарядной и красивой. Последнее (как я понимала тогда) было, конечно, совершенно невозможно, но чистой и нарядной удавалось оставаться во всё время катанья, когда дедушка, распушив бороду, опираясь обеими руками о палку с видом Парижа и надев блестящий цилиндр, который предварительно причесал изумрудной бархатной подушечкой, смотрел по сторонам и строго осуждал солону на мостовой в базарный день, яркую вывеску парикмахера с полуголой красавицей, бондаря, стучавшего слишком громко в своем сарае» [2, с. 54].

Несколькими краткими, но образными фразами Н.Н. Берберова описывала (словно препарировала) образ жизни дедушкиного семейства: дети врача, «из которых каждый жил по-своему и говорил, что к нему нельзя прикладывать общую мерку», многочисленные внуки и прочие родственники, «которые заполняли дом и изживали здесь свои бурные жизни». Всеми чадами и домочадцами нужно было заниматься, вникать в их проблемы. Помимо родственников в доме то и дело появлялись гости, в том числе члены партии Дашнакцутюн, приезжавшие из Закавказья, а за обеденным столом собиралось нередко «сорок человек зараз». Между тем бабушку катали в инвалидном кресле. «Вспоминая этот дом и жизнь в нем, – писала Н.Н. Берберова, – я теперь сильно сомневаюсь, чтобы бабушка была на самом деле в параличе: мне кажется, она просто переутомилась за свою долгую жизнь, ей всё надоело, и она села в самокатящееся кресло и объявила, что с нее довольно. <...> Бабушка нашла выход: она притворилась, что ее хватил паралич» [2, с. 52].

Оригинальная и яркая характеристика нахичеванцев, представленная в работе «Курсив мой», сложилась у мемуаристки, видимо, из наблюдений за семейным кругом дедушки и многочисленными гостями этого семейства. Написано Н.Н. Берберовой следующее: «С армянской стороны был целый мир характеров своеобразных и

жизней и судеб оригинальнейших. Эта необщность, как я поняла позднее, была заложена в самих людях, в их жизненной энергии, в их могучих желаниях, в их постоянном сознании, что ничего не дается само, ничто не делается само и что каждый день есть особый день. У них была горячая кровь, сильные страсти, среди них были отъявленные картежники, срывавшие сотысячный банк в Купеческом (видимо, коммерческом – *Н.С.*) клубе, и передовые люди, боровшиеся за идеи, им дорогие, именами которых были позже названы улицы городов свободной Армении (в 1917 году); среди них были женолюбы, донжуаны, которые, впрочем, могли пожертвовать свиданием с донной Анной ради свидания с Командором, – чтобы поподробнее расспросить его о загробных делах. Они бушевали в жизни еще, может быть, и потому, что предки их не спали на боку под портретами царей при зажженной лампаде, но продвигались веками от Персидской границы к Месопотамской границе, по берегам Черного моря, чтобы возродиться у устья Дона и стать через сто лет аристократией города – денежной и интеллектуальной» [2, с. 52-53].

Процитированная характеристика интересна тем, что завершается она определением одной из социокультурных особенностей города, основанного на Дону крымскими армянами. Н.Н. Берберова констатировала наличие в Нахичеване начала XX века двух групп городской аристократии – денежной и интеллектуальной. Похоже, вывод был результатом интуитивного творческого осмысления ею детско-юношеских впечатлений. Однако он весьма реалистично отразил специфику нахичеванской городской элиты и не выглядит сомнительным, в отличие от выше приведенных предположений мемуаристики о состоянии здоровья бабушки Берберовой.

Вывод подтверждается сведениями о составе нахичеванской городской думы конца XIX – начала XX века, поскольку именно там следует искать аристократию торгово-промышленного города эпохи. О том, что в думе была представлена денежная элита города, сомневаться не приходится. По Городовому Положению 1892 года в муниципальных выборах могли участвовать (избирать и быть избранными) только владельцы крупных торгово-промышленных предприятий, в основном купцы первой гильдии, и крупные домовладельцы. Такой узкий (в Нахичеване в 1893–1913 годах – от 400

до 700 человек) слой цензовых избирателей городского самоуправления сохранялся вплоть до конца царской власти.

Теперь об аристократии интеллектуальной. Г. Шрейдер в очерке о Нахичеване, написанном в 1896 году, отметил, что 30% гласных городской думы – выпускники университетов, и «это состав думы, редкий не только в уездных, но и во многих губернских и даже университетских городах» [3, с. 351]. Оценке Г. Шрейдера можно верить; он обладал сопоставимой информацией по городам России, поскольку именно в этот период работал над исследованием проблемы, а в 1902 году издал в Петербурге монографию «Наше городское общественное управление» – самую обстоятельную работу по данной теме во всей дореволюционной историографии. Замечу, что впоследствии доля лиц с высшим образованием среди городских гласных Нахичевана увеличивалась. В думе состава 1909–1913 года доля гласных с высшим образованием была 42,6% [4, с. 153]. А в 1913 году среди 60 избранных нахичеванских гласных лица с высшим образованием, по подсчетам аналитиков «Приазовского края», составили около 70% [см.: 5].

Учитывая особенности формирования цензовых городских дум эпохи, вряд ли возможно провести четкую границу между аристократией денег и аристократией интеллекта. Чаще и скорей всего одна и та же персона олицетворяла собой обе ипостаси: лица с высшим образованием обзаводились дорогими домами, благоприобретенными или полученными как приданое супруги (правом голоса на муниципальных выборах супруг пользовался и по цензу жены); сыновья-наследники купеческих семейств заканчивали университеты или технические институты; инженеры из среды городских разночинцев приходили к управлению крупными промышленными предприятиями и, не имея собственного ценного имущества, могли голосовать по цензам предприятий.

Возвращаясь к мемуарам Н.Н. Берберовой, отмечу, что помимо особенности городской элиты, описанной выше, прочие характеристики Нахичевана у нее немногочисленны, лаконичны и вполне банальны. И логичнее, на мой взгляд, продолжить сюжет суждениями и оценками, которые дала городу и его жителям М.С. Шагинян.

М.С. Шагинян в воспоминаниях «Человек и Время...» описала Нахичеван начала XX века также лишь на основе впечатлений сво-

его детства, хотя, в отличие от Н.Н. Берберовой, неоднократно бывала и даже жила в городе в более взрослом возрасте – гимназисткой, студенткой, преподавателем ростовской консерватории. Однако более поздние впечатления воплотились в яркие характеристики города в ее произведении «Перемена» и не были повторены в мемуарах. «Всё, о чем я пишу, осталось в памяти от коротких наших наездов, начиная с моего одиннадцатилетнего возраста (девятилетнего сестры), на побывку в Нахичевань-на-Дону» [1, с. 23]. Поэтому характеристики города в тексте воспоминаний весьма лаконичны. Но им предшествуют и сопутствуют довольно пространственные экскурсы мемуаристки в историю образования армянских этнических анклавов на территории России.

О Нор-Нахичевани М.С. Шагинян вспоминала, противопоставляя его соседнему Ростову и Москве, в которой родилась и жила в детстве: «Это был обособленный город, отделенный куском голой степи и мелкорослой искусственной рощей, называемой «Балабановской», от крупного портового Ростова-на-Дону» [1, с. 18]. Видимо, особенность или, по определению мемуаристки, «обособленность» Нахичевани запомнилась в детстве более всего, ибо упоминается в тексте неоднократно. Возвращаясь от истории поселения армян на территории Новороссии к характеристике города, М.С. Шагинян снова это подчеркнула: «Жизнь казалась там узкообособленной, монотонной, мелконациональной и, как масло с водой, совсем не сливавшейся с жизнью большого русского мира в Ростове по соседству, а тем более не похожей и на нашу московскую, русскую жизнь» [1, с. 23].

Она отметила одну примечательную особенность нахичеванской жизни – отношение горожан к еде, специфику приготовления уникальных по своему характеру блюд и трапезы. Вспоминала и описывала всё это М.С. Шагинян пространно и ярко, в деталях и со вкусом. Среди армянских блюд, хранивших «отзвук и вкус крымско-татарской кухни», она упоминала мусаху-самсу – хатламу; копченые бараньи язычки; эрэшкик, плоскую колбасу из копченого бараньего мяса, впоследствии превратившуюся в суджук и отличавшуюся по вкусу от оригинала. Из татарской кухни заимствованы были нахичеванцами «блюда из мучных ушков, начиненных ароматным, с травками, бараньим мясом, – хащик-берёк (суп с ушками на кислом молоке) и татар-берёк (блюдо с ушками в мацуне

со сливочным маслом), посыпанные сверху толченым сухим чебрецом»).

«Еда в Нахичевани носила характер праздничный, почти эстетический», – замечала Мариэтта Сергеевна, приступая к описанию семейного ритуала приготовления береков, в котором она участвовала и педагогический эффект которого в трудовом воспитании детей считала очень значимым: «Я описываю так подробно эту процедуру, потому что позднее она мне много раз припоминалась, когда я раздумывала над лучшими методами педагогики. Труд может показаться скучным. Но если кто-то перед вами делает свой труд обаятельно, труд становится заразительным. Дети начинают хотеть: и я! и я! дайте попробовать!»

Действительно, ритуал приготовления блюда приведен в тексте в подробностях: «Помню, как нам под самый подбородок повязывали огромные полотенца, заставляли щеткой мыть руки и ногти и только после этого допускали к кухонному столу, где на доске аккуратно резалось приготовленное тесто на части. Потом эти части раскатывались длинными столбиками, столбики делились на кусочки, а кусочки плоско приминались пальцами, и опрокинутая рюмка нарезала из них острыми своими краями ровные кружочки, не толще обычного картона. На эти кружочки накладывались щепотки заранее приготовленного фарша, и только потом дело передавалось в руки детей и семейных доброхотцев; мы с огромной осторожностью, благоговая, закрывали и защищивали эти начиненные кружки сверху, в особого типа круглую маленькую розетку-ушко.<...> Бывало, мать достает из многочисленных жестянок со всякими сухими ароматами... несколько черных гвоздичек и поручает нам, детям, воткнуть их в ушки, да так, чтобы снаружи не видно, – чтоб «принести счастье» тому, кому выпадет за столом это ушко. Число таких гвоздичек всегда бралось вдвое меньше приглашенных к столу» [1, с. 18-19].

Отличительной особенностью описаний приготовления еды и трапезы у М.С. Шагинян можно назвать их сопряженность с воспоминаниями о семье деда Я.М. Хлытчиева и о многочисленных тетюшках – сестрах матери. Возможно, именно эта взаимосвязь придает тексту эмоциональную окрашенность и любовное внимание к мелким деталям, – мемуаристка чувствует узы этого родства, помнит о нем, им гордится. Вот еще одна цитата, на мой взгляд,

слишком яркая, чтобы ее упустить. Посвящена она ритуалу употребления калмыцкого чая, на который то мать приглашала своих сестер в дом деда, где она останавливалась, приезжая в гости, то какая-то из тетушек приглашала Пепронию Яковлевну с дочками к себе. Таким образом, этот нахичеванский пищевой обычай был трапезой чисто женской.

«Тетушки приходили чинно, в платьях для «выхода», снимали шляпки, приколотые к прическе длинной шляпной булавкой, и оставляли их в гостиной на столе. А в кухне кипятился в большом котле кирпичный чай, круглыми плоскими плитами продававшийся фирмой Высоцкого. Он потом процеживался, смешивался – половина на половину – с молоком, и в большой миске его приносили в столовую. А в столовой уже сидели за столом тетушки, перед каждой стояла небольшая, без ручки, чашка, подобная узбекским для кок-чая, и было свежее, со слезой, сливочное масло, солонки с солью, горка особых песочных сухариков без сахара, – пили калмыцкий чай, посолив его, опустив в чашку немного масла и похрустывая меж питьем рассыпчатыми сухариками. <...> Тетки наши, разгораясь от питья, гортанно сыпали бесконечными рассказами и восклицаниями на армянско-нахичеванском диалекте. Я на всю жизнь запомнила один энергичный вскрик, сопровождавшийся всплеском пальцев в бриллиантовых кольцах: «Хазар вай тепеис вран!» (Тысячу ваев на мою голову!)» [1, с. 21].

С большой теплотой описаны М.С. Шагинян дедушка Я.М. Хлытчиев и его дочери-тетушки мемуаристки. Дед был образованным купцом первой гильдии. «Дед Яков Матвеевич обожал свою жену, одарившую его двумя десятками детей. Как было тогда принято у богатых нахичеванцев, он заказал тогдашнему учителю, обучавшему его многочисленных дочерей, знаменитому впоследствии поэту Рафаелю Патканяну, написать о ней хвалу. Патканян создал особый жанр семейной «эклоги» – восхваления в виде писем к другу о высоконравственной матери семейства, об ее доме-очаге, о том, как велся и управлялся ею этот дом, о прислужниках, порядках, организации, воспитании детей. Книга была напечатана в местной армянской типографии, переплетена, снабжена вкладышем с многочисленными фотографиями всех детей – там и головка моей матери, младшей в семье, и подле нее – самой младшей, тети Сани» [1, с. 22].

С чувством гордости за деда описана М.С. Шагинян его роль в организации похорон (в 1866 году) М. Налбандяна, умершего в Камышине, куда последний был сослан под надзор полиции. Рисуя портрет деда в старости, писательница отметила его «бисмарковский подбородок», и пышные седые усы. «Он привык к безмолвному повиновению своих многочисленных дочерей, а мы с сестрой сидели за столом вольно, вмешивались в беседу. Последний раз мы обедали с ним, когда мне стукнуло девятнадцать, и я уже писала фельетоны в «Приазовском крае». Дедушке это нравилось. Он скрывал, что гордится мной, называл меня «он» и всегда говорил обо мне как «о нём» – мужчине, мальчике, а я тоже очень этим гордилась» [1, с. 28]. Таким образом, чувство гордости было, похоже, у дедушки и внучки взаимным.

Если исходить из указанного мемуаристкой своего возраста ко времени последнего обеда с дедом, похоже, обеда на публике, в каком-то из ресторанов, то это было в 1907 году, за несколько месяцев до отъезда М.С. Шагинян и ее сестры в Москву для поступления на высшие женские курсы. Основания для гордости за внучку, конечно, были. В электронной версии «Приазовского края» за 1907 год я недавно обнаружила две сказки-притчи М.С. Шагинян: «Канцелярия грядущих дел» и «Принцесса Репейник». Опубликованы они были в рубрике «Маленький фельетон» на исходе первой российской революции, полны аллюзий-размышлений по поводу этого события и, на мой читательский вкус, очаровательны. Смысл иносказаний в притчах, написанных юной внучкой, был, очевидно, созвучен и настроениям деда, которого она несколько позже, в контексте событий Гражданской войны на юге России, называла: «либеральный купец первой гильдии, уже разорившийся до последнего гроша, но полный своими гильдейскими интересами» [1, с. 616-617].

Теткам – сестрам матери М.С. Шагинян дала образную и любовную характеристику. «Тетушек у нас было много, сразу не перечечь, и все повыходили замуж за местных богатеев, и у каждой был свой характер и свое отцовское приданое в 25 тысяч. Когда назывались в те годы фамилии самых именитых «первогильдийных» армян, то наверняка они были дядями – мужьями маминых сестер: Джамгаров, Хатранов, Чикнаверов, Сагиров, Когбетлиев, Шилтов – банкирский дом, нефтяные промыслы, рыбные промыс-

лы, нотариальная контора». Думается, на одном только приданом в 25 тысяч за каждой из многочисленных дочерей вполне возможно было разориться, даже нахичеванскому купцу-первогильдейцу.

Мемуаристка отметила красоту и хозяйственность своих тетушек, их здравый смысл, а также «упорство» в поведении. «Они верили в незыблемый распорядок жизни, в женские функции жен и матерей, в соблюдение обычаев, неизвестно кем и когда установленных. <...> Даже крем для лица у моих тетушек был особенный, старозаветный, изготавливаемый из рода в род невзрачным пригородным семейством и называемый «Зюлейкина мазь». Мы с сестрой испытали его действие на себе: он вызывал страшнейший выпот лица, до легкого озноба, – и через два-три дня кожа отшелушивалась вместе с загаром и веснушками, оставляя матовую бархатистость щек. К великому сожалению доживших до наших времен нахичеванских старух, рецепт этой волшебной мази безвозвратно потерян со смертью последней «Зюлейки» [1, с. 21-22].

Камерность изображения нахичеванских жителей путем характеристики родни, пусть и многочисленной, объединяет обеих мемуаристок. Но глаза каждой увидели и заметили у своей нахичеванской родни то, что отвечало их собственным представлениям о месте и роли семьи как в жизни отдельного человека, так и социуме в целом. Во всяком случае, весьма примечательный и оригинальный образ нахичеванской городской элиты начала XX века им удалось запечатлеть.

Литература

1. *Шагинян М.С.* Человек и Время. История человеческого становления. М., 1980.
2. *Берберова Н.Н.* Курсив мой. М., 2021.
3. *Шрейдер Г.* Нахичеван-на-Дону // *Весь Ростов-на-Дону на 1896 год. Адрес-календарь, торгово-промышленная справочная книга.* Ростов-на-Дону, 1896.
4. *Самарина Н.В.* Донская буржуазия в период империализма. 1900–1914. Ростов-на-Дону, 1992.
5. Новая дума // Приазовский край. 1913. 22 сентября.

Б.С. Зулумян (г. Москва)

МАРИЭТТА ШАГИНЯН И АЛЕКСАНДР БЛОК: ИСТОРИЯ ЗАОЧНОГО ЗНАКОМСТВА

При всех многообразных знакомствах и взаимоотношениях Мариэтты Шагинян с выдающимися представителями Серебряного века – З. Гиппиус, Д. Мережковским, С. Булгаковым, П. Флоренским, семьей Н. и Э. Метнеров, С. Рахманиновым и многими другими, с которыми ее связывали тесные творческие и дружеские взаимоотношения, составившие интересные и знаменательные страницы истории русской культуры начала XX в., – имя Александра Блока стоит особняком, и не только потому, что он вершина и лицо эпохи, но в жизненных взаимоотношениях (а речь пойдет о них) случаются ситуации, когда эти пересечения обретают мистический смысл. И.С. Зильберштейн в статье "Блок и Мариэтта Шагинян", описывая историю знакомства и сотрудничества М.С. Шагинян и А.А. Блока, речь ведет о последнем периоде жизни А.А. Блока, когда они оба в 1921 г. работали в издательстве «Всемирная литература», инициированном М. Горьким [3, с. 753-758].

Заочное знакомство и сотрудничество с А.А. Блоком, как оказалось, по ее более позднему признанию, было много значительнее, чем более тесное общение с другими ее современниками: «Но вот Блок, не сразу мне стало видно, что он – почти без образа, но в «столкновении» очень образном и крайне жизненно важном – прошел через все мои переломные годы» [5, с. 473].

Об этом периоде М.С. Шагинян вспоминала: «...в первой половине 1921 года, когда я так остро нуждалась в хлебе для семьи, а труд мой прахом пошел, «Всемирная литература» предложила мне отредактировать новый перевод вагнеровского "Кольца Нибелунгов", создаваемый переводчицей Свириденко. Я должна была исправлять этот перевод, а над моими исправлениями редактором стал Блок. Эту совместную работу мы делали, не встречаясь друг с другом и не знакомясь лично: исправленные мной листы я отсылала в издательство, а оттуда их посылали Блоку. Для начала (пробного месяца) мне дали часть тетралогии Вагнера. Блок внимательно следил за этой работой, правил изредка красным карандашом мои поправки, и они опять отсылались мне. Я сохранила небольшую

пачку, писанную бисерным моим почерком, с красными пометками Блока его очень изящным и тоже мелким почерком, – весь текст старой еще орфографией, с Ъ-тями и твердыми знаками. Но второй пакетик моих правок пришел с уведомлением от издательства, что работа моя стала «хуже и небрежней». К уведомленью приложено о том же первое ко мне письмо Блока [5, с. 505]. Мариэтта Сергеевна и сама знала, что ее работа стала хуже, но решила во что бы то ни стало оправдаться, защитить себя, поспорить, тем более, что речь шла об очень сложном тексте, в условиях плохого освещения и холода, острой необходимости заработка для семьи и отправила письмо в издательство. Оно было передано А.А. Блоку [5, с. 506].

М.С. Шагинян так отозвалась о реакции А.А. Блока на это письмо: «А. Блок через всю мою аргументацию услышал в нем нотки отчаяния голодного, измученного человека, цепляющегося за работу, которая, должно быть, никогда и ни для кого реально не пригодится... Меня вызвали во «Всемирную литературу», дали на работу всё «Кольцо...» целиком и ту самую резолюцию Блока, которая растрогала меня до слез... Так и работали мы оба некоторое время, не встречаясь и не знакомясь друг с другом до самой его смерти. Но доброта и внимание его дошли до меня» [5, с. 506-507]. Но эта доброта А.А. Блока к М.С. Шагинян не означала его снисходительности к ее работе. М.С. Шагинян опубликовала три письма А.А. Блока к ней по поводу ее работы по редактированию перевода Свириденко, в которых он сформулировал четкие конкретные замечания и мудрые советы, как сделать этот перевод лучше [5, с. 507-508].

М.С. Шагинян дала, на мой взгляд, примечательную портретную характеристику поэта: «Несколько раз издалека видела силуэт его очень прямой, стройной фигуры без всякого намека на сутулость, а, наоборот, как будто со слегка отброшенной назад – и вверх – головой, придававшей силуэту вид надменности. В воспоминаньях о нем я у кого-то встретила упоминание о необыкновенной улыбке Блока, очень редкой, которой он неожиданно одаривал собеседника. Эту улыбку, неизвестно к кому обращенную, беглую, изнутри вдруг просиявшую чем-то неземным на неподвижном лице, мне посчастливилось как-то подсмотреть, когда он проходил сквозь толпу. Он был и буквально и фигурально всегда на большом расстоянии, вдалеке, мимо идущий...» [5, с. 504].

Но еще до того, когда А.А. Блок и М.С. Шагинян начали интенсивно сотрудничать в издательстве «Всемирная литература», писательница, по совету С.М. Алянского, решила послать поэту свои пьесы. Вне ее ожидания, А.А. Блок в письме дал очень подробную профессиональную оценку ее пьесам. На это письмо М.С. Шагинян ответила пространным (в своем стиле) посланием, его лично отнесла и отдала в руки супруге А.А. Блока, Любови Дмитриевны [см.: с. 507-508]. С.М. Алянский, издатель и близкий друг А.А. Блока, был вхож в дом Блоков и имел возможность общаться с поэтом, когда к нему, уже прикованному к постели, почти никого не пускали. В своей известной книге о встречах с поэтом он рассказал об этом случае эпистолярного знакомства, с каким вниманием и одобрением отнесся А.А. Блок к творчеству М.С. Шагинян: «Однажды Блок спросил: знаете ли Вы писательницу и переводчицу Мариэтту Шагинян? Она прекрасно перевела тетралогию Рихарда Вагнера "Кольцо Нибелунгов". А недавно она прислала мне сборник своих пьес. Я читаю их сейчас, она очень талантлива» [см.: 1, с. 317-318].

А спустя несколько дней Александр Александрович опять заговорил о Мариэтте Сергеевне: «Я прочитал пьесы Шагинян. Не знаю, сможет ли использовать их театр, но некоторые из них, по моему, хорошо бы напечатать в "Записках мечтателей". Я очень рекомендую напечатать в ближайшем номере лучшую из этих пьес "Чудо на колокольне" – это очень талантливо, – повторил он. – Я написал свой отзыв. Будьте добры, передайте ей рукопись, она зайдет к Вам в книжный пункт». А еще через несколько дней Александр Александрович спрашивал меня через Любовь Дмитриевну, успел ли я сдать в набор пьесу "Чудо на колокольне" в очередной номер "Записок мечтателей". Пьеса Мариэтты Шагинян "Чудо на колокольне" была напечатана в № 5 "Записок мечтателей", вышедшем уже после смерти Блока, в 1922 году» [3, с. 751; см. также: 1, с. 317-318].

В ответном письме, отвечая на следующие критические замечания поэта по поводу присланных ему пьес: «не очень органический язык, некоторая торопливость, «короткое дыхание», неравномерное внимание ко всем частям», Мариэтта Сергеевна пространно объясняла свою ситуацию: «Дело в том, что у меня матовое восприятие мира (плохо слышу и вижу), и нет своего языка. Органичен язык лишь тогда и там, где он речь. Но я не знаю речи; остатки своего

слуха я невольно приспосабливаю к бескрасочному услышанию, то есть напрягаюсь услышать, *что* мне сказали, а не *как*; на музыку, на связь, на очарование речи уже ничего не остается, ибо внимание приковано неизбежно к понятиям. И вот, постоянно силясь понимать, я неизбежно разучаюсь слушать. Где уж тут питаться живой органикой речи! Остается книга, и свой собственный «потенциал». Но через книгу и от книги (даже самой стихийно-народной) родится только «книжность и производность». <...> Ваше письмо так человечно-просто и так прямо, что не могу не ответить на него с такой же прямоотой и не условно-поверхностно, а по существу» [3, с. 753]. Вместе с тем, М.С. Шагинян в своих воспоминаниях "Человек и Время..." высоко оценила эти критические замечания А.А. Блока в адрес ее пьес: «Много, много раз и в те далекие дни, и сейчас, в глубокой старости, задумывалась я, перечитывая письмо Блока, даже и не перечитывая, а повторяя себе его строки, так как наизусть знаю это письмо. Какая огромная *додача* в нем к процессу моего творчества! Острая и точная прямота без всяких скольжений к чему-то умащающему» [5, с. 509].

Далее М.С. Шагинян писала о самом важном в те дни, что было на устах литературной общественности: бурно обсуждалась поэма А.А. Блока "Двенадцать". С обнаженным нервом воспринявшая поэму как «обжигающую душу», она говорила о великом, человеческом значении поэмы. В письме она не преминула сказать об этом, зная, как тяжело поэт переживал неоднозначное восприятие его творения. Она писала ему, что, когда в осажденный Нахичевань попал экземпляр поэмы, это стало самым сильным переживанием за последние пять лет. Чтение поэмы стало событием для нее. «Я жила на юге России, в самом глухом одиночестве, – писала Мариэтта Сергеевна, – и когда контрабандой (через украинскую границу) к нам из красного Харькова в белый Ростов завезли скверную перепечатку "Двенадцати" Блока и она попала мне в руки, я (простите мне эту неприличную нескромность) молилась Богу над нею и плакала от счастья, что Вы увидели и воплотили... Потом дошла до нас и Ваша статья, кончающаяся заповедью «слушайте музыку революции» [цит. по: 3, с. 754]. М.С. Шагинян писала о сильном впечатлении, которое испытали ее единомышленники в подполье, слушая поэму "Двенадцать": «И случилось в те годы под белыми событие, одно из многих таких же. Люди собирались тайком, в

подполье, беспартийные люди, чтоб отвести душу, побыть вместе, в единомыслии, в одиночестве. Был такой привал для нас с Линой в комнате железнодорожника-большевика, в окраинном грязном рабочем квартале – Темернике. Мы тоже пробирались туда изредка.

Однажды... Но пусть об этом расскажет моя документальная "Перемена", носившая в первых изданиях подзаголовок "*Быль*", а не повесть: «Долго за ночь, когда уж беседа умолкла, сидело собрание. Разбирали заветные книжки, привезенные из Советской России... Когда же впервые, контрабандой пробравшись через кордоны, зазвучали в маленькой комнате слова "Двенадцати" Блока, встало собрание, потрясенное острым волнением. Лучший поэт, чистейший, любимейший, дитя незакатных зорь романтической русской стихии, он, как верная стрелка барометра, падает, падает к «буре» орлиным певцом ее! Он, тончайший, всё понимающий, – с нами! И любовь, как горячая искра, закипала слезами в глазах, ширила сердце. – Блок-то! Блок-то! – И они там, на севере, учителя, доктора, адвокаты, писатели, не научились от этого, не доверились совести лучшего!» И далее: «Поздней парниковые юноши, вскормленные Пролеткультом, отвергали "Двенадцать". Но те, кто пронес одиноко на юге России среди опустошительной клеветы и полного мрака свое упрямое сердце, знают, как помогли им "Двенадцать". Искрой, зажегшейся от одного до другого, радугой, поясом вставшей от неба до неба, были "Двенадцать", сказавшие сердцу: «Не бойся ты, право! Любовь перешла к тем, кого именуют насильниками. В этом порукой тебе неподкупный русский поэт...».

Напечатаны были эти строки в шестом номере журнала "Красная новь" в 1922 году и закончены были печатаньем в том же журнале в 1923-м» [5, с. 474-475].

М.С. Шагинян восприняла и поняла произведение с присущими ей обостренной интуицией и аналитичностью, и то, как она сформулировала это в письме к А.А. Блоку, достойно высокой оценки. Почувствовав, как это было ей дано видеть и воспринимать страдание другого человека (вспомним эпизоды с Андреем Белым и Сергеем Рахманиновым, когда она ищет знакомства с ними в минуты, когда ей кажется, что они нуждаются в поддержке), М.С. Шагинян изложила А.А. Блоку свое понимание поэмы, вспоминая детали первого знакомства с произведением. "Двенадцать", – писала она

поэту, – вовсе не о России (как Вы допускаете теперь толковать), но о Революции. О том мгновении революции, когда – именно только на мгновение, и *не* в плане истории – «абсолютное» притягивается к «относительному», – отмечала она с присущей ей философичностью, – дотрагивается до него, и начинает казаться, что дальше всё будет по-иному. Это мгновение обжигает душу и исчезает. Вы – единственный русский поэт ныне – запечатлели это мгновение так, как оно было... Вы дали тончайшую, точнейшую реакцию на реальнейшую, но невесомую и невидимую действительность. Людям, пережившим ту правду, Ваши "Двенадцать" были связью, встречей друг с другом» [3, с. 753-754].

М.С. Шагинян незамедлительно написала рецензию на "Двенадцать" и послала ее в газету "Приазовский край", хотя не верила, что она будет напечатана, поскольку на Юге в это время хозяйничал деникинский Осваг, но каким-то чудом она была опубликована [5, с. 477].

Далее в своем большом письме она говорила о злобной травле А.А. Блока, которая началась после публикации поэмы "Двенадцать" («проданся большевикам» и т.п.) и о той позиции, которую, по ее мнению, должен был занять поэт. Ободряя и всячески поддерживая его в обстановке травли со стороны старой интеллигенции, М.С. Шагинян писала: «...Вы умны, как Пушкин, у Вас ясное сознание, и Вы эту ясность отлагаете в кристаллах мысли. Почему же сейчас эта ясность уступила «здравому смыслу», и Вы стараетесь сами себя предать? Ведь это чушь, что «революции больше нет», что «большевизм выродился» и т.д. Какое *нам-то* (и Вам – ясно видящему!) до этого дело! Да разве мы газетчики или лекари, чтоб считать пульс и смотреть на сыпь?» Далее следует категорическое обобщение писательницы, четко маркирующее пошлое, низменное, подлое от высокого и вечного, какую бы сторону общественного мнения оно не представляло. «...Неужели *А. Блоку* надо отчитываться перед собачьей будкой за то, что он прогуливался без цепочки на шее?», – эмоционально задавалась вопросом М.С. Шагинян [3, с. 754].

Корней Чуковский оставил воспоминания об этом времени: «Он умер сейчас же после написания "Двенадцати" и "Скифов", потому что именно тогда с ним случилось такое, что, в сущности, равносильно смерти. Он онемел и оглох... Когда я спрашивал у него, по-

чему он не пишет стихов, он постоянно отвечал одно и то же: «Все звуки прекратились. Разве Вы не слышите, что никаких звуков нет? Однажды он написал мне письмо об этом беззвучии: «Новых звуков давно не слышно, – писал он. – Все они притушены для меня, как, вероятно, для всех нас... Было бы кощунственно и лживо припоминать рассудком звуки в беззвучном пространстве» [6, с. 77, 79].

Неоднозначное восприятие поэмы "Двенадцать" литературным окружением поэта, нездоровая атмосфера, которая сложилась вокруг него, стали катализатором того состояния, которое привело к смерти поэта.

Обостренно-чувственное восприятие революции, характерное для М.С. Шагинян, в то же время точное понимание смысла поэмы, ее истовость в борьбе за справедливость, с одной стороны, но главное – забота и поддержка великого поэта, которую она высказала в своем письме, в то время, когда многие отвернулись от него, свидетельство незаурядности ее ума и личности.

Не менее значительна роль М.С. Шагинян в последующий – страшный для семейства Блоков период.

Уход А.А. Блока был трагичен. Истощение было как физическое, так и духовное. В предсмертные дни его одолевали галлюцинации. По воспоминаниям близких, он жутко кричал, возможно, ругался и богохульствовал. Рядом была Любовь Дмитриевна и еще несколько старушек. Каждый день заходил С.М. Алянский. В дни, когда «великий поэт России» умирал от голода и холода, М.С. Шагинян была рядом: заходила каждый день справляться о здоровье, выполняла поручения Любви Дмитриевны, жены поэта, и добавлю, дочери Дмитрия Ивановича Менделеева.

...Александр Блок скончался 7 августа 1921 года.

В это непростое время, когда у каждого петроградца была лишь одна забота – *как прожить день*, – никто и не задумывался снять гипсовый слепок с покойного, никто, но не Мариэтта Сергеевна. Неугомонная Мариэтта незамедлительно начала хлопотать о гипсе и о формовщике, который бы сделал маску с лица усопшего. Это было почти невозможно в холодном и почти в осадном Петрограде. Ей помогал ее «надежный друг» Борис Шкловский. В Наркомздраве им отказали – «тогда я назвала их всех «хаммами», – вспоминала М.С. Шагинян, – а Б. Шкловский ударил по столу и крикнул: «Сво-

лочь!». Друзья усопшего поэта всё же добились своего, – «выцарапали у «хамов» гипс и нашли формовщика» [5, с. 512]. На стук в дверь «всю перепачканную в гипсе», но с небольшим букетиком в руках встретила вдова поэта Любовь Дмитриевна. «Сердечная и взволнованная» Любовь Дмитриевна сама предложила почитать над умершим мужем, но – поправила чтицу, сказав, что над мирянином читается не Евангелие, а Псалтырь: «Уж раз мы хотим соблюсти Закон, надо соблюдать, как следует». Мариэтта Сергеевна читала с 11-ти вечера до 8-ми утра – «без передышки» [см. подробнее: 4].

Позднее М.С. Шагинян вспоминала: «<Любовь Дмитриевна> вынесла мне круглый столик и поставила его у ног покойного. Постелила на нем чистую тонкую белую салфетку, дала мне большую Библию в коричневом переплете, сказала: «Я зажгу Вам нашу венчальную свечу, а когда догорит, возьмите другую». Она принесла мне высокую толстую свечу из белого чистого воска в хрустальной подставке, зажгла и поставила передо мной, а потом перекрестила меня и ушла. Я начала шепотом читать Псалтырь. Дверь открылась, тихо вошла <Любовь Дмитриевна> в ночном капоте, стала около меня на коленях, помолилась и ушла совсем тихо, оставив дверь в свою спальню открытой. Я стала шепотом читать Псалтырь, сначала плача, потом понемногу, почувствовав торжественную, почти непереносимую благодатную силу и радость, и слезы высохли за все эти дни безысходного, выедающего глаза плача» [4, с. 513].

Впоследствии свою знаменитую книгу воспоминаний "Человек и Время..." М.С. Шагинян начала – и не случайно – с "Голос из хора" А.А. Блока, как бы камнем, разрывающий связь времен... это страшно читать, по ее мнению, даже в сотый раз, к этому нельзя привыкнуть:

Лжи и коварству меры нет
И смерть – далёка.
Всё будет чернее страшный свет,
И всё безумней вихрь планет
Еще века, века!
Увидим и вы и я.
Всё небо скроет гнусный грех.

На всех устах застынет смех,
Тоска небытия...

...Ты будешь солнце на небо звать –
Солнце не встанет.
И крик, когда ты начнешь кричать,
Как камень канет...

6 июня 1910 – 27 февраля 1914
А.А. Блок [2, с. 150-151].

Литература

1. *Алянский С.* Встречи с Александром Блоком // Александр Блок в воспоминаниях современников: в 2 т. Т. 2. М., 1980.
2. *Блок А.А.* Изборник. М., 1989.
3. *Зильберштейн И.С.* Александр Блок. Литературное наследство. Новые материалы и исследования. Т. 92. Кн. 5. М., 1982-1993.
4. *Куликов Г.В.* Александр Блок – последние дни // Журнал «Культурно-просветительная работа» («Встреча»). 2001. № 8.
5. *Шагинян М.С.* Человек и Время. История человеческого становления. М., 1982.
6. *Чуковский К.И.* Собрание сочинений: в 5 т. Т. 5. М., 2008.

Р.Г. Тикиджьян, Д.Т. Чувараян

М.С. ШАГИНЯН И С.А. ЕСЕНИН В СЕМЬЕ И В ТВОРЧЕСТВЕ

Мариэтта Сергеевна Шагинян известна всем как советская писательница, поэт, журналист, искусствовед. В контексте 2024 года, объявленного Президентом РФ В.В. Путиным «Годом семьи», нам показалось интересным провести параллели, сравнив ее жизнь и творчество с судьбой не менее известного поэта – Сергея Александровича Есенина, найдя точки соприкосновения или же разъединения, в их отношениях с родными и близкими, к творчеству и к своей Родине.

М.С. Шагинян родилась в армянской семье. В то время как С.А. Есенин родился в русской крестьянской семье. Отец писательницы, Сергей Шагинян, был врачом, приват-доцентом МГУ.

Мать, Пепронэ Шагинян, – домохозяйкой. Была и младшая сестра – Магдалина. Мариэтта считала ее своей лучшей подругой, своей душевной отдушиной. Отношения с обоими родителями складывались очень хорошо, сближали и древние армянские традиции, что были поводом для совместного времяпрепровождения, например, лепка *хашик-берека* (пельменей по-нахичевански), частые застолья и пышные свадьбы.

А вот Сергей Есенин не мог похвастаться такой семейной сплоченностью. Мало говорил о своих родителях, которые жили всю жизнь порознь. Отца, Александра Есенина – приказчика по профессии – по сути дела, поэт не знал, поскольку тот был в частых разъездах. А с матерью, Татьяной Титовой, домохозяйкой, имел довольно напряженные отношения. До конца своих дней поэт не мог простить ей два случая: когда в 16 лет заболел тифом, а мать вместо подбадривания шила при нем похоронный саван, а также, когда узнал о ее внебрачном сыне. Также у С.А. Есенина были две родные младшие сестры – Екатерина и Александра, с ними он был всегда нежен и близок.

Но было и кое-что общее у обоих поэтов – трепетные отношения с бабушками и дедушками. М.С. Шагинян вспоминала: «Детями меня и сестру, – возили на побывку к бабушке, бабушке и к многочисленным тетушкам, в уютный маленький Нор-Нахичеван ...нас потчевали армянскими блюдами и самих привлекали к хозяйству» [1].

С.А. Есенин же, в свою очередь, вообще воспитывался бабушкой и дедушкой с 6 до 12 лет. «За озорство меня ругала только одна бабка, а дедушка иногда сам подзадоривал на кулачную и часто говорил бабке: «ты у меня, дура, – его не трожь, он так будет крепче!». «Бабушка любила меня из всей мочи, и нежности ее не было границ» [2]. Благодаря такой заботе и любви близкие родственники заложили в будущих писателях чувства: любви к близким, чуткость и сострадание, душевную проникновенность, какими были часто наполнены их животрепещущие произведения.

Конечно, насыщенная творческая жизнь, особенно в период 1909 – 1917 гг., позволила как М.С. Шагинян, так и С.А. Есенину обзавестись известными общими друзьями (Белый, Ахматова, Гиппиус, Зощенко и многие другие). Не обошла стороной их и большая любовь. М.С. Шагинян по своей натуре была женщиной пылкой,

весьма влюбчивой. Мужем ее стал филолог Яков Хачатрянц, в браке с которым родилась ее единственная дочь. Рождение Мирэль стало для писательницы собственной «революцией», спровоцировавшей в ее работах отход от релятивизма и побудившей к еще более чувственному, яркому сочинению. Яков Хачатрянц никогда не интересовался политикой. Отношения с женой постепенно стали отстраненными, хотя поначалу они вместе занимались совместной писательской деятельностью, обращаясь к своим исконным корням; составили, например, уникальный сборник «Армянские сказки».

Судьба С.А. Есенина, несмотря на его излюбленный образ повесы и «гуляки», преподнесла ему подарок в виде самой запоминающейся женщины – Айседоры Дункан. В России она была известна, в том числе, и как жена С.А. Есенина, а за границей как – популярная танцовщица, талантливый хореограф. С.А. Есенин принципиально говорил с ней только на русском языке, А. Дункан могла изъясняться только на английском, но вспыхнуть искре между ними это ничуть не помешало. С.А. Есенин высказывался так: «Айседора имеет надо мной дьявольскую власть. Кажется, что она чужая. Ведь я Есенин... Я люблю Россию, коров, крестьян, деревню... А она любит греческие вазы... В греческих вазах мое молоко скиснет... Но мне интересно жить с ней». В какой-то момент терпение Айседоры лопнуло: она вернула Сергея в Москву и уехала в Париж. Однако А. Дункан после смерти поэта всячески защищала его от нападок прессы и оплакивала его с болью и отчаянием [3]. Возможно, такова была непосильная ноша огромного есенинского таланта, что хватало его сил лишь на написание великолепных стихов, но не на тихую личную семейную жизнь. Может, потому последние годы жизни поэта были наполнены и упадническими настроениями, что наблюдалось и в его поэзии.

Что же касается творчества, то любовь к литературной деятельности зародилась у М.С. Шагинян и С.А. Есенина еще в раннем детстве. Этому также способствовало воспитание родителей. Семья Мариэтты отличалась высокой просвещенностью. В доме постоянно собиралась московская интеллигенция.

Патриотизм – еще одна значимая и любимая тематика этих двух поэтов. Тема Родины входила в поэзию С.А. Есенина с первых же его стихов. Этому поспособствовало традиционное крестьянское

воспитание со стороны бабушки и дедушки Титовых. Недаром поэт говорил, что его лирика жива одной большой любовью к Родине – это и село Константиново, и дом, и семья. Он рос в атмосфере народной поэзии. Бабушка распевала духовные песни, собирая у себя дома нищих и калек. Еще большее значение имел дедушка: знал множество духовных стихов и учил внука. Уже в юношестве С.А. Есенин предстает как истинный патриот и впоследствии принципиально отказывается от изучения иностранных языков. Традиции крестьянской жизни наполняли душу поэта новыми силами, ее созерцание приводило в восторг, а в такие дни были написаны лучшие стихи о Родине, общее число которых достигло почти сто сочинений, которые С.А. Есенин носил в своем знаменитом так называемом «деревенском платке» (специальной папочке) [4].

М.С. Шагинян точно так же очень волновала судьба страны, любимых краев – Дона и Юга России, что отражалось в издаваемых работах. Как говорила она сама: «Жизнь в Нахичевани – мой неиссякаемый источник размышлений, рождения новых мыслей».

Кроме того, стоит отметить, что оба писателя с воодушевлением приняли и поддержали революционные настроения 1917–1918 гг. В своих ежедневниках М.С. Шагинян описывала происходящие события. Там находились записи всего пережитого на Дону с 1917 по 1921 гг.: разгул деникинщины, этапы Гражданской войны и победа красных, что позднее вошло в ее биографическую повесть «Перемена». С.А. Есенин, в свою очередь, отличался умением молниеносно реагировать на изменения политического климата и изначально слыл певцом революции в ее бунтарском стиле. Знаковыми произведениями стали «Отчарь» и «Наша вера не погасла...»

Однако главное отличие в их отношениях к Родине и Революции, по всей видимости, заключалось в противоположной оценке к установившейся Советской власти и творческих перспектив в этом контексте. Началась новая полоса жизни, позднее вспоминала М.С. Шагинян, – участие в великом и трудном процессе создания советской литературы, и шла к нему своими путями. А вот С.А. Есенин, наоборот, в скором времени разочаровался в политике большевиков-коммунистов, особо это касалось их отношению к крестьянству, его культуре и быту. Он осознал, что, по всей видимости, приходит конец всему вековому сельскому укладу и традиционной культуре, которые ему были так дороги. Он видел в Ре-

волюции и порожденной ею страшной Гражданской войне только разрушение и жестокость. Поэт в итоге постепенно попал в немилость к действующему Советскому правительству и новой культурной «прокоммунистической элите», в том числе из-за своего образа «кабацкого поэта» периода НЭПа, так и из-за апатичных, иногда и антиреволюционных стихотворений в последние годы жизни. Он уже не находил себе места в этой обновляющейся стране, не в «угаре НЭПа», не в перспективе социалистического будущего и инноваций «Пролеткульта». По всей видимости, приблизило трагический конец поэта и сложность, незавершенность его семейно-брачных отношений.

М.С. Шагинян же, воодушевленная новыми реалиями Советской власти, выпустила большое количество новых своих работ уже в 1920-х годах. Писательница опубликовала в итоге более семидесяти книг повестей, романов, монографий, рассказов и стихов.

Особенно известным в советский период стало знаковое произведение «Семья Ульяновых», представляющее собой роман-хронику, где правдиво раскрывались тайны частной жизни и родословной главного революционера страны – В.И. Ульянова-Ленина [5].

Кстати писательницу подвергли достаточно жесткой критике, ибо В.И. Ленин не должен был выглядеть обычным человеком, его личность и фигура вождя Советского государства – были культовыми. Роман-хроника был изъят из библиотек на двадцать лет. И только в 1972 году «Семья Ульяновых» в итоге удостоилась Ленинской премии, а М.С. Шагинян добилась заслуженной похвалы за эту уникальную работу, произведение включили в школьную программу по литературе.

И С.А. Есенин и М.С. Шагинян воспринимали писательский труд не столько как средство заработка, сколько возможность непосредственно изучать и отражать жизнь, творить, стараясь дотронуться до глубин души любого читателя, используя свои особенные «чары» поэтического и прозаического искусства. С.А. Есенин часто отказывался от идеализации и агитпропа, наоборот, восхищался несовершенствами крестьянской жизни или жизни обитателей городских трущоб. Любил свою родную «глубинку», побывав и многое повидав за границей, любил свою настоящую Русь, где есть

печаль и скорбь, озорство и смех. Отсутствует лишь одно – равнодушные к человеку, в любых его жизненных ситуациях.

Особенность прозаического стиля М.С. Шагинян заключалась так же в умении через реальность бытовых деталей раскрывать личность человека и его связь со временем. Не забывалась никогда и малая Родина – Нахичевань, интересовала и Армения уже как часть Советской страны, что являлось для писательницы отдушиной до конца своих дней.

Таким образом, можно сделать вывод, что чувство любви к семье и Отечеству, к Родине и писательскому творчеству, как у М.С. Шагинян, так и у С.А. Есенина пришло именно из семьи и «места», сформировавшись в раннем детстве, повлияло на их дальнейшую судьбу и творчество, как личностей всероссийского и мирового масштаба. На наш взгляд, именно поэтому интерес к их жизни и творчеству всегда будет интересовать не только литературных критиков и искусствоведов, но и всех, кто любит и ценит таланты в большой российской литературе XX века.

К сожалению, нам не удалось найти реальных подтверждений о возможном близком знакомстве и личном или профессиональном общении М.С. Шагинян и С.А. Есенина.

Лишь в дневниковых записях М.С. Шагинян (за 1917–1931 гг.) есть указание на наличие ее письменного ответа – отдельного письма к своему другу писателю, по поводу безвременной и трагичной гибели известного русского, русского поэта С.А. Есенина. Полагаем, что эти поиски необходимо продолжать, отталкиваясь от указания в дневниковой записи о наличии данного письма [7].

Литература

1. Авдулов Н.С., Мирзабекова Н.В. Мариэтта Шагинян. Нахичевань в жизни и творчестве. (Серия «Жизнь замечательных нахичеванцев»). Ростов-на-Дону, 2013, с. 26-28 и др.

2. См: «С белых яблонь дым: Лучшие стихи и биография / Сергей Есенин. М., 2017.

3. Шлионска И. История любви: поэт и танцовщица – «Есенин и Дункан». 2011 (<https://www.pravda.ru/society/1094262-esenin/>)

4. Елизарова. Е.С. «Родина Сергея Есенина. Что было особенно дорого сердцу поэта?», 2010. (<https://www.shkolazhizni.ru/biographies/articles/39825/>).

5. Шагинян М.С. Как я работала над «Семьей Ульяновых» // «Вопросы литературы». М., 1963. № 7, с. 88-104.

6. Ерохин М. Лениниана М. Шагинян. Как писательница раскрыла тайну советского вождя. (<https://www.armmuseum.ru/news-blog/marietta-shaginyana>).

7. Шагинян М.С. Дневники (1917 – 1932 гг.). Л., [1932].

И.В. Савчук (г. Старая Русса)

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ТВОРЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ М.С. ШАГИНЯН И М.И. ЦВЕТАЕВОЙ

*Ведь это всё русские поэты не на вчера,
не на сегодня, а навсегда. Такими нас не обидел Бог.*

Осип Манделъштам

Слова, взятые в эпитафию, Осип Манделъштам относил к своим современникам – поэтам, вошедшим в русскую литературу в конце XIX – начале XX столетия, когда Россия переживала невероятно интенсивный интеллектуальный подъем, в первую очередь, в поэзии. В эти годы России было послано много поэтических даров, это была эпоха расцвета российской поэзии, были открыты новые источники творческой жизни. Поэты, влившиеся в литературную среду в конце XIX – начала XX веков, продолжили те традиции русской поэзии, для которой человек был важен сам по себе, важны его мысли и чувства, его отношение к вечности, к Богу, к Любви.

Новая эпоха, породившая целую плеяду литераторов, художников, музыкантов, философов, получила название «Серебряного века», особого, уникального явления в истории русской литературы. Стихотворения поэтов Серебряного века отличаются глубокими мыслями, оригинальным языком и метафорами, а также высоким уровнем мастерства. Среди творцов поэзии этой эпохи – множество ярких талантливых представителей, их творчество по-прежнему остается важным и актуальным для современного читателя, входит в золотой фонд отечественной поэзии. В ней особое место принадлежит женской лирике, представленной, в частности, такими яркими именами, как М.С. Шагинян и М.И. Цветаева.

Свои первые стихи Мариэтта Шагинян написала уже в возрасте четырех лет. В 1903 году в газете «Черноморское побережье» опубликован первый стихотворный фельетон «Геленджикские мотивы».

В 1907 году она познакомилась с Владиславом Ходасевичем, в 1908 году – с Зинаидой Гиппиус. А в 1909 году на личные средства М.С. Шагинян издала поэтический сборник «Первые встречи». В 1908 году студентка историко-филологического факультета Высших женских курсов В.И. Герье увлеклась символично-философской поэзией Д.С. Мережковского и З.Н. Гиппиус. М.С. Шагинян начинала как поэтесса-декадентка. Некоторыми критиками ее стихи воспринимались даже «выше стихов» М.И. Цветаевой. Вся поэтическая Россия твердила ее двусмысленную строчку: *«Девы нет меня благоуханней»*. Известный писатель А.И. Куприн при встрече в шутку попросил ее: «Благоухни мне, как бутон».

Среди замечательных имен русской поэзии XX века справедливо называют имя Марины Ивановны Цветаевой. М.И. Цветаева родилась 8 октября 1892 года в Москве. Ее отец Иван Владимирович – профессор Московского университета, известный филолог и искусствовед – в дальнейшем стал директором Румянцевского музея, основателем Музея изящных искусств. Марина Цветаева начала писать стихи на русском, французском и немецком языках еще в шестилетнем возрасте. Огромное влияние на формирование характера Марины оказала мама, которая мечтала видеть свою дочь поэтессой. В 1910 году вышел первый сборник стихов Марины Цветаевой «Вечерний альбом», опубликованный за собственные деньги. Сборник привлек внимание знаменитых поэтов. В том же году Марина Цветаева написала свою первую критическую статью «Волшебство в стихах Брюсова». Двумя годами позже последовала публикация второго сборника, озаглавленного «Волшебный фонарь». В 1913 году вышел еще сборник ее стихов под названием «Из двух книг».

Бурный темперамент, обнаженная страсть, бунтарский дух, принципиальная независимость жизненной позиции, яркое стилистическое своеобразие – всё это выделяет поэзию М.И. Цветаевой как явление русской художественной культуры с отчетливо проступающей печатью первой половины XX столетия, безжалостно разобщившей мир, людей, семьи, сердца людей. Марина Цветаева

– человек трагической судьбы, индивидуальный стиль которой сформировался в контексте культуры Серебряного века.

Для понимания ее места в литературном процессе этого периода необходимо определить, – каким было ее общение с поэтами-современниками, которое запечатлелось в созданных ими поэтических текстах – своеобразных посланиях друг другу.

О поэзии М.И. Цветаевой написано немало, первые отклики на публикацию ее произведений принадлежат М. Волошину, В. Брюсову, Н. Гумилеву и М. Шагинян, доброжелательно отмечавших новаторство и смелость Марины Цветаевой в тематике и в языке ее поэзии.

Литературное наследие М.И. Цветаевой велико – тридцать изданных ею книг и три книги, вышедшие уже посмертно – вобрали в себя лишь малую часть написанного, многое осталось неопубликованным. Из известного поэтического наследия Марины Цветаевой – семнадцать поэм, восемь стихотворных драм, автобиографическая, мемуарная, историко-литературная и философско-критическая проза. Без стихов и поэм М.И. Цветаевой невозможно составить достаточно полное и ясное представление о русской поэзии XX столетия.

На выход первой книги стихов Марины Цветаевой «Вечерний альбом» в 1910 году откликнулась Мариэтта Шагинян статьей «М. Цветаева», посвященной этому сборнику в газете «Приазовской край» 3 октября 1911 года, т.е. ровно через год после выхода сборника молодой поэтессы. Причем в своей рецензии на этот сборник М.С. Шагинян сразу же усмотрела «самую настоящую поэзию» [2, с. 203-209]. Уже в этой рецензии о М. Цветаевой говорилось как о «совершенно самостоятельном поэте, с совершенно самостоятельной поэтической тональностью». М.И. Цветаева знала о существовании этой рецензии и считала ее «для себя ценной». Укрепление веры в большое будущее талантливых поэтесс способствовало появлению сборников стихов М. Цветаевой и М. Шагинян.

Однако Мариэтта Шагинян в дальнейшем избрала для себя другой творческий путь: путь писателя-прозаика, журналиста, публициста, литературного критика, литературоведа. Напротив, основным направлением литературного творчества Марины Цветаевой продолжала оставаться поэзия.

Имя поэтессы Марины Цветаевой навсегда осталось в истории мировой поэзии XX века. Не только ее стихи о любви, но и проза стали национальным достоянием. Многие ее творения положены на музыку и стали романсами.

У М. Цветаевой обнаруживается много общего с М. Шагинян: простота и неприхотливость в быту, беспредельная любовь к поэзии. Они вели переписку. Личное знакомство и общение М.С. Шагинян с М.И. Цветаевой было кратковременным: конец 1939 года – начало 1940 г. в Голицино [1, с. 85-86].

Что касается Мариэтты Шагинян, то ее поэтическое творчество с полным правом можно поставить в ряд лучших поэтесс Серебряного века со своим самостоятельным и ярким поэтическим голосом...

Творчество М.С. Шагинян удивительно многожанровое. Она – романист и очеркист, драматург и поэт, историк и литературовед. Но, стоит отметить, что в ее литературном наследии есть то внутреннее единство, которое придает творчеству М.С. Шагинян последовательность и целенаправленность. Всё, о чем бы ни писала она, привлекает своей гуманистической направленностью, постоянным утверждением высокой роли человека на Земле.

Обе поэтессы Серебряного века принесли в русскую поэзию небывалую дотоле глубину и выразительность лиризма. И Марина Ивановна Цветаева, и Мариэтта Сергеевна Шагинян увековечили свои имена в литературной истории отечественной литературы.

Литература

1. *Шагинян М.С.* Человек и Время. История человеческого становления. М.,1982. С.359-363.
2. *Шагинян М.С.* Самая настоящая поэзия. Рецензия М. Шагинян на первую книгу М. Цветаевой. Вступ. статья, публ. и коммент. Е. Шагинян // Вопросы литературы. 1983. № 12.

МАРИЭТТА ШАГИНЯН И ВЕЛИКИЙ АРМЯНСКИЙ ПОЭТ ОВАНЕС ТУМАНЯН

Мариэтта Сергеевна Шагинян своим замечательным талантом оставила большой, неизгладимый след в сознании поколений, читавших, читающих и изучающих ее творчество. Богатейшее наследие М.С. Шагинян – пример ее уникального трудолюбия, которое всегда будет вдохновлять, учить, воспитывать будущих читателей и исследователей.

Мариэтта Сергеевна Шагинян и ее талантливые современники жили и творили в конце XIX – XX вв., в переломную эпоху истории нашей страны. Проблематика творческого взаимодействия М.С. Шагинян с выдающимися творцами поэзии, прозы, живописи Серебряного века очень актуальна и поучительна.

М.С. Шагинян родилась и выросла в армянской семье и общение с родными и близкими, друзьями помогли ей впитать в себя армянскую культуру, мудрость, бытовые традиции не только армянской ново-нахичеванской колонии, но и в целом армянского народа. И не случайно, что Армения в творчестве М.С. Шагинян занимает значительное место. Огромная любовь и интерес М.С. Шагинян к своему народу, к его жизни и культуре отражаются в ее содержательных очерках и статьях, где о трудах армянских классиков она писала с большим уважением, симпатией и любовью. Стихи, рассказы, романы говорят о ее переживаниях за судьбу Армении, ее народа и о постоянной заботе о его будущем. Например, она переводила на русский язык произведения армянских литераторов, в частности, Ованеса Туманяна и Аветика Исаакяна.

Период с 1915 г. до ноября 1920 г. считается для М.С. Шагинян ростовско-нахичеванским периодом. В Ростове-на-Дону и Нахичевани она прожила несколько трудных лет, переломных в судьбе России. Работала в консерватории, преподавала эстетику и историю искусств, занималась переводами на русский язык армянских сказок. Здесь вышли в свет ее сборник стихов, курс «Введение в эстетику», брошюра «Искусство сцены». Муж М.С. Шагинян, Яков Хачатрянц, занимался литературными переводами. Он в период с 1907 по 1914 гг. переводил на русский язык и изучал армянские

сказки. Так, с армянского на русский язык он перевел несколько рассказов Ованеса Туманяна: «Олень», «Каменная баня», «Мой товарищ Несо» и семь его сказок – «Глупец», «Бесхвостая лиса», «Козленок», «Говорящая рыба», «Кувшин с золотом», «Смерть Кикоса», «Сказка о неудачнике Фаносе», которые печатались в разных журналах и учебниках на армянском языке. Позже, вместе с мужем Яковом Хачатрянцем, Мариэтта Шагинян опубликовала сборник «Армянские сказки». В 1917 году, летом, в августе Мариэтта Сергеевна Шагинян впервые посетила Армению и Закавказье. В Тифлисе и в Пятигорске она выступила с двумя докладами: о Микаэле Налбандяне и об армянских сказках. Ованес Туманян (1869–1923) в это время находился в Пятигорске с дочерью Нвард Туманян. М.С. Шагинян послала поэту приглашение на свою лекцию.

Вот что писала дочь О. Туманяна об этом в своих воспоминаниях: «Отец пошел на ее вторую лекцию, но был недоволен, впечатление было слабым. Он сказал: «Столько лет я собираю сказки, изучаю, но пока не рискую публично выступать, о сказке слово говорить. А она что говорит?» Ему еще не понравилось то, что М.С. Шагинян основывала свои выводы преимущественно на материалах работ Тиграна Навасардяна (этнографа), который опубликовал ряд томов об армянских народных сказках. – «Не только, – огорчился поэт, – что на этом запасе знаний о сказках лекцию читает, еще и меня приглашает, мол, приходите, слушайте, что говорю» [1, с. 168].

В своих воспоминаниях М.С. Шагинян описала портрет Ованеса Туманяна: «Это лицо поразило меня удивительной двойственностью выражения: глазами, смотревшие грустно, сердечно и очень умно, с каким-то хозяйским гостеприимством; и с губами очень тонкими, втянутыми чуть вглубь, – губами человека, которому приходится туго, и он часто вынужден быть осторожным и таить горечь не произнесенных, с трудом удерживаемых про себя реплик» [2, с. 497].

В 1916 году в Москве в свет вышло издание Московского Армянского Комитета «Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней» под редакцией и с вступительным очерком, примечаниями В.Я. Брюсова. Он так охарактеризовал О. Туманяна как поэта:

«Ованес Туманян представляет тип поэта страстного, более непосредственного. Уроженец горного Лори, во многих отношениях автодидакт, человек огромной, но не систематической начитанности, влюбленный в армянскую старину и близкий духом ко всему укладу народной жизни. Туманян как бы олицетворил собою тип южанина, в котором причудливо сочетаются два начала: кейф и гений. Ныне уже почти патриарх новой поэзии, так как уже успело вырасти новое поколение поэтов, принесших с собой новые идеалы. Туманян является центром всей армянской литературной жизни в Тифлисе. Популярность Туманяна как поэта огромна и особенно растет благодаря тому, что им написано много детских книжек, – сказок, легенд, рассказов большею частью в стихах, которые с жадностью читаются детьми. Таким образом, подрастающие поколения учатся любить слово и поэзию по страницам Туманяна, и через его стихи впитывают в себя любовь к родному языку. В то же время Туманян охотно сотрудничает в местной армянской прессе, давая преимущественно статьи по вопросам, связанным с историей литературы. И, кажется, нет во всем Тифлисе человека, кто не знал бы характерной седой головы поэта и не любил бы его, как благородного человека и прекрасного писателя... Для читателей другого народа знакомство с поэмами Туманяна дает больше в познании современной Армении, и ее жизни, чем могут дать толстые тома специальных исследований. В целом поэзия Туманяна есть сама Армения древняя и новая, воскрешенная и запечатленная в стихах большим мастером» [3, с. 78-79].

Ованес Туманян

АРМЯНСКОЕ ГОРЕ

Армянское горе – безбрежное море,
Пучина огромная вод;
На этом огромном и черном просторе
Душа моя скорбно плывет.

Встает на дыбы иногда разъяренно
И ищет, где брег голубой,
Спускается вглубь иногда утомленно,
В бездонный глубокий покой.

Но дна не достигнет она в этом море.
И берега вовек не найдет.
В армянских страданиях – на черном просторе
Душа моя скорбью живет.

1902 г. Пер. В. Брюсова [3, с. 80].

О. Туманян вышел из народной среды, и весь свой талант посвятил народу. Он родился и вырос в одном из самых прекрасных уголков Армении – в районе Лори. Здесь будущий поэт узнал жизнь армянского крестьянина, здесь услышал он веками живущие в народе предания и песни, сказки и легенды. Со второй половины 1880-х годов О. Туманян жил в Тифлисе. В литературу вступил в 1890-е годы. Это был сложный переломный период в армянской общественной жизни. Среди лучших творений армянского гения поэмы «Ануш», «Давид Сасунский», «Взятие крепости Тмук».

А. Кочинян писал о О. Туманяне: «Вершиной лирической поэзии О. Туманяна являются созданные им в последние годы жизни четверостишия, отличающиеся удивительной глубиной мысли и совершенством формы, мудрым философским подтекстом. Великий национальный армянский поэт Ованес Туманян – это не только умелый мастер художественного слова, но и знаменитый социально-общественный деятель и гражданин своей Родины. Он глубоко переживал и страдал от боли и горя своего народа и боролся за его светлое будущее» [6]. В течение многих лет к О. Туманяну тянулись все прогрессивные силы армянской литературы и культуры. Поэт никогда не укрывался за стенами своего кабинета от важных событий и проблем времени. Он хорошо понимал, что чувства национальной вражды чужды трудовому народу, что они искусственно разжигаются правящими классами. А. Кочинян в статье в газете «Правда», посвященной 100-летию со дня рождения О. Туманяна, отмечал, что размышляя об историческом пути, пройденном армянским народом, поэт пришел к заключению, что именно Россия спасла Армению от физического истребления и политики ассимиляции. В противовес и местным националистам и великодержавным шовинистам поэт в 1913 году заявил: «Мы пришли и идем к великой России, к великому русскому народу, мы объединены с русским государством, и с ним мы связываем свои надежды...». Через несколько лет поэт писал: «Наше будущее связано с Россией,

и чем свободнее будет Россия, тем лучше это и для нас, и для всего мира». О. Туманян не раз говорил и о плодотворном воздействии русской литературы и культуры на его творчество [5].

Вот как в свое время говорили об О. Туманяне видные деятели российской культуры и литературы: «Никакому певцу конца 19-го начала 20-го века так не идет звание народного поэта, как Ованесу Туманяну. У него есть всё, чем богат народ: огромная любовь к жизни и к человеку» (С. Маршак). «Для армянской поэзии Туманян сделал то же, что Пушкин для нашей литературы» (С. Городецкий). «Поэтический мир Туманяна огромен. Его имя – это и настоящее, и будущее» (Лев Озеров). «Как счастлива Армения, которая родила настоящего гуманиста» (П. Тычина). «Всеми нами бесконечно любимы богатые, многожанровые, содержательные произведения Ованеса Туманяна, которые тесно связаны с родным народом, насыщены неиссякаемым духом армянских гор, такие же заманчивые и яркие, пленяющие и неповторимые. Бессмертные произведения великого поэта для нас были и остаются предметом глубокого уважения и восхищения» (Алексей Сурков). Крупнейший армянский поэт Аветик Исаакян писал об О. Туманяне: «Как поток спустился он с диких гор легендарного Лори, принеся с собой целый мир природы, пышный и многообразный; древний народ с его песнями и словом, чувствами и воображением. И как великая созидательница-природа, раскрыл он перед нашей душой искреннюю, неподдельную поэзию. Мутным был сначала этот стихийный поток, но, со временем высветляясь, обрел кристальную чистоту и вылился в те прекрасные легенды и поэмы, которые составляют вечную славу и никем не превзойденную вершину нашей литературы».

О. Туманян сформулировал меткие и глубокие оценки творчества таких крупнейших представителей армянской литературы как Григор Нарекаци, Саят-Нова, Хачатур Абовян, Микаэл Налбандян, Раффи и др.; русской и мировой литературы – литературного наследия А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Л.Н. Толстого, В. Шекспира, С. Сервантеса. Великий поэт армянского народа, патриот и гуманист Ованес Туманян был также талантливым литературным переводчиком. Он был эрудированным человеком, отлично знал произведения многих русских и иностранных писателей, сделал замечательные переводы их произведений на армянский язык. Заслуга эта огромная для армянских читателей, которые смогли зна-

комиться с шедеврами русской и мировой художественной литературы в талантливых переводах.

О. Туманян утверждал: «правда такова – надо писать народным живым языком, чтобы народ читал и что-то понял. *Величие поэта, прежде всего, в его народности: поэт должен быть сердцем своего народа*».

Дочь поэта, Нвард Туманян, вспоминала: «Его самым любимым русским поэтом был А.С. Пушкин. Любил читать его поэмы – «Полтава», «Кавказский пленник». «Цыганы» и другие. Но больше всех, – говорил, – люблю его «Зимний вечер», – люблю, потому что превосходный русский язык: красивый и очень ладный». Он говорил: «Пушкин великий поэт. Крупный, великолепный поэт, обладает изящным обонянием и прекрасным вкусом. Бриллиант он, бриллиант в русской литературе...» [1, с. 137]. Дочь О. Туманяна писала о впечатлениях отца: «Читал книгу исследователя В. Щеглова «Дуэль и смерть Пушкина», – интересная книга, много нового есть и многое что прояснилось, – как мучился человек. Нашел сходство между жизнью Пушкина и своей» [1, с. 155]. О. Туманяна многие называют «армянским Пушкиным». Произведения А.С. Пушкина он переводил на армянский язык: «Зимний вечер», «Золотая рыбка» и другие стихи и сказки.

О. Туманян в совершенстве владел русским языком и сделал переводы не только произведений А.С. Пушкина, но и М.Ю. Лермонтова, Н.А. Некрасова, А.А. Блока, А.М. Горького, Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева и других русских писателей. Также он переводил на армянский язык произведения великих иностранных писателей: Байрона, Гёте, Шиллера и др. О. Туманян очень любил В. Шекспира. Он также сделал литературные переводы на армянский язык русских былин: «Князь Муром воюет с князем Владимиром», отрывки из сербского национального народного эпоса «О богатыре Марко». В его переводах армяне читают и многие известные сказки: «Энзел и Гретел», «Золушка», «Василиса Мудрая», «Аленький цветочек».

В свою очередь, произведения великого поэта и гуманиста переведены на разные языки мира, особенно полно на русский язык. Его произведения любимы и понятны русскому читателю, переведены замечательными русскими поэтами В. Брюсовым, В. Ивановым, К. Бальмонтом и другими талантливыми литераторами XIX-

XX вв. Произведения Ованеса Туманяна издавались на русском языке неоднократно, начиная с 1893 года, когда в переводе К. Бальмонта вышла в свет легенда поэта «Ахтамар».

Что же делает поэзию О. Туманяна особенно любимой? Конечно же, *народность* его мастерства. Он находит события, поступки, переживания, выпукло характеризующие народную жизнь, подает их естественно, без нажима и этим вдыхает жизнь во всё, чего коснется его перо. Особенно великолепны его пейзажи Армении, светлые картины природы. «Благодаря искусству поэта воскресли и засверкали, подобно алмазам и древние сокровища родного народа – легенды и сказки. Они составляют весьма существенную часть творчества Туманяна» [3, с. 9-10].

В своей семье О. Туманян заложил традицию переписки, он требовал, чтобы дети писали, вели дневники. Письма составляют значительную часть литературного наследия О. Туманяна. Благодаря этой переписке мы узнаем не только о широте интересов каждого члена этой семьи, но и достоверные сведения о жизни целой плеяды людей, которые жили рядом и были вхожими в дом О. Туманяна. Это писатели, художники, музыканты, актеры, общественные деятели. Были гости и из России – В. Брюсов, К. Бальмонт, С. Городецкий, А. Дживилегов и другие.

В 1969 году к 100-летию со дня рождения О. Туманяна в Ереване на русском языке был опубликован трехтомник писателя. В его подготовке плодотворно участвовали видные русские переводчики. Особо следует сказать о редакторе поэзии О. Туманяна М.С. Петровых и о редакторе его прозы А.Л. Дымшице. Они работали над переводами с любовью к творчеству великого армянского поэта и очень тщательно, их пример заражал всех, кто принимал участие в подготовке этого трехтомника. [Составители Л. Ахвердян, Л. Мкртичян].

Ованес Туманян

МОЯ ПЕСНЯ

Владения мои бескрайны.
Богат, о, как богат я, джан!
Любви и песнопений тайна –
Вот щедрый дар, что свыше дан.

Неисчерпаемые недра
Я не скрываю, не таю, –
Я отдаю легко и щедро
И песни и любовь мою.

Нет, я страшиться не умею
Ни злой беды, ни злых людей,
Я расточаю, что имею,
Не обеднив души моей.

Я не был нищим, не был сирым,
Я счастлив был и потому
Всё, что дано мне этим миром,
С любовью отдаю ему!

1918 г. Перевод Марии Петровых [3, с. 106].

Литература

1. *Туманян Н.О.* Воспоминания и беседы. Пер.с арм. на рус.яз. А.Г. Симавонян. Ереван, 1969.
2. *Шагинян М.С.* Собр. соч. в 9. Т. 7. М., 1974.
3. *Брюсов В.Я.* Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней. М., 1987.
4. *Туманян Ованес.* Избр. произв.: в 3 т. Пер. на рус. яз. под ред. М.С. Петровых. Ереван, 1969.
5. *Авдулов Н.С., Мирзабекова Н.В.* Мариэтта Шагинян. Нахичевань в жизни и творчестве. Ростов-на-Дону, 2013.
6. *Кочинян А.* Ованес Туманян // Газета «Правда». 19 сент. 1969.

М.Ю. Соколова

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЖИЗНИ: И.М. ТИКИДЖИ-ХАМБУРОВ (ХАМБУРЬЯН)

Имя Иоакима Мануиловича Тикиджи-Хамбурова (Акима Эммануиловича) достаточно часто встречается в документах городской думы и управы города Нахичевани-на-Дону, в периодических изданиях Области Войска Донского, Ростовской области. Сохранилась память об Иоакиме Мануиловиче и как о талантливом препо-

давателе, педагогический стаж которого насчитывает более полувека (1886–1938).

Родился Иоаким Тикиджи-Хамбуров 1 августа 1859 года. В возрасте двадцати одного года, по окончании Ставропольской мужской гимназии в августе 1881 года, мещанин Иоаким Тикиджи-Хамбуров становится студентом «отделения математических наук» физико-математического факультета Московского университета [1]. В ходе обучения студент Тикиджи-Хамбуров показал «отличные успехи». По окончании курса в 1886 году Иоаким Мануилович получил свидетельство «на звание учителя гимназии и прогимназии по предметам математических наук». По окончании курса Хамбуров, будучи утвержденным в «степени кандидата Физико-Математического факультета», что соответствовало коллежскому секретарю – гражданскому чину X класса в «Табели о рангах», имел право работать преподавателем и в высшем учебном заведении. Его статус позволял ему «заведовать практическими занятиями» и заниматься научной карьерой. Но он предпочел вернуться в Нахичевань-на-Дону [2].

Полученный гражданский чин открывал перед Тикиджи-Хамбуровым возможность строить успешную карьеру в провинции, чему во многом способствовали изменения в законодательстве Российской империи. Гражданская служба становится способом реализации права учителей на участие в государственной жизни, осуществляемого путем соединения права на доступ к должностям с обязанностью «добросовестно исполнять свои должностные функции». Данный порядок осуществления права на доступ к должностям, регламентировался, прежде всего, Уставом о службе. Право на чинопроизводство имели учителя мужских гимназий и прогимназий, преподаватели женских гимназий и прогимназий, имеющие право на преподавание в мужских гимназиях и прогимназиях, пользовались по чинопроизводству правами, присвоенными учителям мужских гимназий и прогимназий в соответствии со статьей 388 Устава о службе [3].

В 1886 году, сразу после окончания курса, Хамбуров поступил на службу в Нахичевано-Бессарабскую армянскую духовную семинарию, в которой проработал до 1 августа 1900 года [4].

Одновременно Иоаким Мануилович, что практиковалось учителями того времени, получает часы и в женских учебных заведениях

города Нахичевани-на-Дону. В Екатерининской женской гимназии он служил с 1896 по 1916 гг. По предложению попечителя Харьковского учебного округа от 7 сентября 1896 года за № 6953 И.М. Тикиджи-Хамбурьян преподавал физику и математику. Сохранились многочисленные фотографии данного учебного заведения, на которых изображен И.М. Тикиджи-Хамбуров. На фотографии 1901 года Иоаким Мануилович изображен в форменной одежде со знаками отличия коллежского асессора (8 класс «Табели о рангах») [5].

В Нахичеванском женском Гогоевском училище Тикиджи-Хамбуров преподавал математику в 1893–1896 гг. Для работы в Гогоевском училище (в 1912 году учебное заведение получает статус гимназии) преподаватель был приглашен попечительским советом училища.

С 1907 года в данном учебном заведении он являлся инспектором классов вплоть до 1920 года. Ему вменялось в обязанности: контролировать ход учебных занятий, наблюдать за исполнением учителями своих обязанностей, следить за соблюдением должного порядка в классах.

Для преподавания в Нахичеванской-на-Дону Екатерининской женской гимназии и Нахичеванской-на-Дону мужской гимназии с (1915–1920 гг.) педагог был рекомендован попечителем Харьковского учебного округа, которому вменялось в обязанность выбирать и назначать директоров гимназий, утверждать в должностях инспектора и учителей.

Наряду с педагогической деятельностью Иоаким Мануилович находил время и для общественной работы. Он неоднократно избирался гласным Нахичеванской городской думы. Состоял членом «училищной» и «водопроводной» комиссий [6].

Коллежский советник И.М. Тикиджи-Хамбуров, будучи членом Училищной комиссии Нахичеванской городской думы, способствовал замене калориферного отопления пароводяным в Нахичеванской Екатерининской женской гимназии. К его мнению прислушалось большинство гласных городской думы, не посчитав для себя допустимым экономить на здоровье гимназисток.

В 1912 году И.М. Тикиджи-Хамбуров вошел в число гласных Нахичеванской городской думы, на которых было возложена под-

готовка достойной встречи Католикоса Всех Армян Геворга V во время его приезда в город [7].

Иоакими Мануилович состоял действительным членом (наряду с Н.Н. Дурбахом, М.Я. Искидаровым) Нахичеванского-на-Дону армянского женского благотворительного общества «Попечение», осуществлявшего обучение технике и методам шитья в мастерских общества. Он не только платил взносы, но и контролировал уровень преподавания математики для патронируемых учениц [8].

Гласный Нахичеванской-на-Дону городской думы Тикиджи-Хамбуров принимал участие и в работе «Общества вспомоществования нуждающимся учащимся учебных заведений Нахичевани».

Согласно данным «Списка чинов Собственной его Императорского величества канцелярии по учреждениям императрицы Марии, контроля ведомства и начальствующих лиц учреждений ведомства императрицы Марии, изданного в декабре 1916 года в Петрограде (типография В.Д. Смирнова, Екатерининский кан., д. 45) за свою педагогическую деятельность И.М. Тикиджи-Хамбуров был награжден орденом Святой Анны.

В 1920–1930 годы Иоаким Мануилович преподавал математику в школах I и II ступени города Нахичевани-на-Дону, на профтехнических курсах при заводе «Красный Аксай» и Пехотных командных курсах (1921–1923 гг.), школе повышенного типа «проф. К.А. Тимирязева», в Армянском педагогическом техникуме. За эти годы талантливый учитель неоднократно получал благодарности, награждался премиями. 1 мая 1934 он был награжден грамотой и «сочинением тов. Сталина «Вопросы ленинизма» [9].

23 июля 1932 г. в ходе заседания Краевого союза работников просвещения был поставлен вопрос о назначении И.М. Хамбурьяну персональной пенсии. Члены союза сошлись во мнении, что необходимо признать большие заслуги педагога: «Считать необходимым через краевую печать, через дополнительные мероприятия среди общественности <...> дополнительно отметить примерную работу Т. Хамбурьяна». Но в персональной пенсии Иоакиму Мануиловичу было отказано, т.к. «для этого требуются особые революционные заслуги перед Республикой».

В год десятилетия Азово-Черноморского краевого армянского педагогического техникума коллеги и ученики поздравили И.М. Тикиджи-Хамбурьяна с 50-летним юбилеем педагогической

деятельности, вручив ему памятный адрес, премию в размере 300 рублей, путевку в Дом отдыха в Геленджик и скульптурное изображение юбиляра -«бюст/личный».

Несколько поколений учеников вспоминали о И.М. Тикиджи-Хамбурьяне, как о необыкновенно талантливом педагоге, способном научить решать самые сложные математические задачи. Сохраняется память об этом удивительном человеке и в наши дни. Рассказ о педагогической деятельности Иоакима Мануиловича включен в обзорную экскурсию Музея русско-армянской дружбы.

Литература

1. ГБУК РО «Ростовский областной музей краеведения» (далее – «РОМК»), КП 12370.
2. Аттестат № 4962 И.М. Тикинджи-Хамбурьяна об окончании Московского Университета 31 декабря 1886 г. // ГБУК РО «РОМК».
3. Устав о службе по определению от правительства // Свод законов Российской империи. Т. 3 Свод уставов о службе гражданской. СПб., 1896.
4. ГБУК РО «РОМК», КП 12373.
5. ГБУК РО «РОМК», КП 12383.
6. Справочная книжка «Ростов – Нахичевань-на-Дону. С планом г. Ростова, рисунками, портретами и видами. 1911-1912 гг.». Составитель Г.А. Чеботарев, Ростов-на-Дону, 1912; Весь Ростов-на-Дону: адрес-календарь, торгово-промышленная справочная книга на 1914 год: Весь Ростов и Нахичевань-на-Дону – Харьков, 1914.
7. Государственный архив Ростовской области. Ф. 91, оп. 1, д. 1713, л. 4.
8. Памятная книжка Области Войска Донского на 1905 г. Издана в Донском статистическом комитете под редакцией секретаря комитета Ф.Д. Дементьева. Новочеркасск, 1905; Отчет Нахичеванского-на-Дону Армянского женского общества пособия бедным за 1913 г. Нахичевань-на-Дону, 1913.
9. ГБУК РО «РОМК», КП 12373.
10. ГБУК РО «РОМК», КП 12372.

**ВЗГЛЯД С ДРУГОГО БЕРЕГА: ПРЕДСТАВИТЕЛИ
РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ
О РОМАНЕ М.А. ШОЛОХОВА «ТИХИЙ ДОН»**

Как известно, первые два тома романа М.А. Шолохова «Тихий Дон» были полностью опубликованы в 1929 году. И с этого же времени их начали весьма активно публиковать за границей.

Именно в это время зарождается зарубежная критическая и научная «шолоховиана», большую роль в которой сыграли представители первой волны русской эмиграции.

Большинство эмигрантских критиков высоко оценили роман, отмечая его безусловные художественные достоинства. Интересна в связи с этим статья «Тихий Дон» Шолохова», опубликованная в 1929 году в газете «Россия и славянство». Ее автор – Кирилл Иосифович Зайцев (архимандрит Константин), священнослужитель Русской православной церкви за рубежом. В 1920 году вместе с армией Врангеля он эмигрировал из России. Автор охарактеризовал первые две книги «Тихого Дона» как «сенсацию», а самого М.А. Шолохова как человека очень одаренного, обладающего острым и глубоким взглядом на мир. При этом главное достоинство книги, по К.И. Зайцеву, заключается в изображении казачьего быта, людей Дона: «Пред вами проходит масса лиц, но даже если это эпизодические встречи, вы запоминаете их... у вас ни на минуту сомнения в их подлинности. Портреты, живые портреты!» [1, с. 48]. Однако всё, что связано с изображением М.А. Шолоховым войны и революции, по мнению К.И. Зайцева, надумано и выхолощено, ибо М.А. Шолохов – художник, а не политик.

С некоторым удивлением К.И. Зайцев писал о «лояльности» М.А. Шолохова по отношению к деятелям белого движения. Корнилов, Чернецов, Каледин изображены, по К.И. Зайцеву, с «некоторой долей симпатии». Здесь автор статьи явно оказывался солидарен с «неистовыми ревнителями» советской критики, обвинявшими М.А. Шолохова в том, что он смотрит на Гражданскую войну «глазами белогвардейца», не увидевшими в этом свойство писателя-эпика.

Интересна реакция на роман Г. Адамовича, литературного критика № 1 в русском зарубежье, покинувшего Россию в 1923 году, выбравшего судьбу скитальца: «Нет радостней судьбы – скитальцем стать...», Г. Адамович очень живо откликнулся на литературные новинки метрополии. В 1933 году он написал статью «Шолохов», где отметил «большой природный талант автора «Тихого Дона»: «Привлекает в Шолохове свежесть. Привлекает первобытная сила его характеров. Привлекают... лирические отступления, – необычайно и странно звучащие у советского автора, непохожие на индустриальные восторги большинства его собратьев...» [1, с. 76]. Г. Адамович заметил и общечеловеческую значимость созданных писателем образов: «Шолоховские герои всегда и прежде всего люди: они могут быть коммунистами или белогвардейцами, но эта особенность не исчерпывает их внутренний мир» [1, с. 75]. При этом весьма интересен и тонок вывод Г. Адамовича: не будучи враждебен революции политически, писатель М.А. Шолохов «расходится с ней в ощущении правды жизни». Здесь тонкий исследователь, как говорится, попал в точку. Сразу после выхода четвертого тома «Тихого Дона» раздались возмущенные отклики советских собратьев по перу. Достаточно вспомнить мнение Алексея Толстого: «Книга «Тихий Дон» вызвала и восторги, и огорчения среди читателей... Конец четвертой книги компрометирует у читателя и мятущийся образ Григория Мелехова, и весь созданный Шолоховым мир образов» [2].

Финал романа, напротив, вызвал положительные отклики в среде эмигрантских критиков. Так, Вера Александрова в статье «Новое о крестьянстве» (1940) с некоторой насмешкой писала о тех, кто требовал «счастливый финал» романа: «Нет, не такого конца хотели официальные критики... И одно время казалось, что «партиец» в Шолохове возьмет верх над художником и он в угоду верхам нового общества размалюет Григория под лояльного «советского казака». К счастью для русской литературы, это не случилось» [1, с. 377].

Конечно, для нас очень важно мнение первого русского нобелевского лауреата в области литературы. М.А. Шолохов очень любил И.А. Бунина. Но, к сожалению, эта была любовь без взаимности. И.А. Бунин прочитал «Тихий Дон» летом 1941 года и сделал такую запись в дневнике: «Талантлив, но нет словечка в простоте.

И очень груб в реализме. Очень трудно читать от этого с вывертами языка с множеством местных слов...» [1, с. 21]. Причем, писателя не устроило то, чем восхищались другие: именно картины казачьего быта. Родившийся в Воронежской губернии, И.А. Бунин, прочитав роман, заявлял: «Казачи так не говорят».

Невольным оппонентом И.А. Бунина через пятнадцать лет выступил Николай Оцуп, поэт и литературный критик. В эмиграции с 1922 года. В 1956 году в статье «М.А. Шолохов» он рассказал о своем восприятии «Тихого Дона». Первые книги романа он прочитал в итальянском переводе в Риме, а четвертый том – уже в Париже на русском языке. Сравнение было в пользу подлинника. При этом Оцуп заметил, что многие произведения, например, «Леонардо да Винчи» Д.С. Мережковского не хуже звучит по-итальянски, чем по-русски: «С Шолоховым это произойти не могло. Его язык, богатый провинциализмами, связан, как растение с почвой, с речевыми особенностями России» [1, с. 98]. Именно поэтому М.А. Шолохов в представлении Н. Оцупа законный продолжатель литературных традиций века девятнадцатого, прежде всего Н.В. Гоголя и Л.Н. Толстого.

Как отмечал В. Васильев, «Тихий Дон» долгое время расценивался в эмиграции как семейно-бытовой роман о казачестве. Поэтому весьма интересно восприятие произведения представителями казачьего зарубежья. Интересны в связи с этим работа Д. Воротынского (Ветютнева), прозаика, критика и мемуариста, казака по происхождению. Он родился в станице Усть-Медведицкой, окончил духовную семинарию. Д. Воротынский назвал «Тихий Дон» «вершиной человеческого творчества», которую можно сравнить с «величайшим творением «Война и мир» Льва Толстого» [3, с. 126].

Сегодня стало уже привычным расценивать М.А. Шолохова как продолжателя традиций Л.Н. Толстого. Многие отечественные и зарубежные шолоховеды посвятили свои работы проблеме жанрового сходства двух великих романов. Однако в 1930-е гг. за рубежом находились и отрицатели этого. В их числе В.С. Познер, автор рецензии на первую книгу «Тихого Дона». С конца 1910-х гг. по 1921 г. жил в России, состоял в литературной группе «Серрапионовы братья». Охарактеризовав М.А. Шолохова как весьма одаренного пролетарского писателя, В.С. Познер явно принизил его место в молодой советской литературе: талантливее Ф. Гладкова, но не

сравним с Артемом Веселым и А. Фадеевым. Не увидел В.С. Познер и сходства «Войны и мира» и «Тихого Дона».

С В.С. Познером вступил в полемику Марк Слоним (в эмиграции с 1922 года). Однако его «защита» носила явно курьезный характер. Говоря о сходстве этих двух романов-эпопей, М. Слоним отметил, что «Тихий Дон» составлен по точной схеме «Войны и Мира», поэтому любовь Аксиньи и Григория «удивительно напоминает историю Анны Карениной и Вронского», а характер Пантелея Прокофьевича напомнил М. Слониму князя Волконского. На эту «забывчивость» М. Слонима, перепутавшего два великих произведения Л.Н. Толстого, а заодно и назвавшего старика Болконского князем Волконским, отреагировал критик, скрывающийся за инициалами М.М.: «Разница, конечно, для людей забывчивых весьма несущественная; но на страницах такого почтенного журнала, как «Словански Пржеглед»... такое «критическое» забвение вряд ли допустимо» [4, с. 18].

Достаточно важным для представителей казачьей эмиграции стал вопрос об авторстве романа. При этом большинство из них были твердо уверены: именно М.А. Шолохов является его создателем. Так, Д. Воротынский, близко знавший и друживший с Ф. Крюковым, основным претендентом на роль автора, назвал это легендой, не имеющей под собой никаких доказательств.

Интересно в связи с этим и мнение П. Попова, руководителя антибольшевистского движения на Дону. В эмиграции – с 1920 года. Является одним из персонажей «Тихого Дона». В 1976 году известный американский шолоховед Г. Ермолаев получил для научного использования ксерокопию письма П. Попова казаку-эмигранту С. Пахомову, из которого видно, что он так же отказал Ф. Крюкову в авторстве: «Нет, автор не Ф. Крюков, язык не его», дав при этом весьма точную характеристику настоящего создателя произведения: «...автор бойкий, но, видимо, начинающий... судя по началу, видно, что автор не казак, – живет он на Дону, казачий быт изучает» [5, с. 56]. Согласитесь, нетрудно увидеть в этом описании молодого М.А. Шолохова.

Весьма любопытно мнение о М.А. Шолохове такого яростного врага Советской власти, каким был П. Краснов, русский генерал от кавалерии, атаман Всевеликого войска Донского, один из персонажей «Тихого Дона». Он не оставил письменных отзывов о «Тихом

Доне», но в последние годы войны, находясь в Северной Италии, эмигрант второй волны Б. Ширяев записал беседу, в которой П. Краснов высказал свое отношение к М.А. Шолохову как автору романа: «Это исключительно огромный по размерам своего таланта писатель... Я столь высоко ценю Михаила Шолохова потому, что он написал правду» [3, с. 341].

Таким образом, представители русского зарубежья при всем негативном отношении и к Советской власти, и советской литературе увидели в М.А. Шолохове выдающегося писателя, законного продолжателя великих традиций золотого века русской литературы.

Литература

1. Шолохов и русское зарубежье. Сост., вступит. статья, примеч., именной указатель В.В. Васильева. М., 2003.

2. «Порочное, но любимое произведение». Что современники Шолохова думали о его романе «Тихий Дон» // <https://snob.ru/literature/porochnoe-po-lyubimoe-proizvedenie-cto-sovremenniki-sholohova-dumali-o-ego-romane-tihij-don/> (дата обращения: 1 марта 2024).

3. Шолоховская энциклопедия. Коллектив авторов. Гл. ред. Ю.А. Дворяшин. Вступ. статья М.М. Шолохова. М., 2012. 1216с., ил.

4. Иностранцы о казаках: Иностранная критика о «Тихом Доне» Шолохова // Вольное казачество. 1930. № 58. С. 18.

5. *Ермолаев Г.С.* Действительность и вымысел в эпосе «Тихий Дон». Описание военного совета в Ольгинской // Войны России XX века в изображении М.А. Шолохова. Шолоховские чтения. Ростов-на-Дону, 1996.

М.Е. Журавлева (г. Москва)

ФОЛЬКЛОРИСТЫ А.М. ЛИСТОПАДОВ И Ф.В. ТУМИЛЕВИЧ. ПЕРЕСЕЧЕНИЯ

А.М. Листопадов [1, с. 174] и Ф.В. Тумилевич [1, с. 331] – самые значительные исследователи донского казачьего фольклора. В середине 1930–1940-х гг. они жили и работали в Ростове-на-Дону. Конечно, к этому времени А.М. Листопадов был уже известным собирателем текстов и напевов донских казаков, а Ф.В. Тумилевич – молодым фольклористом. Оба занимались, по сути, общим де-

лом, в частности, изучением фольклора казаков-некрасовцев и их пути так или иначе пересекались.

Историческая судьба казаков-некрасовцев связана с событиями середины XVII века и реформой патриарха Никона, приведшей к расколу в Русской православной церкви. Началось расселение русского народа на огромные пространства от Сибири до Малой Азии. Донские казаки-старообрядцы, ушедшие на Кубань после поражения Булавинского восстания (1707–1708), оставались там на несколько десятилетий, а затем, во второй половине XVIII века, небольшими группами переселялись на Дунай, позже уже оттуда большая их часть перебралась на территорию Малой Азии [2, с. 216].

Восстание 1707 года под предводительством Кондратия Булавина было разгромлено, последовала расправа с повстанцами карательными отрядами В. Долгорукова по поручению Петра I. Беглые люди находили прибежище у донских казаков. Одним из ближайших соратников Кондратия Булавина был 47-летний казак Игнат Некрасов, он и возглавил восставших после внезапной гибели Булавина. В конце августа 1708 года атаман Игнат Некрасов увел оставшиеся силы булавиновцев на Кубань, в пределы Крымского ханства, чтобы спасти их от поголовного уничтожения. Здесь возникло укрепленное поселение, названное Некрасовским городищем, а позже – станицей Некрасовской.

Последователи Некрасова стали называться некрасовцами или Игнат-казаками. И участники булавинского восстания, и старообрядцы, пришедшие на Кубань в 1688 году после подавления раскола на Дону, и позднейшие выходцы из России, – все приняли имя некрасовцев [3, с. 6]. Некрасовцы основали казачью общину – Войско Кубанское. Игнату Некрасову пришлось получать разрешение от крымского хана на создание здесь своего поселения. Так появилась казачья вольная республика некрасовцев, где жизнь строилась по Заветам Игната – своду законов, составленным, по преданию, самим атаманом Некрасовым и включавшим более 650 заветов. Письменные образцы этого документа были утеряны еще в XVIII веке, поэтому «Заветы» передавались устно из поколения в поколение. Никонианство и никонианское духовенство «Заветами» отвергались, некрасовцы придерживались исключительно старообрядческой традиции, но казачий Круг был поставлен выше духо-

венства. Устои в некрасовской общине были жесткими. Морально-нравственные и поведенческие установки определялись не только религией, но и своеобразными представлениями некрасовцев о социальной справедливости [4, с. 199].

После смерти Игната в 1737 году начался распад войска Кубанского. Императрица Анна Иоановна направила на Кубань войска против некрасовцев, чтобы вернуть их силой. Большая часть некрасовцев переселилась в 1740 году в Добруджу у устья Дуная. Оставшаяся часть перешла на левый берег Кубани, однако в конце века некрасовцы вынуждены были покинуть Кубань. Некрасовская община распалась на две ветви: дунайскую и майносскую. Однако дунайскую ветвь казаков-некрасовцев («дунаков», «липован») [4, с. 200-201] ждало растворение в более многочисленной среде беглых крепостных крестьян, в результате чего они вскоре «ассимилировались, утратив язык своих предков, обычаи и фольклор» [5, с. 7].

Другая группа некрасовцев в 1791 году с берегов Дуная переселилась в Малую Азию, в район Майноса (озера Куш), где также появилась весьма многочисленная некрасовская община. Майносцы жили изолированно от окружающего мусульманского населения и сохраняли приверженность изначальным устоям, заложенными Игнатом Некрасовым [5, с. 6-8].

Российские власти давно стремились вернуть казаков-некрасовцев. Однако приглашения некрасовцев в Россию не находили поддержки у казаков, выполнявших завет Игната: «Царизму не покоряться, при царизме в Россию не возвращаться».

Лишь к началу XX в. ситуация стала меняться. Подразделения казаков-некрасовцев принимали участие во многих русско-турецких войнах на стороне Османской империи. Но в 1860-х годах майносцы отказались от участия в войнах на стороне Турции, и правительство упразднило их привилегии. В Россию потянулись первые переселенцы, которым были выделены земли в Грузии. После 1917 года некрасовцы переселились из Грузии на Кубань и были зачислены в состав кубанского казачества.

Переселение некрасовцев в Россию было прервано Гражданской войной и возобновилось лишь в начале 1960-х годов. В сентябре 1962 года из селения Коджа-Гель в СССР вернулись 215 семей некрасовцев. Они расселились преимущественно в поселке Новокумский Левокумского района Ставропольского края. 254 года нахо-

дились некрасовцы в отрыве от своей родины. Там, на чужбине, они сохранили свой язык, фольклор, письменность, веру, обычаи и традиции, бытовавшие на Дону в XVII веке.

Казаки-некрасовцы постепенно переходили на обычный для советских людей того времени образ жизни, – учились в школах, работали в колхозах [6]. Тем не менее, до сих пор многие казаки-некрасовцы старались сохранить память о необычной истории своей общины и верность своим традициям.

Не случайно казаки-некрасовцы привлекали внимание исследователей, в частности, фольклористов. Еще в конце XIX века появились первые немногочисленные публикации песен некрасовцев [5, с. 8-9]. Интерес к некрасовцам, вернувшимся на родину, возродился. В конце 1930-х годов некрасовские хутора стали посещать научные экспедиции.

В архиве Российского национального музея музыки хранится дневник А.М. Листопадова [7], из которого следует, что в мае 1940 года Ростовское книжное издательство попросило Александра Михайловича, как специалиста по донскому фольклору, взяться за правку гранок «некрасовского» сборника молодого исследователя Федора Тумилевича. А.М. Листопадов в этом дневнике так излагает ход последовавших событий: «Издательство вздумало собак кормить, уже выехав на охоту, нужно очистить фонетику... Фонетика у Тумилевича оказалась, действительно, подмоченной. Удивила меня также попытка составителя внести северную тенденцию классифицировать не по жанрам, не по сюжетам или другим признакам, а по-Гильфердинскому (А.Ф. Гильфердинг – собиратель онежских былин в XIX веке – *М.Ж.*), по исполнителям/сказителям?!» [7, 9 мая 1940 г.], – недоумевал А.М. Листопадов. – «Приходил Тумилевич... Я предложил заняться просмотром совместно, взяли три песни по его усмотрению, и оказалось – 28 отступлений в области фонетики» [7, 10 мая 1940 г.]. «Но эта работа неожиданная, правда представляющая интерес в некотором отношении и для меня самого, прервала собственную мою работу по некрасовскому сборнику...» [7, 9 мая 1940 г.]. А.М. Листопадов не отказывался помочь молодому коллеге, и уже 19 мая «приступил к окончанию корректуры Тумилевича», однако отмечал недостаток внимания к своему материалу в издательстве, тогда как работу над

сборником Тумилевича издательство представило как «очень важное дело» [7].

В июне 1940 года в поселения казаков-некрасовцев станицы Ново-Некрасовская и Ново-Покровская Приморско-Ахтарского района Краснодарского края отправилась фольклорно-диалектологическая экспедиция Ростовского педагогического института. Экспедиция состояла из четырнадцати человек, в основном, диалектологов и текстологов. А.М.Листопадов, единственный фольклорист-музыкант, пробыл в этой экспедиции всего несколько дней и записал 38 песен: 22 бытовые, 3 исторические, 11 военного быта и строевые, 1 былинную и 2 свадебные. Он остался недоволен результатами работы экспедиции, отметив ее «недостаточную организованность», а также недостаточность «знания, умения и любви к делу» участников и призывая к необходимости не «налетов» на некрасовские хутора, а «серьезное со знанием дела обследование, с упором не на количество, а на качество [8, с. 26-32]. «Я имею основание, – писал А.М. Листопадов, – говорить так, потому что имел в руках плоды подобного рода поверхностных налетов, преследующих не интересы своеобразной группы народа, требующей к себе исключительно бережного внимания, а какие-нибудь интересы иного порядка» [8, с. 32]. Возможно, и здесь пересеклись пути А.М. Листопадова и Ф.В. Тумилевича, который в это время работал в Ростовском педагогическом институте [9].

А.М. Листопадов записывал песни некрасовцев как многоголосные и пришел к выводу: песня на Дону в начале XVII века, до ухода некрасовцев, была многоголосной. Выводы А.М. Листопадова относительно многоголосия донской песни Ф.В. Тумилевича опроверг.

Федор Викторович Тумилевич (Шишканов) [10, с. 222-232] – ученый-фольклорист, более 40 лет жизни посвятивший собиранию и изучению образцов народного творчества донского казачества и казаков-некрасовцев. «Дон славится песней. Ее записывали, публиковали еще в XVIII веке... Наиболее богатый и ценный вклад внес известный собиратель донского песенного фольклора наш земляк композитор А.М. Листопадов, – сказал в 1970 году в интервью корреспонденту газеты «Молот» Ф.В. Тумилевич. – Но вплоть до 1940-х годов фольклористы не интересовались прозаическим фольклором донских казаков: сказками, преданиями, легендами.

Прозаический эпос на Дону в бытовой жизни казачества занимал не меньшее место, чем песня...» [11, с. 4]. Ф.В. Тумилевичу принадлежит ряд книг и статей, посвященных устному народному творчеству казаков-некрасовцев. Он первый описал в 1940-е годы памятники письменной культуры казаков-некрасовцев, в частности, историю Войска Игната Некрасова (от исхода с Дона до возвращения в Россию) и Заветы Игната, зафиксировал свидетельство о Книге войсковой, которую вели казаки-некрасовцы, сходной по форме и содержанию с сибирскими летописями XVII века, что указывает на возможность существования летописания на Дону [12, с. 32-69]. «Ценность его (Тумилевича. – *М.Ж.*) работы, – отмечала М.А. Рыблова, – заключается не только в фиксации, но и в научном комментировании собранного материала» [13, с. 7].

Интересный факт, на который стоит обратить внимание: Ф.В. Тумилевич в марте, а А.М. Листопадов в июне 1940 года записали от казаков-некрасовцев былинку «Ой, у молодца голова болит» («Садко на море»), однако А.М. Листопадов записал 45 строк [14, с. 166-167], а Ф.В. Тумилевич – 24 [5, с. 29], без сюжетов о молодой жене князя и «злых татарушков, да злых боярушков».

Ф.В. Тумилевич утверждал, что «ошибочность суждений А.М. Листопадова о некрасовской песне, ее многоголосии, языке, историческом развитии – результат незнания им литературы о казаках-некрасовцах и краткосрочного (4-дневного) пребывания в хуторе Ново-Некрасовском в 1940 году. Свои выводы он не проверил, так как больше у некрасовцев не был. Вследствие этого он не мог установить различие между некрасовцами и дунаками, а потому песни последних включил в некрасовские. И всё же, впервые о музыке песен некрасовцев заговорил он» [4, с. 205].

«Песня некрасовцев одноголосная в отличие от донской, – утверждал Ф.В. Тумилевич, – многоголосие донской песни возникло только после ухода некрасовцев. Предки некрасовцев несли с собой песню и мелодию, какой она была в России и на Дону. Некрасовцы-потомки сохранили текст и мелодию. Она оказалась одноголосной» [15, с. 195-196].

Мнение Ф.В. Тумилевича поддержал Т.И. Сотников, композитор, участник фольклорных экспедиций, составитель книги "Русские народные песни казаков-некрасовцев". Он пришел к следующим выводам: «Некрасовцы сохранили старинные русские

крестьянские и донские песни в таком виде, в каком они пелись на Дону в момент их переселения в Турцию. ...Музыка некрасовских песен ближе к русским песням средней России, чем к донским казачьим песням XIX и начала XX вв. Те особенности, которые отличают музыку донских казачьих песен от музыки русских песен средней России, сложились после ухода некрасовцев с Дона. Некрасовцы не знают многоголосного пения» [16, с. 4]. «Да и сами певцы утверждали, – писал Т.И. Сотников, – что хоровые песни должны петься всеми участниками хора одинаково, «в один голос» [17, с. 257].

Трудности проблемы различения одноголосного и многоголосного характера исполнения песен заключались в том, что даже профессиональные музыканты не всегда могли на слух определить эти различия. Уже в наши дни в Ростовской государственной консерватории им. С.В. Рахманинова было создано «Устройство для определения диссонансов» (авторское свидетельство № 581488) – специальный прибор с использованием узконаправленных микрофонов, позволяющий во время исполнения песни в унисон несколькими исполнителями объективно точно установить и регистрировать степень расхождения по высоте звучания. С помощью этого прибора производилось уточнение отдельных фрагментов музыкального текста некрасовцев, порой весьма спорных. Выяснилось, что некрасовские казаки при хоровом или ансамблевом исполнении поют *ранней формой многоголосия* (преимущественно, вариантной формой гетерофонии), которая была известна на Дону во время ухода некрасовцев [18, с. 3-7].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что полемика между известнейшими донскими фольклористами привела в дальнейшем к более точным, более обоснованным выводам о характере исполнения казачьих песен на Дону.

Тема творческих пересечений А.М. Листопадова и Ф.В. Тумилевича, на наш взгляд, несомненно, и сегодня представляет научный интерес и требует дальнейшего изучения.

Литература

1. Этнографическая энциклопедия Волгоградской области. Волгоград, 2017.

2. *Сень Д.В.* Войско Кубанское Игнатово Кавказское: исторические пути казаков-некрасовцев (1708 г. – конец 1920-х гг.). Краснодар, 2001.
3. *Короленко П.П.* Некрасовские казаки // Известия общества любителей изучения Кубанской области. Вып. 2. Екатеринодар, 1900.
4. *Тумилевич Ф.В.* К вопросу о сохранности и классификации песен казаков-некрасовцев // Народная устная поэзия Дона (Материалы научной конференции по народному творчеству донского казачества 18-23 декабря 1961 г.). Ростов-на-Дону, 1963.
5. *Тумилевич Ф.В.* Песни некрасовцев // Песни казаков-некрасовцев. Запись песен, вступительная статья и сведения о сказителях Ф.В. Тумилевича. Ростов-на-Дону, 1947.
6. *Карибов Г.* Казаки-некрасовцы на Ставрополье. М., 2006.
7. Дневник А.М. Листопадава с июня 1937 г. по январь 1948 г. // Архив Российского национального музея музыки. Ф. 147, д. 149.
8. *Листопадов А.М.* Песни казаков-некрасовцев // Песни донских казаков. Т. IV. М., 1953.
9. *Ссылка на ru.t.ruwiki.ru* Тумилевич, Федор Викторович.
10. *Гревцова Т.Е.* Донской ученый Ф.В. Тумилевич и его фольклорное наследие // Наука о фольклоре в XX веке: традиция и метод. М., 2021.
11. *Писатель-фольклорист* // Молот, 1970, 7 мая. № 105 (14459).
12. *Бендюк О.Б.* Исследователи и ученые о казаках-некрасовцах Ставрополья // Материалы юбилейных мероприятий к 60-летию возвращения казаков-некрасовцев в Россию и межрегиональной научно-практической конференции «Год культурного наследия народов России. Этнографическая работа музеев и роль культурно-образовательной деятельности в формировании национальной идентичности», 13-14 октября 2022 года. Ставрополь, 2022.
13. *Рыблова М.А.* Мужские сообщества донских казаков как социокультурный феномен в XVI – первой трети XIX в. // Автореф. дисс. на соискание ученой степени доктора ист. наук. СПб, 2009.
14. *Листопадов А.М.* Песни казаков-некрасовцев // Песни донских казаков. Т. I. Ч. 1. М., 1949.
15. *Тумилевич Ф.В.* К вопросу о поэтике песен казаков-некрасовцев // Ученые записки историко-филологического факультета РГУ. Т. 64. Вып. 5. Ростов-на-Дону, 1957.
16. Русские народные песни казаков-некрасовцев. Записаны Т.И. Сотниковым. М., 1950.
17. *Сотников Т.И.* Музыка песен казаков-некрасовцев // Народная устная поэзия Дона (Материалы научной конференции по народному творчеству донского казачества 18-23 декабря 1961 г.). Ростов-на-Дону, 1963.

18. *Аракельян А.* Есть ли у некрасовских казаков многоголосие? (Опыт исследования техническими средствами) // Южно-российский музыкальный альманах. 2011. № 2 (9).

19. *Мореева А.* Всесоюзный конкурс собирателей фольклора: [о при-суждении Ф.В. Тумилевичу первой премии и звания народного лауреата] // Советская этнография. 1947. № 1. С. 201.

20. *Соколова В.К.* Русские исторические песни XVI–XVIII вв. М., 1960. С. 160, 184, 208, 236, 240-241, 315-316.

21. *Ковешников П.* Из уст казаков-некрасовцев // Литературная Россия. 1963. 5 декабря; *Юдин Л.* Заветная песня // Вечерний Ростов, 1980. 17 июля.

22. *Рудиченко Т.С.* Проблемы отечественной науки в фольклористическом наследии Ф.В. Тумилевича: [к 100-летию со дня рождения] // Отечественная этномузыкалогия: история науки, методы исследования, перспективы развития: Материалы Международной научной конференции. 30 сентября – 3 октября 2010 г. / Санкт-Петербургская государственная консерватория им. Н.А. Римского-Корсакова. Т. 1. СПб, 2011. С. 99-108.

23. *Архипенко Н.А.* Федор Викторович Тумилевич. Устный биографический нарратив об ученом-фольклористе // Казаки-некрасовцы: язык, история, культура: сборник научных статей. Ростов-на-Дону, 2012. С. 216-225.

24. Писатели Дона: библиографический указатель. Изд. 2-е, испр. и доп. Ростов-на-Дону, 1986.

25. *Журавлева М.Е.* «Мой труд – труд собирателя» (Творческое наследие и вклад в культуру многонационального Донского края выдающегося фольклориста, музыканта, ученого А.М. Листопадова) // Многонациональный Донской край в литературном наследии М.С. Шагинян и ее современников: Материалы VIII Шагиняновских чтений. 11 мая 2021 г. Ростов-на-Дону – Чалтырь, 2021. С. 139-145.

26. Памяти А.М. Листопадова: сб. научных статей, посвященных 120-летию со дня рождения А.М. Листопадова / ред.-сост. Т.С. Рудиченко. Ростов-на-Дону, 1997.

27. *Никулин М.* Фольклорист-музыкант, художник А.М. Листопадов // Люди земли Донской: Очерки. Ростов-на-Дону, 1983. С. 303-306.

**«ПУСТЬ НЕБО БУДЕТ ЯСНЫМ». ДРУЖБА ПИСАТЕЛЕЙ
Т. РЫБАСА И Г.Ф. ШОЛОХОВА-СИНЯВСКОГО
В ПИСЬМАХ (по материалам семейного архива
Г.Ф. Шолохова-Синявского)**

Горестно слышать о нарастающей русофобии на Украине. Уже запрещены все писатели, которые жили и работали в СССР. Чем же не угодили украинскому обществу люди, сохранившие культуру Украины, являясь летописцами эпохи? Они писали на украинском и русском языках, тем самым передали потомкам лучшие произведения украинских и русских мыслителей. Сохраняли лучшие традиции украинского общества, боролись за мир и дружбу между народами, прославляли людей труда. Они горячо любили Украину, а ее сегодняшние правители их отвергают.

В семейном архиве моего деда русского и советского писателя Г.Ф. Шолохова-Синявского (1901–1967) сохранились документы, фотографии и обширная переписка с украинскими писателями и деятелями культуры УССР. Многие из них были фронтовиками. Один из них – пролетарский писатель, классик русской литературы, который родился в Полтаве, а жил в России А.П. Бибик – борец за свободу и равенство народов. Другой – украинский поэт Борис Скульский. На военной фотографии 1942 года фронтовые корреспонденты Б. Скульский и Г. Шолохов-Синявский сидят в окопе и наблюдают за полетом фашистского разведчика «Ю-88». Про бесстрашного украинца даже сочинили частушку:

Налетает «мессершмитт»,
Он стреляет и шумит,
Только Скульский-сибарит
Преспokoйно ест и спит.

На всю жизнь запомнились семейные придания о теплых приемах украинскими писателями, когда наша семья приезжала в Киев или рассказы бабушки о том, как вместе служили с украинками-медсестрами в военных госпиталях в Великую Отечественную войну, как спасали в тяжелые минуты мелодичные украинские

песни. Или о приеме в Кремлевском дворце съездов по поводу II съезда писателей СССР в 1954 году, о том, как Павло Тычина на весь зал подшучивал на украинском языке. Как в СССР, и в сегодняшней России, никто не запрещал, да и сейчас не запрещает людям разговаривать на родном языке. Тому свидетельство – многонациональный говор, который я ежедневно слышу в родном Ростове-на-Дону.

В семейном архиве сохранилась переписка моего дедушки Георгия Филипповича Шолохова-Синявского с писателем из Луганска Тарасом Михайловичем Рыбасом (1919–1977), а также переписка их жен – Елизаветы Алексеевны Шолоховой и Ирины Петровны Рыбас. Неоценима роль писем в изучении жизни писателей. Из них можно узнать то, что не прочтешь в официальных источниках, раскрывается душа человека, идет разговор от первого лица.

Дружба двух писателей зародилась в Крыму, в курортном городе Коктебеле в 1960 году, когда они отдыхали в Доме творчества. Перебираю коктебельские фотографии, – какие счастливые лица! На одной дедушка с Тарасом любуются морским прибором, а на другой две семьи отправились путешествовать по горам в Судак и даже видели, как идет съемка фильма «Алые паруса», о чем свидетельствует подпись: «Коктебель. На съемке фильма «Алые паруса» 1960 г.». Очевидно, что путешествие было незабываемым. Еще одна находка в семейном архиве – групповая фотография всей семьи Тараса Рыбаса (1961 г.).

Что же объединило молодого журналиста, начинающего писателя Тараса Рыбаса и известного писателя Георгия Шолохова-Синявского с большим литературным багажом за плечами, несмотря на разницу в их возрасте почти в 20 лет? Несомненно, молодость души, желание Тараса познать азы писательского мастерства у старшего собрата по перу, но, главное, на мой взгляд, это чувство патриотизма и любви к малой и большой Родине, понимание, что живут в одной большой дружной стране и делают одно важное дело – пишут для людей. Звуки этой любви берут начало в языке, на котором они говорят, и в песнях их народов.

Впоследствии Тарас Михайлович писал дедушке: *«Хотелось хоть на полчаса заглянуть к Вам. Ах, какую я песню недавно слышал. Называется «Цвіте терен». Слышал раньше в плохом*

исполнении, а теперь вот в исполнении Полесского хора «Леных». Песня о девичьей любви. Заканчивается словами: «...весь поїхав мій миленький інішої шукати...». Любовь-то какая! Поехал «інішої шукати», но всё равно остается для нее «миленьким». А мелодия какая! Если заеду к Вам, хотите, не хотите, всё равно спою. А, может быть, для Вас и для себя повторно. Ваш Т. Рыбас. 8.VIII.61».

Тарас Рыбас первым на Луганщине начал хлопоты по созданию мемориального музея писателю и составителю знаменитого «Толкового словаря живого великорусского языка» В.И. Далю. Это благодаря Тарасу Михайловичу Союз писателей Луганска разместился в полуразрушенном домике (поэтому он сохранился), где по преданиям родился писатель, был открыт музей и поставлен памятник – казаку Луганскому – с таким псевдонимом вступал в литературный мир В.И. Даль.

Оба писателя стояли у истоков создания писательских организаций – Г. Шолохов-Синявский в Ростове-на-Дону, а Т. Рыбас первым возглавил Луганское областное отделение Союза писателей СССР (1965–1977), его современники вспоминают это время как золотой период луганской литературы.

Дедушка рассказывал, что герои его произведений не вымышлены. Когда он писал о рыбаках Приазовья в «Суровой путине», что во время прогулок по побережью Черного моря в Коктебеле он встречал их ежедневно, о ростовчанах и тех, кого повидал на войне в романе-трилогии «Волгины». Рассказывал, как с фронта, в 1942 году писал жене: «...Милая, преданная моя женушка. Не грусти. Помни, что есть люди (я вижу их здесь каждый день), которые живут, зарывшись в землю. Они потеряли всё – фашизм превратил их села в пустыню. И они, эти люди, живут – встречают нас теплой улыбкой, смехом и готовы поделиться последними крохами. У этих людей надо учиться мужеству, величию их души... И пусть ребята мои не боятся траты своих молодых сил ради служения Родине. Только в этом настоящий смысл жизни. 02.06.1942». Поэтому произведения получаются правдивы и не оставляют равнодушными читателей. Допускаю, что Тарас прислушивался к словам мастера и главными героями его произведений были простые люди, шахтеры Донбасса.

Писатели делились своими планами, посылали «на первый суд» новые произведения, писали отзывы на художественные произведения. Привожу отрывок из письма Т. Рыбаса: *«Посылаю Вам рассказ о труде. Первый экземпляр получите в рукописи сборника рассказов, давно отправленной в Киевский Гослитиздат. Именно и торчит как, наверное, торчит и вся рукопись. Роман, о котором я Вам говорил, пришлось переписать еще раз. Думал, пришло Вам повестишек или напечатанную, коктейльскую. Но что-то отодвигают вторично в Сталинском альманахе «Донбасс». Вот и нечем похвастаться. Вашего «Отца» (первая часть трилогии «Горький мед» – Т.Ш.) прочел только в 4-ом номере. Пятого у нас еще нет. Прочел с удовольствием. Нравится он мне всем, а напишу Вам подробно, когда прочту окончательно. Хорошие, яркие картины, и не веет от них стариной. Чувства и мысли повесть вызывает вполне современные. Да и повесть ли это? Наверное, просто дума о стенах и людях. Я говорю о думе в старом понимании песен и рассказов, пользующихся в народе большой популярностью. Может быть, потому, что я Вас знаю, мне представлялось, что Вы сидите где-то очень близко и рассказываете обо всем тихо, спокойно, а я не читаю, а слушаю Ваш рассказ и очень волнуюсь. Нравится мне национальный колорит. А о песнях пока говорить рано. Жду пятого номера. Ваш Тарас Рыбас. I.VI.61».*

В другом письме Тарас Михайлович рассказывал о затеянном переезде из малогабаритной квартиры. Семья писателя разрослась, подрастали двое ребятишек: *«...Живу на втором этаже, и даже комнатка у меня есть для работы. А сплю на балконе. Хорошо! Просыпаюсь по-крестьянски – в четыре, не позднее пяти. Однако теца категорически запретила таскать сено. «I так, каже, прибираю, прибираю, аж поперек тріщит, а ви же з своїм сіном». Теперь же я слушаюсь. Упаси господь и избави от лукавого, но, когда Вы приедете ко мне в гости, я обязательно притащу сена не похуже Вашего таврического, и оборудую всё, как во владениях Адабашева. «Отца» Вашего дочитал до конца с огромным удовольствием. Свежо и современно. Именно современно, потому что в нем столько волнующего и чистого, что хватит для внимания самых заскорузлых книжочеев. Вот ведь как открывался мир. А люди какие! Какие люди! Какие образы! В наше время редко встретишься с таким образным богатством, как в Вашем «От-*

це». *Всё больше бзуют в лоб, чтоб, гляди, не осталось никаких возможностей для волнений и раздумий. И все простроганные рубаночком, стекляшкой отшлифованные и подмазанные глиной. Большое, пребольшое Вам спасибо за «Отца». Приятен мне был и национальный колорит, особенно – песни. Ведь так, как было. Издаёте ли Вы повесть отдельной книгой? Буду ждать. Наш книго-торг постоянно и охотно заказывает книги Ростовского издательства. Кланяйтесь Елизавете Алексеевне. Жму крепко Вашу руку. Ваш Т. Рыбас. 8.VIII.61».*

Как любого творца, бывало, терзали Тараса Михайловича сомнения: *«Ирина, конечно, смелее: вот взяла и отправила рассказик. А я всё не решаюсь. Всё робость какая-то, всё неуверенность и опасения задать Вам читательскую работу. Тем более, всё написанное в этом году кажется скверным и незаслуживающим внимания. Мысли будто бродят и ничего себе, а художественное воплощение неможное. 1961 г.»*. В письмо вложен рассказ «Кленовый листок», на мой взгляд, очень трогательный о взаимоотношениях двух молодых людей – простого донбасского парня и девушки-студентки. О том, как они не могли распознать и справиться с посетившим их чувством первой любви.

В семейной библиотеке есть книга Т.М. Рыбаса «Небо будет ясным» с дарственной надписью: *«Г.Ф. Шолохову-Синявскому с уважением огромным. Т. Рыбас. 22 03.63»*. Это сборник рассказов и повестей о донбассовцах, сражавшихся с фашистами в годы Великой Отечественной войны, о девушках и юношах, о рабочей молодежи, о ее патриотизме, любви и дружбе.

В 1960-е годы, в период «холодной войны», противостояния двух сверхдержав СССР и США Тарас Михайлович написал повесть «Небо будет ясным». Повесть не теряет актуальности. Главный герой – американским летчик Ричардс сходит с ума от непонимания, как могло случиться, что он сражался вместе с советскими летчиками против фашизма во время войны 1941-1945 г., спустя 20 лет служит на ракетной базе, созданной для удара по территории Советского Союза. Сегодня вместе с Ричардсом недоумеваем и мы, как быстро забыты уроки истории, почему обращено оружие на страну, освободившую мир от фашизма.

Самым известным произведением Тараса Рыбаса стал роман «Красный снег». Он посвящен теме, которая поныне злободневна

для Донбасса, – самоорганизации населения во время Гражданской войны. Роман не принимали к печати в Киеве. Почему? Поясняли, что в нем-де просматривается «налет украинского национализма и анархизма, идеализации царского офицерства, приукрашивание фигуры генерала Деникина, не говоря уже о Махно». Приведу фрагмент из романа:

В разговоре горнопромышленника Дитриха с украинским «самостийником» Косицким в ответ на приглашение посетить Донбасс Косицкий заявляет: «Только я приеду не гостем, а строгим контролером моей республики». Что же он собирался контролировать? Нет, не организацию производства, а «любовь к нам», т.е. к «самостийникам». Звучит просто-таки злободневно. Уже тогда встречались такие рьяные и самоуверенные сторонники «незалежной», и писатель их увидел и показал. Но ведь это – правда. «В Москве, кстати, роман издали раньше, чем в Киеве, хотя и с купюрами. Особенно огорчило автора изъятие трёх с лишним печатных листов, где воспроизводилась стихия Гражданской войны в Донбассе. Но таким было то время...» (1).

Писатели были всегда с молодежью, писали о молодежи, чувствовали пульс эпохи. Будучи неутомимыми наставниками, давшими путевку в литературу не одному начинающему коллеге, Тарас Михайлович в письме к Георгию Шолохову ходатайствует за молодого писателя: *«Посылаю Вам и рассказ нашего товарища. Надеется он на «Дон» (литературный журнал, в редколлегии которой состоял мой дед – Т.Ш.). Может сбудутся надежды. Был бы рад за него. Т. Рыбас 01.VI.61»*.

Это заслуга Тараса Михайловича, что роман донбасского писателя Владислава Титова «Всем смертям назло» увидел свет и был напечатан в популярном журнале «Юность». Владислав Титов написал роман, держа карандаш в зубах. Роман автобиографичен, как и главный герой книги, писатель потерял руки в шахте, но судьба не сломила его и его героев.

Несмотря на то, что оба писателя росли в простых семьях и были, что называется, *скромными людьми*, но в них была «врожденная интеллигентность». Они были великолепными ораторами, их выступления отличались артистизмом. Писателям повезло с главным выбором их жизни – две любящие женщины, ставшие женами, подругами и сподвижницами мужей до конца их жизненного пути.

Меня тронуло до глубины души, с какой дочернею нежностью Ирина Петровна Рыбас писала моей бабушке Елизавете Алексеевне Шолоховой. Просила женского совета, рассказывала о своих переживаниях, о детворе, беспокойстве за мужа, обращалась с верой в искренность и мудрость старшей подруги. После смерти Георгия Филипповича, в 1967 году, переписка женщин продолжалась. Жаль, что у меня нет ответов Г.Ф. Шолохова-Синявского на письма Т.М. Рыбаса. Надеюсь, что статью прочитают близкие, заинтересованные люди или хранители творчества дорогого нашей семье Тараса Михайловича и откликнутся.

Эти мои мечты сбылись. Жизнь свела меня с Алексеем Тарасовичем Рыбасом, сыном писателя, и Святославом Юрьевичем Рыбасом – племянником писателя, для него Тарас Михайлович был «литературным отцом». Святослав Рыбас стал известным писателем, общественным деятелем, по мотивам его повести снят фильм «Зеркало для героя» (1987).

Интересные факты из жизни Тараса Михайловича поведал Святослав Юрьевич. Один из них назывался «Испытание молчанием»: «Тарас Рыбас пришел в литературу из журналистики, дорогой, которой шли Марк Твен, Джек Лондон, Константин Паустовский, Владимир Гиляровский, Эрнест Хемингуэй... Журналисты становятся писателями не по прихоти, а из-за острой потребности сказать еще несказанное, не запечатленное в емких строках заставляло искать выход. Тишина бессонных ночей, наполненных долгими раздумьями, рано или поздно должна прерываться... Одна из учениц Тараса Рыбаса, поэт Татьяна Дейнегина, вспоминала о своеобразном испытании «молчанием», которому подвергал проходящих к нему молодых и начинающих авторов Тарас Рыбас. Заключалось испытание в том, что Тарас Михайлович просил начинающего автора на определенный срок (неделя и больше) воздержаться от написания художественных строк. Достаточно простое задание можно было считать пройденным, если испытуемый его... проваливал. Да, никакой запрет, даже от авторитетного лица, не может остановить стремления писать. Тишина будет прервана...».

Сложные времена переживает сегодня Донбасс, но с радостью отмечаю, что сегодня у нас одна культура, одна страна – Россия!

Хочу закончить с верою в будущее, с надеждой на мир и дружбу народов России с обновленной Украиной словами простого че-

ловека, читателя, киевлянина М.П. Рака, написанными Г.Ф. Шолохову-Синявскому в 1951 году: *«Мы живем в большой дружной семье народов и никому не удастся разорвать эту дружбу, ни господам Черчиллям, Трумэнам, Эйзенхауэрам и др. новоявленным гитлеровцам. Наша дружба, переписка лишней раз подтверждает то уважение, которое имеет писатель, связанный с народом и, конечно, ценить труд писателя будет не только критик, но в первую очередь читатель. Простой, рядовой ЧЕЛОВЕК. Киев 26/1 51г.»*.

Литература

1. Рыбас С. «Красный снег» и «доброе сердце». К 100-летию советского писателя Тараса Рыбаса // Литературная газета. 13 марта 2019.

А.В. Дмитрова, Т.О. Осипова

МИХАИЛ БУЛГАКОВ И Г. де МОПАСАН

Как известно, в 1936 году М.А. Булгаков поступил на работу в качестве либреттиста и консультанта в Большой театр. По договору он должен был писать по одному либретто в год. И, действительно, им было создано четыре оперных либретто: "Минин и Пожарский", "Петр Великий", "Черное море", "Рашель".

Ю. Бабичева отмечала, что недостаточное внимание исследователей к этой стороне творчества М.А. Булгакова объясняется слабой изученностью вопроса об оперном либретто как литературном произведении [1, с. 92]. При этом всё развитие оперного искусства, начиная со второй половины XX века, было направлено на усиление литературного значения текста либретто: оперная реформа Вагнера, деятельность композиторов Могучей кучки, неудовлетворенных статичностью «номерной» оперы и т.д. В XX веке либретто уже признается жанром пограничным, в основе которого лежат принципы, свойственные для всех видов драматургии [2, с. 182].

Среди либретто М.А. Булгакова, по мнению исследователей, наиболее интересным стало последнее произведение, "Рашель", созданное на основе рассказа Г. де Мопассана "Мадемуазель Фифи". При этом автора не смутило, что в истории русской музыки

уже существовала опера, написанная Цезарем Кюи в 1902–1903 гг. по собственному либретто. Думается, это явилось одной из причин изменения названия произведения. Одной, но далеко не единственной и, на наш взгляд, далеко не главной. К совместной работе с М.А. Булгаковым приступил И. Дунаевский, который позднее отказался от участия в создании оперы. Безусловно, на это имелись причины, прежде всего, политические. Созданное М.А. Булгаковым либретто, посвященное, как и рассказ Г. де Мопассана, франко-прусской войне 1870–1871 гг., носило антигерманский характер, что стало невозможным после подписания советско-германского пакта о ненападении в августе 1939 года. Но были причины и иного порядка, на которые обратил внимание Н. Шафер. Указанное либретто предназначалось для создания речитативно-декламационной оперы, в чем, по мнению исследователей, И. Дунаевский не был силен.

Наряду с рассказом «"Мадемуазель Фифи" М.А. Булгаков привлек рассказы Г. де Мопассана "Заведение госпожи Телье" и "Пышка": в центре образ падшей женщины, которая оказывается нравственно выше представителей аристократии. Причем, текстами великого французского писателя М.А. Булгаков пользовался не в переводе, а в оригинале.

Следует отметить, что М.А. Булгаков значительно усилил патриотическое звучание произведения. Если новелла Г. де Мопассана названа прозвищем прусского офицера, то в либретто на первом плане оказывается его героиня. Пять девиц, вызванных для развлечения немецких офицеров, в рассказе "Не долго ломались", стараясь заглушить муки совести: ведь они находятся среди врагов. Г. де Мопассан явно смеется над таким «патриотизмом». Подобная ирония ощущается и в либретто, в пародийном хоре руанских проституток: «Нас избьют потом французы, изменницами назовут! Охотно мы торгуем телом, но продаем его своим. И мы считаем гнусным делом отдать его врагам! Мы не хотим! Мы не хотим!» [3, с. 112]. Однако, в конечном итоге, девушки вынуждены отправиться в замок не потому, что это их «ремесло», а чтобы не оказаться на улице. Последним толчком здесь является угроза мадам Тевье, придающая сцене социальный оттенок: «Вы захотели на тротуар? В порту матросам продаваться? Молчать!» [3, с. 112].

У Г. де Мопассана подчеркивается национальность главной героини: Рашель – еврейка. М.А. Булгаков же не упоминает ее национальности: Рашель в либретто – символ стойкости Франции. Если французский писатель делает акцент на древнейшей профессии Рашели, чей удел отдаваться за деньги, то М.А. Булгаков выделяет ее чувство национальной гордости: «Не смей над побежденною страню издеваться! Вы нас разбили, но наши братья защищались и за Седан свою кровью заплатили!» [3, с. 118].

Как отмечал Н.Г. Шафер, в новелле Г. де Мопассана звучит некоторая ирония по отношению к французскому патриотизму. Крестьяне были уверены, что они явили собой пример патриотизма, при этом «ни в чем не отказывая пруссакам-победителям» [4, с. 52].

Если у Г. де Мопассана никто в деревне не догадывается, что после убийства маркиза фон Эйрика, прозванного "мадемуазель Фифи", Рашель прячется на церковной колокольне, то у М.А. Булгакова – «есть слух... из уст в уста он переходит... есть слух о том, что вы (аббат Шантавуан – *А.Д.*, *Т.О.*) ее спасли» [3, с. 126]. Деревня оккупирована прусскими войсками, есть убитые, но никто не выдает аббата и Рашель.

Если у Г. де Мопассана Шантавуан, повинувшись врагам, колокольным звоном сопровождает похороны мадемуазель Фифи, то в либретто звуки колокола, ставшего убежищем для Рашели, в унисон со звуками Марсельезы, ознаменуют уход немцев из деревни: «Они уходят! Звоните, Пьер, звоните!» [3, с. 127].

Однако наибольшей трансформации подвергся образ Шантавуана. Согласимся с Н.Г. Шафером в том, что в новелле Г. де Мопассана этот образ практически не раскрыт. У М.А. Булгакова же по-другому: Шантавуан не только мужественный человек, спасающий девушку, но и истинный патриот. Аббат появляется в первой картине первого действия. Он отвечает отказом на требования немцев отдать ключи от колокольни: «Мне прихожане скажут, что без нужды я в церковь вход открыл *врагу (курсив наш – А.Д. и Т.О.)*» [3, с. 105]. А на угрозу расстрела отвечает словами, полными мужества и религиозного смирения: «Но волю прихожан я не нарушу и не пойду я против совести моей. Так делал я всегда, свою спасая душу, и буду поступать так до последних дней. Мне душу жаль, но мне не жаль дряхлеющего тела. Маркиз, я не боюсь расстрела!» [3, с. 106]. В разговоре с Люсьеном, возлюбленным Рашели, аббат, страшась

провокаций, упрекает юношу в предательстве; «Но, сударь мой, стыдитесь, вы молоды <...> А ремесло немецкого шпиона французскому солдату не к лицу» [3, с. 126].

В "Рашели" М.А. Булгаков стремился к психологическому углублению характеров. Так, в образе аббата он заострил конфликт внутренний при внешнем минимальном его выражении. И здесь мы не можем не вспомнить время написания либретто, совпавшее с последним периодом работы писателя над своим «закатным» романом. Б. Соколов в свое время заметил, что в отношениях Рашели и ее возлюбленного Люсьена много общего с любовью героев "Мастера и Маргариты". Однако, на наш взгляд, работа над романом оказала более глубокое влияние на последнее либретто.

Обратимся к сцене в доме Шантавуана, в частности, к диалогу аббата и барона фон Кельвейнгштейна. В поисках Рашели, которая сразу же после убийства мадемуазель Фифи исчезла, барон со взводом солдат обыскивает дом Шантавуана. Аббат, укрывший девушку на колокольне, заявляет: «Сюда никто не прибегал... Я никогда еще не лгал!» [3, с. 123], т.е. явно лжет. Но кульминацией сцены становится момент, когда барон обнаруживает тайник, а священник восклицает: «Клянусь богом всемогущим – пусть он накажет, если лжив ответ! – клянусь богом вездесущим, – ее здесь не было и нет!» [3, с. 123]. Это уже не просто ложь, пусть и ради спасения ближнего, это клятвопреступление, но клятвопреступление вынужденное, совершенное с гуманными целями. Как и в романе "Мастер и Маргарита", в "Рашели" возникает вопрос: что важнее – сухая догма или жизнь, наполненная не только «голым светом», но и тенью от всего живого. Поэтому в финале и убийство маркиза фон Эйрика, и клятвопреступление Шантавуана предстают как богоугодные дела: «Услышат небеса мое моление, простят убийство вам, меня простят за ложь!» [3, с. 128].

Как отмечал Н.Г. Шафер, в "Рашели" «нет и намек на привычную оперную статичность» [3, с. 10]. М.А. Булгаков постоянно психологически мотивирует поступки своих героев, что достаточно редко для классического либретто. В этой связи интересна третья картина третьего действия, в котором происходит основное событие: убийство фон Эйрика. Пять девиц приезжают для развлечения господ офицеров. При этом Рашель ведет себя иначе, чем ее прелестные спутницы, провозглашающие тост «за офицеров». Она сразу

же заявляет, что не выносит сигарного дыма, выпущенного Эйриком ей в лицо. Когда тот заявляет, что все французские женщины теперь становятся рабынями прусских военных, только Рашель находит в себе силы заявить: «Несчастный! Ты лжешь! Никогда, никогда не будут рабынями женщины наши!» [3, с. 119]. Протест Рашели, таким образом, растет пропорционально провокациям Эйрика: сигарный дым, пущенный в лицо, оскорбления в адрес Франции и, наконец, пощечина. Всё это приводит к его убийству: «От женщин французских тебе мой последний привет!» [3, с. 120].

Интересна дальнейшая судьба героини. У Г. де Мопассана она после счастливого спасения возвращается в публичный дом. Для булгаковской Рашели это невозможно не только потому, что ее ждет возлюбленный Люсьен, который, кстати, отсутствует в новелле, но и по другой причине: после всех испытаний это уже не прежняя девица «из заведения», она свободна от прошлого.

Если у Г. де Мопассана есть лишь намек на «приличного человека», восхищенного героическим поступком девушки, вызволившего ее из публичного дома, а затем женившегося на ней, то в либретто Рашель находит свое женское счастье с Люсьном, полюбившим ее еще «девушкой мадам Телье». Таким образом, перед нами настоящая любовь, а не патриотическое восхищение.

"Рашель" по праву считают лучшим либретто, созданным Мастером на склоне жизни, отмечая при этом его речитативный характер. М.А. Булгаков, безусловно, в определенной степени реформировал этот жанр: активизировал действие, усилил психологическую разработку характеров, т.е. максимально приблизил его к литературной драме, в которой, как известно, достиг творческих вершин.

О том, насколько дорога была "Рашель" М.А. Булгакову, свидетельствует тот факт, что ни за одно свое либретто (даже за "Черное море", созданное по мотивам его пьесы "Бег"!) писатель так не боролся. Однако, как и другие произведения, созданные М.А. Булгаковым в этом жанре, "Рашель" так и не стала полноценной оперой. В архиве И. Дунаевского сохранились лишь отдельные номера, свидетельствующие о том, что композитор был так же увлечен работой, как и писатель.

Можно с уверенностью утверждать, что проблему «Михаил Булгаков и музыка», которая весьма интересует исследователей

творчества писателя, невозможно решить без изучения этого пласта творческого наследия великого Мастера.

Литература

1. *Бабичева Ю.* Булгаков-либреттист в процессе становления литературного жанра // *Время и творческая индивидуальность писателя.* Ярославль, 1990.
2. *Краткая литературная энциклопедия:* в 9 т. Т. 4. М., 1974.
3. *Булгаков М.А.* Оперные либретто. Составление, вступительная статья и комментарии Н.Г. Шафера. Павлодар, 1998.
4. *Мопассан Ги де.* Новеллы. М., 1974.

Л.К. Поповян

ВЫПУСКНИЦА НАХИЧЕВАНСКОЙ ГИМНАЗИИ: ЛЮБОВЬ ФЕДОРОВНА КОПЫЛОВА (1885–1936)

Мой дед трудился над наемной нивой,
И мой отец чужой лелеял сад;
Мой род не знатен, дом мой не богат,
И только муж зовет меня красивой.
В кругу подруг всех проще мой наряд,
Движенья робки, речь неприхотлива...
Но посмотрите, вот неторопливо
Иду в толпе, – как горд мой ясный взгляд.
Да, знаю я: на пыльных перекрестках
Не смеет подойти ко мне никто –
Ни шулер и ни шут в стеклянных блестках...
О, Господи, прости меня за то,
Что чистое ношу я гордо сердце,
Как драгоценный герб свой носит герцог! [1].

Этот сонет из третьего сборника стихов «Благословенная печаль», изданного в Москве в 1918 году, написан поэтессой Л.Ф. Копыловой, чье творчество высоко оценивала М.С. Шагинян в своей статье «Женская поэзия», опубликованной в газете «Приазовский край» от 4 мая 1914 года: «Вторым после Крандиевской я разберу маленький, почти квадратный томик: Стихи Любви Ко-

пыловой, изданные в Москве у Португалова. Л. Копылова – не дебиантка, подобно Крандиевской; настоящий сборник – уже вторая ее книга <...> У Любови Копыловой <...> основным стилем ее внешности является приближение к рококо, постоянные завитки, завертывание, округление, усложнение, сворачивание, что-то очень лукавое, очень изысканное, увертывающееся от прямой линии, бесконечно неутомимое в своих зигзагах. И, несмотря на это «рококо», иногда усложняющее стих до какой-то сознательной опутанности мотка, из коего читателю предоставляется вытаскивать начало и конец нитки, – к Копыловой можно отчасти применить слова Теофила Готье «Я бросаю фразы в воздух, словно кошек, – и уверен, что они встанут на свои лапки»... Ее стихотворные зигзаги, несмотря на их запутанность, всегда падают на ноги, т.е. приобретают законченный смысл» [2].

Напомню, что статья была посвящена разбору поэтических сборников четырех молодых женщин: Натальи Крандиевской, Любови Копыловой, Марины Цветаевой и Анны Ахматовой. Прекрасная компания, не правда ли? И если три имени известны и сегодня большинству читателей, то имя Любови Федоровны Копыловой оказалось забыто на многие годы и начало упоминаться только в последние несколько лет. Хотя в статье М.С. Шагинян больше всех похвал досталось именно на ее долю и жаль, что столь незаурядная личность была забыта.

Сохранилось несколько писем, адресованных ей М.С. Шагинян, как раз периода 1915–1916 гг. И не только с Мариэттой Сергеевной переписывалась наша землячка, а еще со многими литераторами, даже с А.М. Горьким, который обращался к ней «Веселая товарищ Любовь Копылова!».

Приведу сведения по автобиографической справке писательницы, хранящейся в том же Российском государственном архиве литературы и искусства: родилась 5 сентября (25 августа старого стиля) 1885 года в Ростове-на-Дону, в семье служащего завода Пастухова. «...Прежде, чем добиться указанного положения, отец прошел тяжелую школу, обычную для безродного сироты, каким он был... Моя мать отличалась большими способностями. Она даже попала в гимназию, где проучилась три года.

Я получила среднее образование в Нахичеванской-на-Дону гимназии» [3].

Подтверждение этому мы находим в Государственном архиве Ростовской области. Фонд 254 «Нахичеванская-на-Дону «Екатерининская» женская гимназия» хранит несколько документов, в которых упоминается имя нашей героини. Документы эти удивили не посвященного человека вот такими фактами. В частности, в «Экзаменационной книге» 1898–1999 учебного года» есть сведения о 4 классе, в котором училась наша Любовь Копылова [4]. Итак, в 4 классе 32 барышни, и по фамилиям только 8 из них армянки, остальные русские, еврейки, грузинки и девушки других национальностей. Документ свидетельствует о весьма высоких отметках Л. Копыловой, а также и то, что она переведена в следующий класс без экзамена с наградой 2 степени. Аналогичные документы есть и за 5 класс, и за 6, и за 7.

В конце каждого журнала подписи преподавателей и тут много знакомых нам имен: Первая подпись – директора гимназии Александра Михайловича Ширяева (директор Ростовского реального училища), далее – начальница гимназии Мария Ильинична Сафонова. Следующая подпись – законоучителя протоиерея Иоанна Домовского, он преподавал «Закон Божий» для учениц православного вероисповедания, т.е. и Любовь Копылова училась у него и училась на «отлично». Далее росписи преподавателей: русского языка – Даниила Максимовича Понятовского, физики и естественной истории Александра Владимировича Линецкого, математики – Иоакима Мануковича Тикиджи-Хамбурьяна. Имена, которые должны быть сохранены навсегда.

В Российском государственном архиве литературы и искусства, фонд 1084 «Копылова Любовь Федоровна (1885–1936), писательница» хранится «Аттестат Л.Ф. Копыловой об окончании 7-ми классов Нахичеванской-на-Дону Екатерининской женской гимназии» [5], датированный 6 июня 1902 года и дающий нам представление о годах ее учебы в гимназии. И по нему мы можем восстановить даты обучения – с 1895 г. по 1902 г. Или по 1903 г., учитывая следующий документ – это «Свидетельство Л.Ф. Копыловой об окончании 8-го дополнительного класса Нахичеванской-на-Дону Екатерининской женской гимназии: Подательница сего, дочь ярославского мещанина Любовь Федоровна Копылова, удостоенная в 1902 году аттестата об окончании полного курса учения в Нахичеванской-на-Дону женской гимназии, поступила в 1902 году в число

учениц VIII дополнительного класса при Нахичеванской-на-Дону женской гимназии и находясь в оном в течение 1902/1903 учебного года при отличном поведении оказала в продолжении года и на испытаниях следующие познания: в «Законе Божьем» – отличные, в педагогике и дидактике, а так же по начальному преподаванию русского языка и арифметики – весьма удовлетворительные, и в избранном ею для специального изучения предметов, а именно в русском языке весьма удовлетворительные, при чем она вообще исполнила все теоретические и практические занятия, положенные в VIII классе удовлетворительно. Почему на основании ст. 44 Высочайше утвержденного 24 мая (5 июня) 1870 года 45 «Положения о женских гимназиях и прогимназиях Министерства Народного просвещения» она, Копылова Любовь Федоровна имеет право на получение от г-на Попечителя округа свидетельства на звание домашней учительницы по предмету русского языка и на право начального преподавания русского языка и арифметики. В удостоверении чего и дано ей по определению Педагогического совета сие свидетельство» [6].

Документ этот интересен еще одной припиской, которая позволяет нам отследить всю ее учительскую трудовую биографию: «Означенная в сем Любовь Федоровна Барановская, урожденная Копылова, состояла в должности учительниц с 1 декабря 1904 года по 1 сентября 1905 года Ильинского начального училища Ростовского округа Донской области, с 1 сентября 1905 года по 1 сентября 1906 года Екатериновского 3-го начального училища того же округа и с 1 января 1910 года Ростовского-на-Дону 12 городского женского училища, из которого уволилась согласно прошению с 1 декабря 1914 года. В период времени с 1 сентября 1906 года по 1 января 1910 года г. Барановская состояла учительницей Ростовской-на-Дону церковно-приходской школы при Крестовоздвиженской церкви» [7].

А это означает, что к 1906 году Любовь Федоровна уже замужняя дама и фамилия у нее новая – Барановская. Но стихи она публиковала под фамилией девичьей. Кто же ее избранник? Тут нам поможет "Алфавитный указатель жителей г. Ростова-на-Дону, платящих квартирный налог, домовладельцев и служащих в казенных, общественных, благотворительных и частных учреждениях", опубликованный в издании "Весь Ростов и Нахичевань-на-Дону: 1913

г." (Харьков, 1913): Барановская Любовь Федоровна пер. Покровский, 58 и чуть ниже: Барановский Николай Федорович с тем же адресом [8]. Мизерную информацию о нем можно найти в статье В.В. Борзенко "Псевдонимы донских журналистов и общественных деятелей начала XX века", опубликованной в "Донском Временнике. Год 2008": «БАРАНОВСКИЙ Николай Федорович, ростовский журналист, сотрудник "Приазовского края" и других изданий начала XX в. *Псевд.*: Лаврский. *Ист.*: Краснянский. Т. 1. Л. 149» [9, с. 209].

Не знаю, как остальные, а при виде фамилии Лаврский я сразу вспоминаю книжицу "Черкасск и его старина", изданную в Москве в 1917 году. Из уже упоминавшейся автобиографии нам известно, что Любовь Федоровна тоже сотрудничала с газетой "Приазовский край" с 1906 года. С 1915 года Барановские жили в Москве и на московский адрес приходили почти все письма от М.С. Шагинян. Хотя письмо в привычном смысле – большое, многостраничное, только одно. В основном – открытые письма, связанные с разными публичными выступлениями. Самое первое – ответ на свое письмо – Любовь Федоровна получила еще в Ростове, на уже известный нам адрес. Это почтовая открытка с видами Германии. Мариэтта Сергеевна заканчивала письмо словами: «За стихи спасибо. Очень понравились. Своих пока нет. Я пишу мало и редко. Всего Вам хорошего» [10]. В каждом письме – поддержка товарищу по ремеслу. На материале этих писем можно сделать отдельное краткое сообщение, касающееся не только биографии и творчества двух писательниц, но и литературной жизни Москвы и России предреволюционного 1916 года.

Несколько слов о жизни Л.Ф. Копыловой после 1917 года, частично по той же автобиографии. В 1918 году Любовь Федоровна стала членом Всероссийского союза писателей (тогда Московского), состояла в нем до перерегистрации в 1932 г., а позднее – член Союза писателей СССР, членский билет № 553 от 1 июня 1934 года. Если последний поэтический сборник был издан в 1918 году, то после у нее, педагога, издаются инсценировки для детей и проза: "Химеры. Сборник рассказов" (1928 г.), "Первое стихотворение. Повесть" (1930 г.), "Богатый источник. Сборник рассказов" (1934 г.) и "Одеяло из лоскутьев. Роман" (1934 г.).

Само название "Богатый источник" не может не привлечь внимания любого ростовчанина. Правда, сейчас мы говорим "Богатый колодезь", но места вполне узнаваемые: «За базаром начинается Богатый Источник. Богатым Источником называется часть города, прилегающая к бассейну с тем же названием. Богатым Источником называются несколько улиц, кривых и узких, вогнутых, как грудь чахоточного, или выгнутых, как хребет горбуна. Богатым Источником называются несколько улиц, мягких от пыли, как перина, с домиками, вымазанными желтой глиной, с развалившимися заборами и неровными двориками, выпученными; как больные животы. Богатым Источником называются несколько улиц, перерезанных оврагами, склоны которых поросли колючей сорной травой» [11, с. 6]. Какое яркое, сочное, наполненное любовью описание, чем-то напоминающее раннего И. Бабея!

Теперь попробуйте узнать это описание Ростова – Покровский базар:

«Варвара Федоровна идет дальше, мимо парадных подъездов с белыми кнопками звонков, мимо львов, кариатид и колонн. Она переходит бульвар, полный играющих детей. Она переходит базар, где торговки сидят, широко раздвинув колени, и груды овощей лежат кругом, точно исторгнутые из их чрева. Морковь рдеет, как утренняя заря. Серебристые кочаны капусты валяются, как отрубленные головы. И молодой картофель розовеет, как тело новорожденного сквозь грязные пеленки.

Мясники в рыцарских опоясках раздвигают красные занавески над своим товаром, как режиссеры раздвигают занавес в театре, являя зрителям кровавую драму жизни, и молочницы, разбухшие до избытка, разливают пенистую и густую влагу по кувшинам, широкобедренным, как они сами» [11, с. 5-6].

Это не напоминает ли одесский Привоз?

А следующий роман – "Одеяло из лоскутьев" – можно назвать настоящей энциклопедией жизни ростовской рабочей окраины начала XX века. Но чтобы это увидеть, надо долго жить на этой земле, имею в виду Ростов-на-Дону и Нахичевань-на-Дону. Вот цитата из одной главы романа – «Фея с Собачьего хутора»: «Каждую субботу бабушка брала меня к себе в гости. У нее был свой собственный дом на Собачьем хуторе, за оврагом. Дом был такой маленький, что лопухи, растущие под окнами, почти

касались камышовой крыши. Позади дома бабушка разводила огород. В нем стояли высокие стрелки лука и желтые кружевные зонтики укропа. В нем росла мята, листочки которой нужно было потереть между пальцами, чтобы потом пальцы стали пахучими на целый день. В нем цвели цветы такие яркие, каких не было в пустовойтовском саду. Они были так яркие, что захватывало дух при одном взгляде на них. Там были цветы желтые, большие и круглые, как золотые шары. Там были цветы, семена которых походили на ноготки, и цветы с лепестками, похожими на темнокрасный бархат, и еще цветы, которые горели язычками пламени, пробегающими по грядкам и готовыми разгореться в пожар» [12, с. 30]. А мы давно забыли о существовании такого топонима, а он был, что подтверждает план городов Ростова и Нахичевани-на-Дону 1917 года. Это где-то на Ростово-Нахичеванской меже, в северной ее части [13, с. 42].

Итак, девочка из рабочей семьи, жившая на границе Ростова и Нахичевани, успешно училась в Нахичеванской гимназии, стала учительницей. И писала – сначала стихи, потом прозу. А теперь представьте путь, который ежедневно преодолевала эта девочка пешком, в любую погоду, в любое время года. Вот такая вот тяга к знаниям. В первый класс она пошла в 1895 году, десяти лет от роду. Приходила в гимназию в грязной обуви, запачканной одежде, на улице приводила себя в порядок. Только в старших классах на нее стали смотреть, как на равную из-за прекрасных сочинений по литературе. Девочка эта хотела заниматься трудом умственным, интеллектуальным, что для женщин ее сословия в то время было невозможно. Но Любовь Федоровна Копылова достигла своей мечты, казавшейся невозможной в начале пути. Девочка, родившаяся на рабочей окраине Ростова, сделала невероятное – стала учительницей, а потом – писательницей.

Роман "Одеяло из лоскутьев" называют автобиографическим романом и разницу между жизнью главной героини – Ксении Щербаковой – и биографией Л.Ф. Копыловой найти очень трудно. "Одеяло из лоскутьев" – не только заглавие романа, это и сама материя книги, собранной из разных воспоминаний, как из ярких лоскутков. Одна глава называется «Розовое варенье», узнаваемо, не правда ли? И еще одна цитата:

«– Гудок! – вскрикивала бабушка и вскакивала легко, как девочка. – Скорей беги в хату за серниками! – посылала она меня. Бабушка употребляла много таких слов, каких никто, кроме нее не произносил больше. Она говорила: «банить» вместо «мыть» и тесемки называла «паворозочками». Я приносила коробку спичек, которые всегда находила в углу под образами, и, пока бабушка разводила огонь в плите, сложенной прямо посередине двора, торопилась снять с веревки белые рубашки тети Кати, чтобы сажа, которая оседала в воздухе после гудка, не выпачкала их. Потом я собирала разбросанные по двору скамеечки и ставила их вокруг низенького круглого столика, за которым ели летом» [12, с. 32].

Не знаю, всем ли знакомы эти слова, но у донских армян спички до сих пор называют «серники», а низкий круглый столик – «драбез» – можно увидеть в селе в каждом доме. В этой книге быт рабочей окраины Ростова, той самой Ростово-Нахичеванской межи, где сплелись две культуры, два города, в конце концов, ставшие Ростовом-на-Дону.

В 1936 году Любовь Федоровна приехала на родину писать новый роман "Долгий полдень", но болезнь оборвала ее жизнь, она умерла 13 сентября 1936 года.

Почему это имя оказалось забытым? Трудно сказать. Возможно, виновата внезапная смерть. Возможно, отсутствие потомков. Хотя уже после ее смерти в 1941 году вышла в свет книга "Избранное", а в 1958 переиздавалось "Одеяло из лоскутьев". Да и можно ли назвать забытым писателя, чье имя вошло в "Краткую литературную энциклопедию" и авторитетный семитомный биографический словарь "Русские писатели. 1800–1917"?

В 2018 году вспомнили о книге Л.Ф. Копыловой "Одеяло из лоскутьев", которую московское издательство Common place выпустило, как первую книгу в затеянной филологом Марией Нестеренко серии, посвященной забытой женской прозе XIX–XX вв. А рецензию, посвященную этому роману и опубликованную в журнале "Коммерсантъ Weekend" критик Игорь Гулин назвал "Соцреалистический феминизм".

Литература

1. https://vk.com/doc350144279_513894239?hash=gFOpYIIQw6LY1vWykZ0s6POWGCXDZCTi1SPTbVPs91H&dl=zJnmiDfttqFgJPZfIZWEBT1wBxYkkFEWWKqUUCeZswD
2. Приазовский край, 4 мая 1914 г.
3. Российский государственный архив литературы и искусства (далее - РГАЛИ). Ф. 1084. Оп. 1. Ед. хр. 5. Л. 1.
4. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 254. Оп. 2. Д. 2. Л. 40 об.
5. РГАЛИ. Ф. 1084. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 1.
6. Там же
7. Там же. Ед. хр. 2. Л. 2 об.
8. Алфавитный указатель жителей г. Ростова-на-Дону // *Весь Ростов и Нахичевань-на-Дону: 1913 г.* (Харьков, 1913.). Стб. 25 (3 пагин.)
9. *Борзенко В.В.* Псевдонимы донских журналистов и общественных деятелей начала XX века // *Донской временник. Год 2008.* Ростов-на-Дону, 2007.
10. РГАЛИ. Ф. 1084. Оп. 1. Ед. хр. 18. Л. 1.
11. *Копылова Л.Ф.* Богатый источник: повести. [М.,], 1934.
12. *Копылова Л.Ф.* Одеяло из лоскутьев: роман. М., 1958.
13. Ростов-на-Дону. От крепости до столицы Донского края. Ростов-на-Дону, 1999.

А.А. Попова

«ДОРОГА К СЕБЕ...». Об Олеге Эрберге

Эрберг Олег Ефремович (1898–1956) родился в Ростове-на-Дону 28 июля (9 августа) 1898 года. С гимназических лет у юноши было три страсти – поэзия, театр и Восток. Скромному, застенчивому Олегу суждено было жить в эпоху сумасшедших перемен: политических, экономических, культурных.

Мощный расцвет живописи, литературы, театра, музыки в стране начала XX века вызвал у провинциальной молодежи большую тягу к искусству. Общественная активность молодых умов подпитывалась и огромными переменами в политическом укладе жизни. По примеру столичных собратьев талантливые ростовцы собира-

лись в группы, ниспровергали всё, что было до них, печатали декларации и воззвания.

Студент-медик Александр Островский (будущий профессор медицины), студент-юрист Илья Березарк (будущий известный театральный критик) и начинающий поэт Олег Эрберг (будущий известный востоковед) выступали в 1917 году перед ростовской публикой с театрализованным чтением стихов Вл. Маяковского. Их любовь к театру чуть позже переросла в создание в Ростове «Театральной мастерской», которая ставила спектакли по пьесам В. Маяковского, А. Блока, В. Хлебникова. В состав труппы входили Илья Березарк, Сусанна Мар, Александр (Аэций) Ранов, Михаил Геринг, Рюрик Рок, Вениамин Жак, Евгений Шварц (тот самый известный прозаик, драматург, журналист и поэт) [1, с. 12].

Сочетание двух способностей – поэтической и актерской – открывали для молодого поэта двери литературных гостиных. Он принимал участие в поэтических концертах «южных футуристов» и авангардистов. А в 1920 году, когда из Москвы в Ростов-на-Дону перебрались идеологи движения Ничевоков, О. Эрберг примкнул к ним.

В августе 1920 года поэтическая группа СОПО (Союза поэтов) Ничевоки (в нее входили Рюрик Рок, Лазарь Сухаребский, Сусанна Мар и другие) создает в Ростове-на-Дону «Творчбюро Ничевоков». В сентябре состоялся их первый литературный концерт в Кафе поэтов на Большой Садовой.

По воспоминаниям современников, Олег Эрберг *«был самым удивительным человеком из ничевоков»*. *«...Необыкновенно ласковый, предупредительный и внимательный собеседник, любящий животных, он писал неплохие стихи»*, – пишет поэт Александр Ранов в статье "Немного о ничевоках"» [1, с. 15].

В 1921 году в Москве вышел "Первый сборник стихов" СОПО "Собачий ящик". В нем О. Эрберг был указан, как акмеист, с чем был категорически не согласен. И, несмотря на свою «ласковость», грубо отчитал руководителей СОПО: *«Решительно никогда с Петербургской бакалейной лавочкой под фирмой «Акмеисты, сыновья и К°» не имею, и вообще считаю, что Акмеисты – сволочь»*. Очевидно, руководство ВСП (Всероссийский Союз Поэтов) и редколлегия книги тоже перепутали Эрбергов. Ведь акмеистом был Константин Эрберг [1, с. 146].

Со всем своим юношеским энтузиазмом Олег работал в Ничевоках, входил в актив группы «Творчбюро», подписывал все материалы-декларации, которые были изданы в Москве в сборнике "Собачий ящик". С марта по май 1921 года Олега Эрберга можно было наблюдать в составе выступающих на концертах, организованных ничевоками в ростовском и московском Кафе поэтов. Всем слушателям нравились его стихи.

Однако творчество молодого поэта, несмотря на публичное полное отрицание всего, в том числе и поэзии, не имело ничего общего с декларациями ничевоков. Ведь они провозглашали ничего не писать, но, несмотря на это писали и еще как!

«В поэзии ничего нет; только – Ничевоки.
Жизнь идет к осуществлению наших лозунгов:
Ничего не пишите!
Ничего не читайте!
Ничего не говорите!
Ничего не печатайте!..»

Но ведь писали! Читали! Говорили и печатали! Ничевоков за их публичное отрицание всего, в том числе искусства, критиковали поэты и художники других группировок. В июне 1921 года О. Эрберг, не согласившись с мнением членов СОПО по отношению к ничевокам, вышел из ВСП.

Следует заметить, что в Ростове, после установления весной 1920 года Советской власти, работали Губнаробраз и Пролеткульт. Большевикам необходимо было через культурно-просветительную работу вовлекать пролетариат под знамена новой государственной власти. Также необходимо было выработать поэтические формы и эстетические принципы, которые бы стали предтечей соцреализма. Слово, поэзия, литература становятся в Пролеткульте оружием в классовой борьбе. Работал Пролеткульт параллельно с ВСП. С августа 1921 года стали проводиться вечера пролетарской поэзии, которые также собирали много творческой молодежи. В итоге на одном из таких концертов пролетарские писатели полностью «разгромили» СОПО. Многие ростовские поэты в то время перешли из ВСП в пролетарские литературные кружки, которые были созданы при газетах «Трудовой Дон», «Советский Юг», при клубах и на

производствах, а позже сформировали РостРАПП (Ростовское отделение Российской ассоциации пролетарских писателей) [2, с. 125].

Но к тому времени О. Эрберг уже уехал из Ростова. Стихи его не печатались. Анонсированный в книге Р. Рока "Сорок сороков" (1923) коллективный сборник "Ничевока" свет не увидел, и мы не увидели других стихов О. Эрберга, кроме этих:

I

Мы торговали воском и ладаном,
и от неба совсем посинели;
а багдадские персы молились и меняли
деревянную печень и мясо полишенеля.

Священен пот умирающего шиита
в уваженном верблюдами квартале.
И длительна полночь Гарун-аль-Рашида,
когда в предбаннике под Сородой мы щекотали.

И когда мы съели нашпигованного гусем, пол
шенеля Гасана,
пришли из кизекового леса
и принесли нам золотых фазанов
семь грязных юношей из сонного Эфеса.

А когда мы тонули в море,
от арабских акул причал ища,
вспомнили, что не было церковей в Бассоре.
А с неба ухмылялось блаженное лицо царя Алексей Михалыча.

II

В тумане фонари тяжелы и неярки.
Как душу убережь от томной мокроты?..
И вечер звезды выбросил в Гайд-парке
из «Общества презренья бедноты».

Напудренный парик в Вестминстерском аббатстве
на шторах хартий золотых пустынь, —
аббат о кознях лунных мастурбаций
читает внятно мерную латынь.

Расскажут мясники туманной кровью с крыш, как
в воловьих шкурах индугенцию таят.
И над парламентом алжирская мартышка
кривлялась, как ирландский депутат.

И каждый кэб кричит аббату: «Ав-ва»,
и шепчет брань молитвою бичей,
и желтогрязная и мутная канава
качала ватных королевских голубей.

Какой квартал игрушечный мне снился?
Какой удел таинственный мне дан?
И вот аббат звездой перекрестился,
принявши Темзу за Иордан [3, с. 28-29].

Что можно сказать об авторе и его талантах по нескольким строфам? Давайте, попытаемся.

В этих стихах переплелись все три любви Эрберга – сцена, стихи и Восток. Кроме этого, четко видно влияние ориентализма, интереса к Востоку, обусловленное стремлением осмыслить историческую роль России в противостоянии «Восток – Запад».

Читая первое стихотворение, чувствуешь себя сидящим в зрительном зале на постановке какой-то интригующей пьесы. В воображении появляются декорации восточного базара, гомон каравансарая, и, кажется, что сейчас муэдзин с минарета начнет созывать всех на дневной намаз своим гортанным голосом.

Второе стихотворение также картинно выписано, дает почву для фантазий. В нем видны переживания поэта за судьбу восточных государств – английских колоний. Поэт желает свободы непокоренным народам Азии, осуждая британскую монархию и парламент.

Помните, у Михаила Светлова: «...Откуда у хлопца испанская грусть»? То же самое хочется сказать об О. Эрберге: откуда у юноши арабская грусть?

Видимо, идеология ориентализма, получившая распространение в начале XX века, когда публиковались путевые заметки и стихи о восточных путешествиях А. Белого, К.Д. Бальмонта, Н.С. Гумилева, В.К. Арсеньева и рассчитанные на широкого читателя тексты Н.М. Пржевальского и С.Ф. Ольденбурга, а также образ путешест-

венника по Востоку, возбуждали молодой ум О. Эрберга. В его воображении возникали образы загадочных азиатских стран и желание их посетить. И в 1921 году Олег Эрберг поступил во вновь открывшийся в Москве Институт живых восточных языков.

В течение нескольких лет учебы в институте он в совершенстве овладел несколькими арабскими языками. И в 1925 году мечта Олега Ефремовича Эрберга сбылась – он окончил институт и получил работу драгомана в советском посольстве в Афганистане, а затем в Иране. Надо заметить, что драгоман – это не просто переводчик, «толмач». Драгоман должен обладать и дипломатическими качествами. А они у О.Е. Эрберга были природными – мягкость, но в то же время настойчивость, предупредительность и внимательность к собеседнику, но и уверенность в собственных суждениях.

О.Е. Эрберг – один из творцов советского литературного ориентализма. Впечатления, полученные во время жизни в Афганистане, легли в основу его рассказов и новелл, в написании которых он считался признанным мастером. В течение нескольких лет он накапливал материал и эмоции, чтобы в дальнейшем выплеснуть увиденное и пережитое на бумагу. О.Е. Эрберг описывал в своих историях не только красоты загадочного края, но прежде всего – людей. Их достоинство, благородство, духовную силу. Писатель, как никто другой сумел раскрыть эти стороны афганского народа. Маленький, бесправный униженный всеми человек, которому негде спать, нечего есть, не во что одеться, однако не кажется нам «униженным и оскорбленным». О.Е. Эрберг сумел показать читателю гордость, независимость и чувство национального самоуважения афганцев.

«Афганский цикл» создавался почти двадцать лет. Первая новелла – «Обезьяна» опубликована в 1938 году, последняя – «Слониха Ситора» – в 1955 году. В разные годы цикл выходил под разными названиями, каждый раз пополняясь новыми историями. Зоркий и благожелательный наблюдатель своими рассказами звал к преодолению прежних пережитков. С большой теплотой и человечностью нарисовал О.Е. Эрберг образы простых афганцев, порой замкнутых и суровых, но всегда прямодушных [4, с. 3-5].

Его рассказы на первый взгляд лишены восточной экзотики; в них – суровая правда о современном писателю Афганистане, стра-

не, сохранившей черты мрачного средневековья, народ которой жестоко страдает, но сохраняет доброту и человечность.

Олег Ефремович Эрберг работал над каждым рассказом очень тщательно, выверяя каждое слово, каждый образ и характер. Именно поэтому, читая книгу, ловишь себя на мысли, что хочется «смаковать», перечитывать каждый абзац, наслаждаясь слогом. Не перестаешь восхищаться удивительно красивым русским языком, многообразной палитрой вкусов, запахов, характеров, умело переданных словом.

Немецкий писатель Бернхард Келлерман (1879–1951), который также много путешествовал по странам Азии, писал: «...Мое внимание обратили на книгу Олега Эрберга "Афганские рассказы", поскольку я сам путешествовал по тем же районам Азии и мне, конечно, было бы приятно после долгих лет встретиться с теми же краями и людьми. И действительно, живые рассказы Олега Эрберга пробудили во мне бесчисленные воспоминания, и я уже с первых слов почувствовал себя окруженным и околдованным магической атмосферой Азии...» [4, с. 6].

На читателя веет невыносимой жарой, раскаленным горячим ветром пустыни, жалобным подвыванием шакалов, запахом караванов и однотонным позвякиванием колокольчиков на шеях верблюдов и осликов. Рассказы "Собачий генерал", "Последняя казнь", "Ведьма" – это реалистические описания, которые часто выглядят мрачными, проникнутыми жестокостями и ужасами. Но народ – крестьяне, погонщики караванов, пастухи – непритязателен и добросердечен в своей нищенской бедности, как и во всем мире, и обнаруживает природу афганцев в истинно благоприятном свете.

В новеллах много места уделено животным. Недаром современники отмечали любовь О.Е. Эрберга к братьям меньшим. Это умение О.Е. Эрберга писать о животных отметил и Илья Эренбург по поводу сборника рассказов "Путь к Ноубехару": «Собаки и животные в этой книге, – писал И. Эренбург, – потрясающе хорошо и точно помогают пониманию и чувству человека».

"Слониха Ситора" – один из лучших рассказов Олега Эрберга. Это повествование о судьбе старой слонихи и Джан Мамада, представленного ухаживать за ней, ее подруги ослицы, со смертью которой Ситора никак не могла смириться, и Джан-Мамаду не оставалось ничего иного, как снять с умершей ослицы шкуру и носить

ее в котомке за спиной, чтобы Ситора чувствовала присутствие подруги. Джан Мамад, который долгие годы был неразлучен с Ситорой и у которого попросту отняли ее, потерял смысл существования:

«...Негоциант продал слонику в марсельский зоологический сад, и сейчас она находится там. Ей более семидесяти лет. Для слонов это преклонный возраст.

Она разгуливает за оградой из крепких железных брусьев и получает ежедневно различные овощи и свежее сено, которое привозят с Французских Альп. В отруби ей добавляют рыбьего жира.

Посетители зоологического сада бросают ей булки, сахар, апельсины. В благодарность за это угощение слониха всякий раз пятится назад и делает приседание.

Сторож с обрюзгшим лицом сидит перед оградой за лотком и торгует каштанами и леденцами. Дети протягивают слонихе пяти-франковую лиловую бумажку, и она хоботом отдаёт деньги сторожу, который выдает ей за это горсточку каштанов, а за голубую десятифранковую – леденцы.

Сторож, желая иногда потешить детей, пробует обмануть слонику – и подсовывает ей в обмен на голубой десятифранковый билет каштаны, но слониха не берет их, требуя леденцов.

Над оградой установлена дощечка с латинской надписью: "Элефас индикус".

Что же касается дальнейшей судьбы Джан Мамада, то в последний раз его видели афганские пограничники, когда он, возвращаясь на родину, перешел границу, опустился на колени и поцеловал землю.

Потом он пошел по крутой улице пограничной деревушки, медленно передвигая босые ноги в синяках и ссадинах. Через плечо у него была перекинута переметная сума, из которой торчала свернутая ослиная шкура...» [4, с. 56].

Однако в рассказах О.Е. Эрберг изобразил не только разрушенные караван-сарай и нищие глиняные лачуги, но и нечто другое, большее, чем можно было ожидать, – с поразительной силой воплощает он душу Афганистана – с первой до последней страницы, с потрясающей ясностью и правдивостью.

Рассказ "Обезьяна" повествует о маленькой мартышке, которая своим актерским талантом помогала не умереть с голоду своему хозяину-белуджу. Даже смертельно больная после укуса ядовитой

змеи, она из последних сил выполняла команды, развлекая караванщиков и зарабатывая тем самым на пропитание хозяина:

«...Белудж внимательно смотрел на лежавшую обезьянку, и я заметил на его лице растерянность.

Он быстро поднялся. Из развязавшегося кушака посыпались на землю фисташки. Подойдя к обезьяне, он наклонился над ней и, подталкивая ее палкой, крикнул:

– Встань, Шадьянэ! Встань! Я не учил тебя падать!

Обезьянка, съжившись в комочек, сделала попытку встать, цепляясь хвостом за землю. Потом перевернулась на спину, вытянулась и медленно расправила лапки. Из уголков ее полузакрытых глаз выступила мутная влага, напоминавшая две слезинки.

– Это не на колючки напоролась она, – высохшим голосом сказал старик. – Ее ужалила змея...

Представление кончилось. Наш караван тронулся в путь.

Сухая трава рассыпалась под копытами лошадей, и позвякивали медные колокольцы. Медь от жары нагрелась. От этого их звон стал вязким и фальшивым...» [4, с. 224].

Только настоящий поэт мог пережить такую, казалось бы, неприметную сцену и в немногих словах так захватывающе описать ее.

Природа выступает у О.Е. Эрберга одним из героев рассказов, она «подыгрывает» персонажам. Когда всё плохо – нещадно палит солнце или начинается ураган, когда всё спокойно и хорошо – солнце ласковое и идет благодатный дождь. Горы, растения, облака и реки – всё играют свою определенную роль в тексте.

Произведения Олега Эрберга проникнуты подлинной человечностью. Так, в новелле "Повесть о Хамре из племени ачак-заев" повествование идет о юноше Саибе, его матери и собаке – кавказской овчарке по кличке Бахмаль. Пастуха Саиба несправедливо обвинили в пропаже ханской отары, посадили в тюрьму и приговорили к казни. Бахмаль до последнего ждал хозяина. Нужно быть очень точным наблюдателем и тонко чувствовать, чтобы уметь так убедительно описывать повадки животных, их переживания. Однако нет ощущения, что автор очеловечивает зверей и их чувства. Кажется, будто действительно, пес разговаривает с окружающими, пытается добиться справедливости от людей, но тщетно! А самое

трогательно-страшное в этом рассказе то, что повесили Саиба на одной из тех веревок, которые плела его мать и продавала на базаре! Именно ее веревки были самыми качественными и крепкими!

Какое острое литературное чутье надо иметь, чтобы так тонко описать человеческую трагедию! О.Е. Эрбергу это было по силам.

Великолепный русский язык, уважение к людям других национальностей, почтительное отношение к простому человеку отличают произведения Олега Ефимовича Эрберга, ставят его в один ряд с прославленными русскими прозаиками. И очень жаль, что его книги стали библиографической редкостью и недоступны современному читателю.

Литература

1. Ничевоки и окрестности. Собр. текстов и материалов. Т. 1–4. Сост., подготовка текстов и материалов С. Шаргородский. Б.м., 2021.
2. Культурное строительство на Дону (1920-1941 гг.) Сб. документов. Ростов-на-Дону, 1981.
3. СОПО. Первый сборник стихов. М., 1923.
4. Эрберг О. Путь к Наубераху. Рассказы. М., 1957.

Н.А. Василевич

НАХИЧЕВАНСКИЙ-НА-ДОНУ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ КРУЖОК: УЧАСТНИКИ, ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, РОЛЬ В КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ НАХИЧЕВАНИ И РОСТОВА-НА-ДОНУ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.

Начало XX века и особенно первые годы после Первой русской революции в Российской империи ознаменовались повсеместным открытием большого числа разнообразных клубов, кружков, обществ. Безусловно, распространение общественных организаций напрямую было связано с ростом уровня грамотности населения, развитием общественного сознания и гражданственности. Не стал исключением и заштатный город Нахичевань-на-Дону Области войска Донского.

Появление первых творческих кружков в Нахичевани относится к 1906–1907 гг. Среди них можно вспомнить кружок любителей пения и музыки, открывшийся 21 октября (3 ноября н.ст.) 1907 г. в Нахичевани на 17-й линии, № 4 (доходный дом А. Попова) [1]. А за год до этого события, в октябре 1906 г. М.Л. Оганчаньяном, А.А. Арцатбаньяном и И.А. Авдеевым было инициировано открытие Нахичеванского-на-Дону собрания служащих в общественных и частных учреждениях. Устав утвержден 25 октября (7 ноября н.ст.) 1906 г. [2]. В 1907 г. в соседнем Ростове-на-Дону открыто Ростово-Нахичеванское общество изящных искусств, сменившее Ростовское артистическое общество. РНОИИ стало первой творческой площадкой, объединившей деятельность художников обоих городов. Кроме того, на выставках, ежегодно организовывавшихся обществом, демонстрировались и произведения мастеров из Москвы, Санкт-Петербурга и других городов.

Точная дата открытия действий Нахичеванского литературно-художественного кружка в настоящее время неизвестна. Предположительно, он появился в те же годы, что и указанные выше организации. Сведения о деятельности кружка обрывочны, носят эпизодический характер.

С 1912 г. организаторы кружка инициируют проведение публичных лекций совместно с женским клубом, функционировавшим с 1907 года при нахичеванском коммерческом клубе [3]. Местом проведения лекций были помещения коммерческого клуба, расположенного на углу Екатерининской площади и 1-й Софиевской улицы (ныне ул. 1-я Майская). А в помещении самого кружка, в Пушкинской библиотеке проводились так называемые чайные вечера. Вход для членов кружка был бесплатным, для прочих посетителей стоимость входного билета составляла 25 коп. Кружок работал ежедневно с 20 часов 30 минут [4].

В 1913 г. деятельность Нахичеванского литературно-художественного кружка была значительно расширена подготовкой и проведением первой собственной художественной выставки. Она была открыта 10 (22) октября 1913 г. в летнем помещении Нахичеванского коммерческого клуба, располагавшемся на Екатерининской площади, при входе в парк клуба (ныне не сохранилось). На первой нахичеванской художественной выставке были представлены работы И.К. Айвазовского., московских художников

Я. Бровара, М.Х. Аладжалова, новочеркасцев В.Ф. Абашина, А.А. Балабина, нахичеванцев С.М. Агаджанова, Г.А. Арцатпаньяна (А.А. Арцатбаньяна), И.Г. Карибова, Л.А. Аладжалова, ростовских художников А. Волоченкова, А.Г. Черчопова, петербургского художника, профессора Н.Н. Дубовского и других [5].

Для российского провинциального города это было заметное событие, безусловно, не оставшееся без внимания местной прессы. Однако, вопреки ожиданиям, первая нахичеванская художественная выставка была оценена неоднозначно. Так, сотрудник «Приазовского края», искусствовед, публицист Н. Лаврский (Н.Ф. Барановский) писал: «Конечно, первую выставку трудно организовать, да еще и в такой короткий срок, в какой это сделал литературно-художественный кружок. На выставке подавляющее количество работ местных художников (Ростов, Нахичевань и Новочеркасск). Две вещи Айвазовского, три Дубовского и одна Киселева – это случайные вещи, взятые у собственников и не они дают «тон» выставки. Идея создания выставок картин местных и краевых художников должна быть оставлена. Это опасно и вот почему. «Надо же и нам где-нибудь выставлять свои работы» – вот, что часто слышишь от провинциальных художников. Боязнь, что конкуренция столичных художников, в конце концов, фактически сведет на *нет* участие в выставках местных художников, побудила многие провинциальные выставки, в лице их организаторов, не привлекать в большом числе столичных художников...

Многие работы этой выставки уже появлялись на трех весенних выставках общества изящных искусств, а потому на них вряд ли стоит останавливаться. Нам уже не раз приходилось писать о работах Арцатбаньяна, Абашева, Аганджания, Черчопова, Карибова, Добриловского и др. Из новых работ этих художников не обращает внимания ни одна вещь» [6].

Таким образом, по мнению критика, первая выставка Нахичеванского литературно-художественного кружка не произвела положительного впечатления на публику. О том, проводились ли кружком в дальнейшем подобные выставки, в настоящее время неизвестно. Тем не менее, ценность первой художественной выставки Нахичеванского литературно-художественного кружка – в самом факте организации такой выставки впервые в Нахичевани, где подобных мероприятий, вероятней всего, ранее не проводилось, а

также в том, что художники Нахичевани-на-Дону впервые выступали как единое самостоятельное культурное сообщество.

С наступлением Первой мировой войны российское общество сосредоточилось на помощи фронту. С осени 1914 г. Ростов и Нахичевань-на-Дону вошли во Всероссийский союз городов помощи больным и раненым воинам. В 1914–1915 гг. здесь было открыто множество казенных и частных госпиталей и лазаретов. Так, в 1915 году в зимнем помещении нахичеванского коммерческого клуба был открыт лазарет № 18. С конца октября 1914 года Нахичеванский литературно-художественный кружок принял активное участие в изготовлении предметов первой необходимости для действующей армии. Работы проводились в здании нахичеванской Пушкинской библиотеки, где и заседал кружок [7]. Вероятно, что усилия кружковцев были объединены с деятельностью дамского комитета, созданного в начале войны. Участницы дамского кружка по вторникам и пятницам собирались в Пушкинской библиотеке (где изготавливали вещи для армии и литературно-художественный кружок) и работали там с 7 вечера до 12 ночи [8]. Такие организации изготавливали одежду, постельное белье и другие необходимые предметы для воинов на передовой.

В годы Первой мировой войны не была прекращена и просветительская деятельность нахичеванского литературно-художественного кружка. В качестве лекторов приглашали известных общественных деятелей: ректора нахичеванской духовной семинарии Е. Шах-Азиза, о. Бедельянца. Сбор средств направлялся в городской комитет о семьях запасных [9].

В 1915 году в Нахичевань-на-Дону вернулись сестры Мариэтта и Магдалина Шагинян: «Большую часть годов 1914, 1915, 1916, 1917 – за вычетом поездки на полгода в «старую Хейдельберг» да коротких набегов в Москву к Метнерам – мы с Линой провели в Нахичевани-на-Дону у матери, провели оседло, на постоянной работе: моей – лектором в музыкальном училище Авверино и писанием в донских газетах да и московских, пока Октябрь не отрезал нас от центральной России; Линоной – на работе преподавательской» [10, с. 469]. Мариэтта Сергеевна активно включилась в общественную жизнь обоих городов. В 1916 году Мариэтта Шагинян, будучи в Нахичевани, занималась исследованием армянских сказок и вопроса о сравнительной мифологии скандинавского, славянско-

го и армянского сказочных эпосов. Нахичеванский армянский комитет (учрежден Г.Х. Чалхушьяном в помощь беженцам из Западной Армении, пострадавшим в ходе геноцида), был знаком с деятельностью М.С. Шагинян и выступил с идеей о чтении ею доклада на эту тему в Ростове [11]. Вероятно, в это же время Мариэтта Шагинян познакомилась и с Нахичеванским литературно-художественным кружком. В 1917 году ее имя встречается в программе кружка от 23 марта, где она читала отрывки из своего поэтического сборника «Orientalia». Среди участников встречи также были музыканты – нахичеванцы Сариев, Серебряков, Ованесов.

После Октябрьской революции 1917 года и до 1919 года общественная жизнь обоих городов замирает. О дальнейшей деятельности кружка в настоящее время сведений не обнаружено, его история требует дальнейшего всестороннего и глубокого изучения.

Подводя итог, отметим, что появление нахичеванского литературно-художественного кружка было ярким свидетельством развития гражданской инициативы в нахичеванском обществе, особенно на волне Первой русской революции. Кружок воплотил в себе стремления представителей нахичеванской интеллигенции к объединению творческих усилий во имя сохранения самобытного облика Нахичевани-на-Дону, балансирующего на грани соединения с Ростовом.

Литература

1. Южный телеграф, 20 октября 1906 г.
2. Южный телеграф, 22 октября 1907 г.
3. Приазовский край, 30 сентября 1912 г.
4. Приазовский край, 18 декабря 1912 г.
5. Каталог картин 1-й осенней выставки Литературно-художественного кружка в г. Нахичевани-на-Дону, октябрь 1913 г.
6. Приазовский край, 12 октября 1913 г.
7. Южный телеграф, 28 октября 1914 г.
8. Южный телеграф, 1 ноября 1914 г.
9. Южный телеграф, 28 октября 1914 г.
10. *Шагинян М.С.* Человек и Время. История человеческого становления. М., 1982.
11. Приазовский край, 23 декабря 1916 г.

**ВОПРОС ОБ ИМУЩЕСТВЕ АРМЯНСКОЙ
АПОСТОЛЬСКОЙ ЦЕРКВИ НА ДОНУ В КОНЦЕ XIX –
НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ**

В истории города Нахичевани-на-Дону особое место занимала Армянская Апостольская церковь, являвшаяся одной из древнейших христианских церквей. Сформировавшаяся в IV в. с центром в Эчмиадзине, в силу древних традиций она имела определенные особенности в догматике и обрядности. В нормативно-правовых актах Российской империи XIX – начала XX вв. Армянская Апостольская церковь именовалась Армяно-григорианской (АГЦ). Отношение российского правительства к ней не всегда было абсолютно терпимым. В частности, в 1742 г. указом императрицы Елизаветы Петровны армяно-григориане в России были лишены права строительства церквей, а построенные церкви «упразднены» во всех городах, кроме одной каменной церкви в Астрахани [1, с. 559]. Правда, данные ограничения были отменены Екатериной II, разрешившей образование Ново-Нахичеванской армянской колонии на Дону в 1779 году.

Весь существующий комплекс работ по исследуемой теме можно разделить на две группы: первая группа представлена общими работами по истории армян Нижнего Дона, а вторая группа включает в себя труды, непосредственно посвященные истории Армянской апостольской церкви на Дону. Среди общих работ по истории города Нахичевани-на-Дону наибольшее значение имеет вышедшая на русском языке монография В.Б. Бархударяна «История армянской колонии Новая Нахичевань (1779–1917)» [2]. В монографии подробно изложена история переселения армян из Крыма на Дон, хозяйственная деятельность, административное управление колонии в городе и селах, социально-экономическое развитие колонии, участие жителей в революционных движениях России, но в ней довольно слабо освещается конфессиональный вопрос. Этот пробел был в немалой степени восполнен изданием книги "История Армянской Апостольской церкви на Дону (XVIII–XX вв.)" под редакцией С.С. Казарова и В.Г. Вартамяна, которая опирается на значительный пласт неопубликованных ранее документов как мест-

ных, так и центральных российских и ереванских архивов [3]. Значительно расширили горизонты наших знаний по многим аспектам жизни донских армян исследование Д.И. Исмаил-Заде о И.И. Воронцове-Дашкове [4, с. 20-62], который в начале XX в. был наместником на Кавказе и непосредственно занимался вопросами взаимоотношений государства с армяно-григорианской церковью. Целый ряд вопросов по интересующей нас теме затронут в исследованиях В.С. Дякина [5, с. 130-142].

С образованием в 1780 г. Ново-Нахичеванской и Российской армяно-григорианской епархий и освящением в Петербурге армянской церкви во имя святой великомученицы Екатерины на долгое время установились дружественные отношения российского правительства с Эчмиадзинским престолом. Католикос Симеон в 1780 г. благословил специальный чин молебствия «О Российском Императоре и всем царствующем доме», а глава Ново-Нахичеванской епархии архиепископ Иосиф Аргутинский в 1783 г. представил Императрице проект воссоздания Армянского государства – «Набросок договора между двумя нациями – русской и армянской», согласно которому армянский царь должен был назначаться русскими монархами из лиц армяно-григорианского исповедания и помазываться на царство в резиденции католикоса Эчмиадзине [5, с. 132]. Множество льгот и привилегий были даны в то время и армянским переселенцам на Дону.

Однако во второй половине XIX в. отношения российского правительства с армяно-григорианской церковью начинают портиться. В 1881 г. особое совещание по армянским делам под председательством министра внутренних дел графа А. Толстого попыталось запретить существование армянских церковно-приходских школ вне церквей и монастырей и в обязательном порядке потребовало ввести преподавание русского языка, а вместо истории и географии Армении ввести историю и географию России. В ответ на отказ армян все эти школы были закрыты. И хотя через несколько лет благодаря ходатайству нового Католикоса Макария их вновь открыли [5, с. 138], для самодержавного аппарата становилось очевидным наличие угрозы государственным устоям империи со стороны ставшей слишком самостоятельной армяно-григорианской церкви. Особое совещание по армянским делам в 1891 г. констатировало факт отсутствия рычагов воздействия на Католикоса и ре-

комендовало предпринимать впредь репрессии против армянских духовных лиц, «уклоняющихся от исполнения требований правительства или вредных для государственного и общественного порядка» [5, с. 138].

В 1890-е годы начинается подготовка к масштабной секуляризации земель АГЦ. Министерство внутренних дел мотивировало это агентурными сведениями Департамента полиции о том, что часть доходов церкви шла на поддержку армянских националистических организаций в России и Турции. Проект закона от 12 июня 1903 г. «О сосредоточении правления имуществом Армяно-Григорианской Церкви в России в ведении правительственных учреждений и о подлежащих передаче в ведение Министерства Народного Просвещения средств и имущества означенной Церкви, коими обеспечивалось существование армяно-григорианских церковных училищ», был разработан заместителем на Кавказе князем Г.С. Голицыным [6, с. 778]. Данный закон предписывал «всё принадлежащие армяно-григорианским церквям, монастырям, духовным управлениям и духовно-учебным заведениям недвижимое имущество передать в порядке, согласно особо утвержденным правилам, из управления духовенства и духовных установлений сего исповедания в заведование Министерства Земледелия и Государственных имуществ, а принадлежащие означенным учреждениям капиталы – в заведование Министерства Внутренних Дел...» [6, с. 778]. Таким образом, Армянская Церковь лишалась также всех своих земель, принадлежащих ей домов и строений и получаемых с них доходов. Лишалась она и пожертвований, которые в виде капиталов и недвижимого имущества будут в дальнейшем поступать «в пользу означенных учреждений». Министр иностранных дел России С.Д. Сазонов назвал этот закон «проявлением бюрократической нетерпимости» [7, с. 167]. По мнению С.С. Казарова и В.Г. Вартамяна указанный выше закон стал отражением той политики русификации, которую начал проводить заместитель России на Кавказе князь Г.С. Голицын и которой активно пыталась противодействовать Армянская церковь [3, с. 65].

Для решения практических вопросов конфискации имущества АГЦ было образовано Собрание под председательством члена Государственного Совета Э.В. Фриша, в состав которого вошли также К.П. Победоносцев, министр иностранных дел граф

Н.В. Муравьев, министр внутренних дел Д.С. Сипягин, министр финансов С.Ю. Витте и сам Г.С. Голицын. За исключением князя Г.С. Голицына все члены совещания, высказались против изъятия имущества армянских церквей [8, с. 396-397]. Вскоре министром внутренних дел был назначен В.К. Плеве и Г.С. Голицын в его лице получил серьезного союзника. Во время первого же приезда Г.С. Голицына в Петербург этот вопрос был вынесен на заседание Кабинета министров и, хотя и на этот раз все члены Кабинета за исключением В.К. Плеве, Г.С. Голицына и Г.Э. Зенгера, министра образования, – высказались против этого закона, Император утвердил мнение меньшинства [9, с. 35]. Принимая указанный закон, царское правительство не могло не учитывать, что он вызовет сопротивление всех общественно-политических сил армянского общества, начиная от социал-демократов на левом фланге до консервативных сил в лице духовенства на правом.

Богдан Мерзаджанович Кнунянц, известный лидер социал-демократии Закавказья, охарактеризовал закон о конфискации имущества АГЦ 1903 года на страницах социал-демократической газеты «Искра», как «новый разбой» [10]. Часть армяно-григорианского духовенства спровоцировала массовые беспорядки, вовлекая в них тысячи верующих. В Александрополе, Елизаветполе, Эривани, Баку, Тифлисе, Карсе и Шуше в июле – сентябре 1903 г. имели место столкновения с полицией, повлекшие человеческие жертвы [11, с. 206].

Этот закон затрагивал не только закавказских армян. Серьезные удар был нанесен и по самой крупной армянской колонии в России – Нор-Нахичеванской армянской колонии, находящейся в Области Войска Донского, имевшей довольно значительное церковное имущество. Так, в 1902 г. епархиальным начальником архиепископом Нерсесом были составлены описи имущества Нахичевано-Бессарабской Армянской епархии, из которых видно, что епархия в Области Войска Донского имела следующие церкви: в Нахичевани-на-Дону: церковь во имя Св. Григория Просветителя, во имя Успения Пресвятой Богородицы, во имя Вознесения Христова, во имя Св. Николая, во имя Св. Феодора, во имя Св. Георгия, кладбищенская во имя Св. Иоанна Предтечи, – всего семь. Столько же, церквей имелось в армянских селах: во имя Св. Вознесения Христова в с. Чалтырь, во имя св. Сергея и во имя Св. Спасителя – в Крыму, во

имя Успения Пресвятой Богородицы – в Больших Салах, во имя св. Георгия в Малых Салах, во имя Св. Иоанна Предтечи – в Несвитае, а в Катериноване – молитвенный дом во имя Св. Воскресения Христа.

Таким образом, к 1902 г. на территории Области Войска Донского имелось 14 Армянских церквей, не считая монастыря Сурб Хач. Средняя сумма недвижимых имуществ сельских церквей, составляла примерно 1500 руб., капиталов – 4000 руб., расходов – на сумму 2500 руб. [3, с. 67]. О финансовом и имущественном благополучии до принятия закона 12 июня 1903 г. армянских церквей на Дону свидетельствуют и другие сведения. Так, по данным об имуществе Армяно-Григорианских монастырей Нахичевано-Бессарабской епархии, Крестовоздвиженский монастырь имел около 450 десятин выгонной земли, один «нефруктовый сад для гуляния» в 8 десятин и один огород размером 15 десятин. Доходы с недвижимого имущества и капиталов составляли 4031 руб. 12 коп., расходы – 5021 руб. 5 коп. [3, с. 67].

Закон 12 июня 1903 г., направленный против Армянской церкви в Закавказье, так же распространялся и на церковные имущества Нахичевано-Бессарабской епархии, и таким образом в целом затрагивал интересы города Нахичевани-на-Дону. В сентябре 1903 года все заметные деятели города Нахичевани-на-Дону были приглашены в зал заседаний городской Думы, где их ознакомили с текстом закона и с предписанием Министра внутренних дел о его исполнении. Духовным лицам предписывалось добровольно сдать церковное и монастырское движимое и недвижимое имущество [2, с. 400].

Через несколько дней в монастырь Сурб Хач прибыл уполномоченный нахичеванской полиции и потребовал монастырский журнал учета приходов и расходов, договоры с арендаторами, другие документы. Позже, 6 октября того же года, в монастырь для выполнения закона прибыла комиссия из трех человек: заместитель атамана Войска Донского, полицмейстер Ростова и уполномоченный полиции Нахичевани-на-Дону. Они изъяли 450 десятин пахотной земли, земельный участок под огород в 10 десятин, сад площадью 8 десятин и каменоломни. При этом оставили монастырю одну десятину земли, занятую под двор и примыкающие к нему два домика, после чего в Ростов были приглашены арендаторы земель монастыря, где их уведомили, что аренду нужно платить не мона-

стырю, а в государственную казну [2, с. 400]. Реализация этого закона вызвала в монастыре Сурб Хач сопротивление такой силы, что местные власти были вынуждены выслать из армянской колонии учителей духовной семинарии и настоятеля монастыря – Вагана Тер-Григоряна, а также архимандрита Наапета Наапetyа [2, с. 400].

Документы о конфискации имущества шести новонахичеванских церквей, по свидетельству известного историка армянской диаспоры В.Б. Бархударяна, не сохранились [2, с. 401]. Тем не менее, в газете «Приазовский край» мы находим информацию о том, что принадлежащий армяно-григорианской во имя св. Вознесения церкви дом, арендуемый нахичеванским городским управлением под помещение начального училища им. Святополка-Мирского, передается в ведение Министерства земледелия и государственных имуществ. В связи с этим упоминается имя младшего помощника Войскового Атамана по гражданской части С.С. Добрынина, который предложил городской управе направляемые платежи по аренде вносить в ростовское казначейство [12].

23 октября 1903 г. из Эчмиадзина в Нахичевань-на-Дону прибыл глава епархии архиепископ Нерсес. После проведения в жизнь пресловутого закона угроза закрытия и без того недостаточно финансируемых учебных заведений стала вполне реальной. В центре внимания владыки Нерсеса оказалась любимое детище епархии – нахичеванская духовная семинария. 27 октября 1903 г. состоялось заседание попечительского совета духовной семинарии под председательством архиепископа Нерсеса. Ввиду резкого сокращения статей дохода на содержание этого учебного заведения, попечительский совет счел необходимым ходатайствовать перед органами общественного управления города об увеличении субсидий в таком размере, чтобы дать возможность содержать семинарию в текущем году. В связи с денежными затруднениями попечительским советом был оставлен открытым вопрос о замещении вакантной должности помощника ректора [13].

Через некоторое время город стала покидать часть армянского духовенства. Так, ростовский градоначальник в своем донесении атаману Войска Донского сообщал: «Начальник духовного управления и попечительства духовной семинарии Нахичевани Муше Данагезьян во время смуты в феврале 1904 года, которая произош-

ла по причине национализации армянского церковного имущества, был сослан за пределы градоначальства на всё время военного положения. Упомянутый игумен около полутора лет прожил в Москве. По распоряжению администрации от 8 апреля 1905 года вернулся в Нахичевань, где и поныне проживает» [14, лл. 105-106].

Закон от 12 июня 1903 г. нанес ощутимый удар по приходским и епархиальным школам г. Нахичевани-на-Дону. 15 ноября 1903 г. на имя городского головы поступило отношение от попечительского совета Нахичевано-Бессарабской духовной семинарии, который на своем заседании от 16 октября 1903 г. в виду изъятия из своего ведения «некоторых источников содержания семинарии» [15, с. 80-81] просит городского голову доложить на ближайшем заседании городской Думы ходатайство о «временном пособии семинарии в размере недостающих 3125 рублей, впредь до выяснения настоящего положения, дабы от этого, в виду дефицита в бюджете, не пострадало учебное дело семинарии, в которой воспитываются бесплатно свыше 300 детей наиболее беднейшего класса городского населения» [15, с. 80-81].

С лета 1905 г. революционное движение охватывает практически почти всю страну. Обострялись социальные и национальные конфликты, и в Армении самодержавию пришлось иметь дело со всем армянским народом, который дружно поднялся на защиту своей церкви. Необходимы были срочные меры для успокоения Кавказа. Еще весной 1905 г. наместником на Кавказе был назначен один из выдающихся государственных деятелей России конца XIX – начала XX вв. – Илларион Иванович Воронцов-Дашков (1837–1915). Он был не только мудрым политиком, но и человеком, хорошо знавшим Кавказ и его проблемы. Первые его мероприятия как раз и были направлены на устранение тех ошибок, которые были сделаны предшествующей администрацией и не могли не способствовать обострению социальных и национальных противоречий в регионе [4, с. 50]. Именно по представлению И.И. Воронцова-Дашкова был отменен указ о конфискации имущества армяно-григорианской церкви и закрытия армянских школ. Как признавал сам И.И. Воронцов-Дашков этот закон был «государственной ошибкой», которую он с успехом исправил [16, с. 7].

Однако прежде чем приступить к исправлению допущенных ошибок, администрация решила, прежде всего, проанализировать

последствия закона от 12 июня 1903 г. В начале мая 1905 г. во время проезда через Нахичевань-на-Дону Наместника Кавказа И.И. Воронцова-Дашкова на вокзале встречала делегация донских армян и от имени общественности присяжный поверенный Г.Х. Чалхушьян вручил ему адрес. Суть данного приветственного адреса заключался в том, что страна, в которой армянский народ нашел себе пристанище, изменилась и стала для него чужой. И причина этого, по словам Г.Х. Чалхушьяна, заключалась в том, что «оставаясь верноподданными Нашего Государя, мы твердо желаем сохранить свою веру, свой язык и нетронутыми передать их потомству». Г.Х. Чалхушьян заверил И.И. Воронцова-Дашкова о том, что «благомыслящее большинство пойдет с Вами рука об руку куда угодно, если только Вы найдете законным наше желание оставаться армянами, исповедовать свою старую веру, учить свой язык, если Вы только уничтожите исключительные ограничительные новеллы, которые, унижая наше человеческое достоинство, не служат возвеличиванию славы ни нашего Отечества, святой Руси, ни обожаемого Нашего Монарха...» [17].

Дело вскоре, действительно, сдвинулось с мертвой точки. В начале июля 1905 г. в Ростов прибыл надзиратель казенных земель Екатеринославской губернии А. Марковский, который сразу же обратился к нахичеванскому городскому голове с предложением предоставить ему подробные сведения о состоянии арендных земель и имуществ, принадлежащих прежде церквям и монастырям, а также для определения точного размера аренды, взимаемой с названных имуществ. 5 июля 1905 г. состоялась встреча А. Марковского с заступающим место городского головы Нахичевани А.Ф. Хадамовым. В своем докладе А.Ф. Хадамов подробно описал то, что произошло в результате осуществления закона 12 июня 1903 г.: «С тех пор, как принадлежащие армяно-григорианской церквям имущества перешли в ведение Министерства земледелия, арендаторы церковных имуществ, пользуясь бесконтрольным положением, за редким исключением, арендных денег не платят вообще. Учебные же заведения, такие как нахичеванская духовная семинария, женское училище св. Рипсима, ремесленное училище при Успенском храме с переходом доходов от церковных имуществ в ведение правительства, находятся в критическом положении, оставаясь на плаву лишь благодаря помощи городского обще-

ственного управления. А.Ф. Хадамов отмечал, что школы частью закрыты, а частью в ближайшее время должны будут закрыться; имущества остаются, за отсутствием фактического надзора, бездоходными и быстро приходят в разрушение» [18].

2 августа 1905 г. в Нахичевань-на-Дону для проверки сумм, поступающих в казну с бывших армяно-григорианских церковных имуществ, прибыл чиновник Управления государственных имуществ В. Рагозин, который выявил, что арендаторы отказываются от уплаты сборов с аренды. Сами они невозможность уплаты объясняли тем, что арендованные ими помещения пришли в крайнюю ветхость, между тем, как по договору помещения должны были быть отремонтированы и приведены в порядок [19].

1 августа 1905 г. Император Николай II подписал указ, который фактически отменял его же указ от 12 июня 1903 г. «Признав за благо утвердить представление Наместника Нашего», Николай II даровал армяно-григорианскому духовенству способы широкой на пользу народа деятельности, повелевая вместе с тем на указанных ниже основаниях возвратить отобранные от армянских церковных установлений имущества» [20].

Первый параграф предписывал «в отмену Высочайшего повеления 12 июня 1903 года передать в ведение и управление подлежащих установлений армяно-григорианской церкви все недвижимые имущества и капиталы, принадлежащие армяно-григорианским церквам, монастырям, духовным установлениям и духовно-учебным заведениям со всеми, полученными во время казенного управления доходами, за исключением произведенных издержек по содержанию сих имуществ, равно сумм, израсходованных оных на прием в казну. Передача церковных установлений, имуществ и доходов и них произвести по соглашению Наместника Нашего на Кавказе с Министром внутренних дел и Главноуправляющим землеустройством и земледелием» [20].

В марте 1906 года в Нахичевани-на-Дону начались работы по возврату храмам и монастырю конфискованных у них имуществ. По предписанию Министра внутренних дел Нахичеванское городское управление направило Викарному архимандриту о. Муше предложение созвать лиц, которые принимали участие в секвестровании армянских церковных имуществ. Упомянутое Совецание созывалось для решения вопроса о передаче церковных имуществ

обратно Армянской церкви. На собрание был приглашен Управляющий канцелярией ростовского градоначальника А.М. Алешин. Собрание состоялось 16 марта 1906 г. в зале думских заседаний при участии Нахичеванского городского головы К.М. Попова, Викарного архимандрита о. Муше, Настоятеля Крестовоздвиженского монастыря о. Вагана, ктиторов всех нахичеванских церквей. При участии Управляющего канцелярией ростовского градоначальника А.М. Алешина собралась особая комиссия по делу об обратной передаче капиталов и имуществ армянских церквей [3, с. 359].

В итоге можно сделать вывод, что после привилегий, дарованных крымским переселенцам, политика Российского государства не всегда была такой благосклонной. Указ от 12 июня 1903 г. тому яркий показатель, хоть он и был рассчитан больше на закавказское население, но тем не менее существенно ударивший по населению Нахичевани-на-Дону. Ведь в городе было много учебных заведений, находящихся в ведении храмов Армянской Апостольской церкви. Также это наносило серьезный экономический удар по ААЦ, поставив церкви и монастырь в г. Нахичевани практически на грань банкротства. Правительство вовремя одумалось, и при непосредственном участии наместника Кавказа И.И. Воронцова-Дашкова этот указ был отменен. Уже в 1906 г. всё имущество храмов ААЦ в Нахичевани было возвращено.

Литература

1. О нестроении впредь армянских церквей // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое: в 45 т. СПб., 1830. Т. XI. Ст. 8500.
2. *Бархударян В.Б.* История армянской колонии Новая Нахичевань (1779–1917) / под ред. С. Дароян, В. Хачатурян. Пер. с арм. Н. Григорова. Ереван, 1996.
3. *Казаров С.С., Вартамян В.Г.* История Армянской Апостольской церкви на Дону (XVIII–XX вв.). 2-е изд., перераб. и доп. Таганрог, 2008.
4. *Исмаил-заде Д.И.* Илларион Иванович Воронцов-Дашков // Исторические силуэты: Сборник / Отв. ред. С.В. Тютюкин. М., 1991.
5. *Дякин С.В.* Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX в.) // Вопросы истории. 1995. № 9.
6. О сосредоточении управления имуществами Армяно-Григорианской церкви в России, во владении правительственных учреждений и о подлежащих передаче во владение Министерства Народного просвещения

средств и имуществ Церкви, коими обеспечивалось существование армяно-григорианских церковных училищ // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е.: в 33 т. Т. XXIII, 1903, 1905. Ст. 25156.

7. *Сазонов С.Д.* Воспоминания. Париж, 1927.

8. *Витте С.Ю.* Избранные воспоминания: 1849–1911. М., 1991.

9. *Галоян Г.А.* Рабочее движение и национальный вопрос в Закавказье. 1900–1922. Ереван, 1969.

10. *Троцкий Л.Б.* «Децентрализация» // Искра. 1 (14) октября 1903. № 49.

11. *Ольденбург С.С.* Царствование Императора Николая II / Предисловие Ю.К. Мейера. СПб., 1991.

12. К переходу церковных имуществ в казну // Приазовский край. 1903. № 262.

13. Из заседаний городской думы // Приазовский край. 1903. № 265.

14. Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 821 (Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД). Оп. 7. Д. 345.

15. Ведомости Нахичеванской-на-Дону Городской Думы. 1903. № 4.

16. Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем генерал-адъютанта графа Воронцова-Дашкова // Соч. графа Воронцова-Дашкова. СПб., 1907. С. 122–164.

17. Нахичевань // Приазовский край. 1905. № 109.

18. К положению армян в России // Приазовский край. 1905. № 161.

19. Нахичевань // Приазовский край. 1905. № 184.

20. Нахичевань // Приазовский край. 1905. № 195.

А.Д. Эббот

ПУТЬ МАРИЭТТЫ ШАГИНЯН – ПУТЬ НАШЕЙ СТРАНЫ

Знакомство как с творчеством Мариэтты Шагинян, так с ее жизнью у меня началось со слов писательницы, которые, несомненно, знают все исследователи ее наследия. Эти слова меня удивили, поразили, заставили познакомиться с этой ни на кого не похожей личностью.

Что же удивило? 1946 год... В журналах «Звезда» и «Ленинград» опубликована статья члена Политбюро ЦК КПСС Андрея Александровича Жданова, в которой он «расправляется» с некоторыми отечественными писателями. По словам свидетелей, присутствовавших на пленуме Союза писателей, где после опубликования

статьи советского идеолога, уничтожали Михаила Зощенко и Анну Ахматову, встала глуховатая немолодая женщина и произнесла следующую фразу: «Вот вы все здесь сдохнете, и о вас сразу забудут, а их будут помнить всегда. А теперь я отключаю свой слуховой аппарат, и можете мне возражать». Смело! Дерзко! Искренне! Честно! Такие слова могла произнести только незаурядная натура, только особенный человек [1], и этим человеком была Мариэтта Сергеевна Шагинян.

Она сочетала в себе несочетаемое: романист и шерстовец, поэтесса и пряха, которая сама себя иронически называла то «благоуханным цветком», то некрасивой глухой женщиной. Не только сама писательница оценивала себя по-разному; критики, современники, читатели, также по-разному оценивали ее писательский вклад в историю литературы и страны. Познакомившись с ее жизнью, прочитав лишь некоторые произведения, можно сказать, что судьба М.С. Шагинян – история, отраженная в книгах, она отражает и историю страны. Ее путь – это путь нашей страны.

Родилась Мариэтта Шагинян 2 апреля 1888 г. в Москве в семье армянских интеллигентов. Родители дали ей отличное домашнее образование, а потом было обучение в московской частной гимназии Л. Ф. Ржевкой, на Высших женских курсах, в Гейдельбергском университете. Молодость М.С. Шагинян пришлась на годы расцвета Серебряного века; а она, талантливая, эрудированная, влюбленная в искусство, бредящая поэзией, буквально рождена была для этого времени. Такие увлеченные натуры всегда ищут себе кумиров, и они нашлись: это известная в Петербурге поэтическая пара – Дмитрий Мережковский и Зинаида Гиппиус, супруги-символисты. Их поэтическое творчество поглотило ее – так, что М.С. Шагинян даже уехала в Петербург, чтобы быть рядом со своими кумирами. Символисты, преклонявшиеся перед Вл. Соловьевым, заворожили М.С. Шагинян своей философией, и она страстно принялась за ее изучение [2].

В то время в поэтических кругах М.С. Шагинян была даже известнее М.И. Цветаевой, а строки из ее поэтического сборника сборника «Orientalia» М.С. Шагинян *«Девы нет меня благоуханней»* знали все любители поэзии:

Кто б ты ни был – заходи, прохожий.
Смутен вечер, сладок запах нарда...
Для тебя давно покрыто ложе
Золотистой шкурой леопарда...

В каждой строке чувствуются восточные мотивы. Ее цитировали, кто-то восхищался, другие посмеивались, а она не стояла на месте: менялось время – М.С. Шагинян тоже становилась иной. В то время она поняла, что нужно верить в будущее, разумеется, светлое, и увлеклась фантастикой. Работала увлеченно, стала и прозаиком, и искусствоведем, и журналистом, и историографом.

Признание Мариэттой Сергеевной Шагинян Октябрьской революции, поддержка ею Советской власти – шаг, обусловленный ее жизненным опытом, принятый сердцем. Она поверила в идеи В.И. Ленина, восторгалась его мыслями, особенно той, где вождь призывал «учиться, учиться и еще раз учиться». Она всегда находилась там, где была страна. Искренне восхищаясь ленинскими идеями, громила их противников. М.С. Шагинян восхищало во В.И. Ленине «его постоянное общение с рабочим классом, привычка, в первую очередь, думать о простом труженике, о его психологии, его отношении к людям, о его нуждах – и для выработки собственного суждения становиться на позицию «рядовых товарищей». Она писала, что В.И. Ленин до последних дней жизни сохранил эту способность никогда не «держаться на расстоянии» от народа, всегда чувствовать себя среди него». Долго работала М.С. Шагинян над произведением «Четыре урока у Ленина». При этом Мариэтта Сергеевна Шагинян не поэтизировала образ вождя, а философски осмысливала его деятельность, оставленное политическое наследие. Без сомнения, основной ее труд – «Лениниана»: «Семья Ульяновых. Тетралогия. Очерки и статьи». Она буквально погрузилась в жизнь Владимира Ульянова, была хорошо знакома с его родными, общалась с женой – Надеждой Константиновной Крупской, стала негласным библиографом создателя Советского государства.

В 1937 г. в романе «Билет по истории» Мариэтта Сергеевна рассказала о родословной Владимира Ильича Ульянова: она установила, что у него калмыцкие корни, а дед был крещеным евреем. Роман получил положительные отзывы, но вскоре на Политбюро

ЦК решено было книгу изъять, так как она «могла подорвать репутацию Советской власти и самого Ленина». Прямая, стремящаяся во всем докопаться до истины, писательница считала, что истина важнее политической лояльности. А сегодня, наверное, можно сказать, что за годы Советской власти В.И. Ленина сделали настолько богоподобным, далеким от действительности, что, пожалуй, книги М.С. Шагинян о В.И. Ленине, могут стать откровением для тех, кто желает узнать больше о Ленине как человеке, ибо в них есть правда, реальный, а не мифический Владимир Ульянов [2].

М.С. Шагинян была отважным человеком, обладала непростым характером, но имела одну великолепную черту: если за что-то бралась, то и не отступала. Например, работая над очерками об Армении, спустилась в рудник, затем, стала первой женщиной, которая поднялась на гору Арагац, высота которой – 4090 метров [3].

Писательница была ярким представителем той страны, в которой она жила. В сталинские времена самый большой успех М.С. Шагинян принес роман «Гидроцентральный», и, чтобы воплотить замысел, она несколько лет провела на строительстве ДзороГЭС. Говорили также, что предисловие к книге хотел написать сам И.В. Сталин, но не написал, – не было времени. Клеймила она и интеллигенцию в первые послеоктябрьские годы за саботаж Советской власти, в «Правде» выходили ее обличительные очерки, и она признавалась, что «хотела образумить интеллигенцию» [4].

Мариэтта Сергеевна Шагинян могла дерзко написать наркому Вячеславу Молотову: «Горького Вы устроили так, что он ни в чем не нуждается, Толстой получает 36 тысяч рублей в месяц. Почему я не устроена так же?» Да, она была всегда честна, конечно, ошибалась, но не шепталась за углами, а говорила в глаза. Хотя она была интернационалисткой и коммунисткой, но когда М.С. Шагинян скончалась, – писал Георгий Багдыков, – «Католикос всех армян приехал в Москву и молился у нее на могиле».

Пожалуй, слова самой писательницы дадут ответ на многие вопросы: «Время, активно прожитое мною, я храню в памяти как великое время, и никакие трагические его страницы, ошибки или жестокости тех лет не перевешивают передо мной его исторического величия. Я пишу о себе, о своем самочувствии. Так встает передо мной прожитое прошлое. Оно никогда не мешало мне мыслить, писать и говорить то, что я думаю, в чем убеждена» [5, с.

517]. – Так она оценивала свою деятельность. Она всегда была искренна, честным, талантливым творцом.

У нее были также и личные трагедии, она видела страдания людей, но ничто и никогда не могло поколебать энтузиазма Мариэтты Сергеевны. Она перескакивала, как говорят литераторы, из жанра в жанр (от фантастических романов до докладов), и это можно объяснить суетой и лихорадочностью того времени, а Мариэтта Шагинян хотела идти в ногу со временем.

Осмысливая долгий путь выдающейся писательницы, хочется сказать: она была продуктом своего Времени, которое оставила в своих книгах. Долгий путь Мариэтты Сергеевны Шагинян – это путь нашей страны, и она прошла его под лозунгом «*Жить, чтобы делать, чтобы познавать!*».

Литература

1. Доклад А.А. Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград» // URL: https://ru.wikiquote.org/wiki/Доклад_А._А._Жданова_о_журналах_«Звезда»_и_«Ленинград» (дата обращения: 06.04.2024).

2. Лениниана Мариэтты Шагинян. Как писательница раскрыла тайну советского вождя // Армянский музей Москвы и культуры наций URL: <https://www.armmuseum.ru/news-blog/marietta-shaginyan-leniniana?ysclid=lusvxiq3ng223721458> (дата обращения: 06.04.2024).

3. Как писательница Мариэтта Шагинян раскрыла тайну Владимира Ленина? // URL: <https://dzen.ru/a/ҮсВРQUBO-A2O1cR6> (дата обращения: 07.04.2024).

4. «Я только из Ростова, я ничего не знаю». Романы и дуэли Мариэтты Шагинян. АиФ Ростов // URL: https://rostov.aif.ru/culture/events/ya_tolko_iz_rostova_ya_nichego_ne_znayu_romany_i_dueli_marietty_shaginyan?ysclid=luswi0i3jv29009372 (дата обращения: 07.04.2024).

5. *Шагинян М.С.* Человек и Время. История человеческого становления. М., 1982.

ДРУЖБА ДЕЯТЕЛЕЙ КУЛЬТУРЫ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА: М.С. ШАГИНЯН И С.В. РАХМАНИНОВ

Серебряный век является периодом подъема духовной культуры нашей страны, когда появлялись невероятно утонченные литературные и музыкальные произведения. К этой эпохе и относится раннее творчество Мариэтты Шагинян, чьи работы наполнены лексическим разнообразием и поразительным изяществом словосочетаний.

Мариэтта Сергеевна Шагинян – советская писательница, чьи работы затрагивали многие сферы отечественной духовной жизни. В своих стихотворениях М.С. Шагинян писала о любви, семье и дружбе, другие ее произведения затрагивали фантастику, позднее и идеологию периода XX века в России. Она была не только известной поэтессой, но искусствоведом и журналистом. Ее страсть к изучению чего-либо погружала в бескрайний мир знаний и рождала новые произведения и статьи, вдохновляя современников.

Сергей Васильевич Рахманинов (1873–1943), в свою очередь, являлся одним из выдающихся представителей музыкального творчества Серебряного века. Простота и жизненность его произведений отмечалась непосредственно поэтессой, она писала о его творчестве, как о «трагичном, задушевном, но всегда очень национальном» [1, с. 59]. С.В. Рахманинов отдавал музыке всего себя, подготавливая множество композиций, и сам о себе говорил: «Я – русский композитор, моя родина определила мой темперамент и мое мировоззрение. Моя музыка – детище моего темперамента, поэтому она – русская» [2].

Эта дружба дала замечательные плоды не только для М.С. Шагинян и С.В. Рахманинова, но и для искусства того периода, ведь именно Сергею Васильевичу поэтесса посвятила свой второй сборник стихотворений «*Orientalia*», а композитор вдохновенно писал романсы по ее стихотворным рекомендациям. По словам, которые М.С. Шагинян писала о своем друге, нетрудно понять, насколько теплыми и искренними были эти взаимоотношения. Она отмечала его естественность и целомудренность, в то время, как он ценил ее искренность и высокую духовность.

Зимой 1912 года М.С. Шагинян писала в своих воспоминаниях о том, как началась эта трепетная и теплая переписка с композитором: «В февральский метельный вечер, я и решила написать ему и послать письмо вдогонку в Петербург, вложив в это письмо всю веру в него, какую мы испытывали» [3, с. 394]. С такой искренней поддержки и началась дружба этих созидателей культуры Серебряного века. Примечательно, что своего настоящего имени Мариэтта в начале ее не раскрыла, подписав себя музыкальной ноткой *Re*. Этот псевдоним закрепился до конца их переписки, даже когда Сергей Рахманинов узнал настоящее имя поэтессы [3, с. 394-395].

В своей книге «Человек и Время...» М.С. Шагинян опубликовала несколько отрывков из переписки и воспоминания о встречах с С.В. Рахманиновым, где он ее тепло называл «милая *Re*» в каждом письме. «Научите меня в себя верить, милая *Re*, хотя наполовину так, как Вы в меня верите. Если я когда-нибудь в себя верил, то давно – очень давно – в молодости... Недаром за все эти двадцать лет моим, почти единственным, доктором были: гипнотизер Даль, да две моих двоюродных сестры... Все эти лица, или, лучше сказать, доктора учили меня только одному: мужаться и верить», – писал в одном из своих писем композитор [3, с. 398]. Из этого отрывка наглядно видно, что поддержка М.С. Шагинян воодушевляла С.В. Рахманинова. Мариэтта Сергеевна определенно брала на себя роль надежной опоры, благодаря которой композитор не просто мужался и верил, а шел вперед, опираясь, в частности, почти всегда на поддержку «милой *Re*».

Это подтверждает один из отрывков его письма: «Милая *Re*, благодарю Вас за Ваше милое письмо, которое вчера получил. Охотно готов с Вами разговаривать, – но я так занят, у меня так много всяких дел, разрездов, и я так устаю, что разговаривать могу только изредка» [1, с. 60].

Высокая литературная и музыкальная образованность М.С. Шагинян и ее умение с тонкостью и красотой излагать свои мысли подтолкнули С.В. Рахманинова просить М.С. Шагинян порекомендовать ему стихи русских поэтов для создания романсов. Он с трепетом и нескрываемым волнением писал: «Милая моя *Re*, Вы на меня не рассердитесь, если я обращусь к Вам с просьбой... Мне нужны тексты к романсам. Не можете ли Вы на что-либо подходящее указать? Мне представляется, что «*Re*» знает много в этой об-

ласти, почти всё, а, может быть, и всё...» [3, с. 396]. Примечательно, что в июне 1912 года С.В. Рахманинов поделился тем, что почти половина новых романсов были написаны по рекомендациям именно М.С. Шагинян.

Ее теплые взаимоотношения с композитором не обошлись без посвященного поэтессе романса «Муза», который был написан на слова А.С. Пушкина [3, с. 400]. Мариэтта Сергеевна Шагинян была одной из немногих допущена к внутреннему миру и творческим планам композитора, что определенно удивляло, ведь его замкнутость не являлась ни для кого секретом [5].

Теплые взаимоотношения с композитором нашли отражение и в творчестве самой М.С. Шагинян. Как отмечалось выше, именно С.В. Рахманинову был посвящен самый популярный сборник стихотворений Мариэтты Сергеевны. Он переиздавался много раз, что лишь подтверждает успех «Orientalia» [6, с. 94]. Хотя этот сборник был посвящен композитору, он был написан для Э. Метнера, труд которого «Модернизм и музыка» М.С. Шагинян критиковала. С.В. Рахманинов поддержал поэтессу, и в 1913 году вышел уже второй сборник «Orientalia».

Долгая переписка, сменяющаяся встречами, отражающаяся в творчестве М.С. Шагинян и С.В. Рахманинова, начала сходиться на *нет* с 1916 года. Мариэтта Сергеевна была занята написанием своего романа «Своя судьба», в то время как композитор писал: «Сегодня, приводя в порядок свой письменный стол, перечитал некоторые из Ваших писем ко мне, милая Re! И, перечитав их, почувствовал к Вам столько нежности, признательности и еще чего-то светлого, хорошего, что мне мучительно захотелось Вас сию же минуту увидеть, услышать, сесть с Вами рядом и хорошо, сердечно поговорить... Поговорить о Вас, о себе, о чем хотите. Может, помолчать! Но, главное, Вас видеть и сидеть с Вами рядом... Где же Вы, милая Re! И скоро ли я Вас увижу?» [3, с. 402]. Ответа на это письмо Сергея Рахманинова я не нашла.

Их предпоследняя встреча была в Ростове, и сама М.С. Шагинян о ней писала: «Два часа мы с ним просидели у рояля, – я «рассказывала», а он упражнялся перед концертом. Мне было обидно, что шесть романсов на «моих», так любовно подготовленные для него тексты, он посвятил Кошиц, а он отшучивался на упреки. Потом вместе поехали на концерт, где он играл свои сочинения: Вторую

сонату, вариации на тему Шопена, этюды-картины, а на следующее утро он уехал в Таганрог». Летом того же года поэтесса вышла замуж и встретилась с С.В. Рахманиновым на торжественном концерте в Кисловодске, куда Мариэтта Сергеевна приехала с мужем. Их беседа была наполнена беспокойством композитора о развитии революции, из-за чего он собирался уехать из России. М.С. Шагинян пыталась его от этого намерения отговорить. В тот вечер поэтесса почувствовала, насколько далекими друг для друга они стали, несмотря на привычные теплоту и доброту. Более М.С. Шагинян композитора не видела, их теплая дружба завершилась.

Столь трепетное общение отразилось на творчестве Мариэтты Сергеевны Шагинян и Сергея Васильевича Рахманинова. Композитор получал важную для него в тот период поддержку и уверенность, а поэтесса, вселяя веру в кого-то, убеждала саму себя. Творческое общение с великим композитором ее также весьма обогащало. Не только их произведения, но само их общение является ценным наследием Серебряного века, которое М.С. Шагинян очень тепло изложила в своих мемуарах «Человек и Время...».

Литература

1. *Савчук И.В.* «Серебряный век» – особенности творческого общения М.С. Шагинян и С.В. Рахманинова // Творчество М.С. Шагинян и ее современников: актуальный взгляд: Материалы X Шагиняновских чтений (Ростов-на-Дону – Чалтырь, 7–8, 14 апреля 2023 г.). Ростов-на-Дону. 2023.
2. *Брянцева В.Н.* Фортепьянные пьесы Рахманинова. М., 1966.
3. *Шагинян М.С.* Человек и Время. История человеческого становления. М., 1982.
4. *Манукян Э.С.* Переписка Мариэтты Шагинян с С.В. Рахманиновым // Актуальные вопросы педагогического мастерства. Обмен опытом. Сб. материалов VI Региональной научно-практической конференции. Отв. редакторы: Т.В. Анкудинова и др. Белгород, 2021. С. 133-136.
5. *Прибыткова З.А.* Рахманинов в Петербурге-Петрограде // Воспоминания о Рахманинове // URL: <https://senar.ru/memoirs/Pribytkova/> (дата обращения 12.04.2024).
6. *Зулумян Б.С.* История создания сборника «ORIENTALIA» // Армяне Юга России: история, культура, общее будущее: Материалы IV Международной научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 28-29 сентября 2021 г.) – Ростов-на-Дону, 2021.

ШКОЛЬНАЯ СЕКЦИЯ

В.В. Артеменко

ПОВЕСТЬ П.Н. ЯКОВЛЕВА «ПЕРВЫЙ УЧЕНИК»: ЖАНРОВОЕ СВОЕОБРАЗИЕ, СИСТЕМА ОБРАЗОВ И ПРОБЛЕМЫ ДИАЛОГИЧЕСКОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Творческое наследие П.Н. Яковлева (1883–1942) до сих пор не собрано и не систематизировано. Нам удалось установить, что писатель являлся автором семи относительно крупных завершённых произведений: четырех повестей, двух драм и одного утраченного романа.

Применяя тематический принцип классификации, их можно сгруппировать следующим образом:

1. «Педагогические» произведения о российской и раннесоветской школе:

- «Первый ученик» (1934, повесть);
- «После звонка» (1938, пьеса);
- «Гимназисты» (1940, пьеса).

2. Произведения гражданской, героической и военно-патриотической направленности, которые, в свою очередь, подразделяются на две группы:

- Остросюжетные героико-патриотические повести о Гражданской войне «Наша взяла» (1931) и «Девушка с хутора» (1935);
- Произведения о формировании партизанского движения в начале Великой Отечественной войны: повесть «Рождение отряда» (1941) и роман «В родном городе» (1942, не сохранился).

Таким образом, основными жанрами творчества П.Н. Яковлева являются драма и повесть.

Драматургические произведения писателя в связи с их недоступностью нам изучить не удалось, и поэтому мы не можем судить об их сюжетопостроении и жанрово-родовой специфике. Можем лишь предположить, что у П.Н. Яковлева был блестящий талант драматурга, так как даже в его прозе драматургическое начало не только и не просто всегда присутствует, но и как бы «взрывает»

повествование изнутри, образуя некие «вулканические центры» конфликтов.

О сценической судьбе драматургии П.Н. Яковлева тоже известно немного. Пьеса «После звонка» была поставлена перед войной в ростовском ТЮЗе. В 1940 году в театре им. М. Горького готовилась к постановке драма «Гимназисты» («Судьба Мироновых»), но по каким-то причинам ее сценическая реализация не состоялась, а сама пьеса увидела свет только в 2004 году на страницах ростовского альманаха «Ковчег».

Куда более повезло повестям П.Н. Яковлева. Занимательность, наличие приключенческого элемента, динамизм сюжета, острота конфликтов, яркая и живая образность, диалогизм, экспрессивный и непринужденный язык героев в сочетании с лаконизмом авторской речи – все эти художественные особенности обеспечивали повестям успех у самого широкого читателя.

Еще одна доминантная черта прозы автора «Первого ученика» – жизнеподобие. П.Н. Яковлев писал, опираясь на факт, на личный опыт, на тот жизненный материал, который был известен ему «изнутри», будь то Гражданская война на Кубани, послужившая материалом для повестей «Наша взяла» и «Девушка с хутора», или будни царской гимназии («Первый ученик»).

Помимо традиционных жанров повести, рассказа и очерка, П.Н. Яковлев, особенно в 1920-е годы, нередко обращался к оригинальным, синкретичным и даже «свободным» формам раешника, детского фельетона, современной сказки, рассказа в стихах, агитбаллады, записной книжки и др. Эти произведения писателя еще не были собраны под одной обложкой и ждут своего исследователя.

На наш взгляд, самого пристального внимания заслуживают стихотворные тексты П.Н. Яковлева. У писателя было несомненное поэтическое дарование, которым он щедро наделял своих героев. Таков, например, гимназист Самохин из повести «Первый ученик» (образ отчасти автобиографический). Мы насчитали в повести 12 стихотворных произведений Самохина-Яковлева самых разных жанров: инвектива, эпиграмма, баллада, подражание, элегия, пародия и дружеское послание. Безусловно, эти стихи в тексте функциональны – и только, их роль исключительно служебная, но они невольно удерживают внимание читателя подлинным поэтическим блеском, иногда даже виртуозностью. Понимая, что может «пере-

стараться», автор намеренно снижает качество стихотворения, следуя своему главному творческому принципу – жизнеподобию, или, по словам В. Пановой, «железной достоверности всего происходящего» [2, с. 7].

Повесть «Первый ученик» по праву занимает центральное место в творчестве П.Н. Яковлева. Это его «образцовая» проза, обладающая всеми доминантными чертами идиостиля писателя.

Одной из них является диалогизм. Диалогизм в повести П.Н. Яковлева – это не просто речевое взаимодействие между главным героем Самохиным и другими персонажами; и не только внутренние диалоги Самохина (в том числе и в стиховой форме). Это центральная ось поэтики произведения, ее доминантный прием, позволяющий раскрыть неразрешимые мировоззренческие конфликты, поднять проблемы взаимоотношений ребенка и взрослого, ученика и наставника и смежные с ними проблемы непонимания, дисгармонии в отношениях, разрушения личных и общественных связей, дискредитации традиционных ценностей.

Основной структурной единицей повести «Первый ученик» является диалог, понимаемый нами как художественное средство, благодаря которому текст обретает психологизм и философичность. В произведении П.Н. Яковлева диалог обладает целым рядом важных функций. Чтобы понять, как он «работает» в тексте, уясним, *кто* и *с кем* вступает в эту форму общения.

Гимназия представлена в повести двумя группами персонажей, каждая из которых имеет свою иерархическую структуру.

Первая группа – педагогический коллектив под управлением директора Аполлона Августовича Хамчинского.

В благородное имя директора закладываются значения «хам» и «чин». Это – чиновник, и только. Профессиональная позиция определяется двумя высказываниями: 1) «Гимназия – привилегированное учебное заведение»; 2) «Вас готовят быть честными чиновниками» [1, с. 106]. Для реализации такой цели существуют инструкции, указания и циркулярные письма. Ценности: предписания сверху, репутация.

Афиноген Егорович Вихляев, он же Швабра. Преподаватель древнегреческого и русского языков. Гонитель и классный наставник Самохина. Фамилия намекает на манеру кривляться в движении и эмоциональную неустойчивость. Активность («тигром бегал

от доски к кафедре и обратно») может сменяться неподвижностью («сел и устал на класс»). Имя Афиноген – греческой этимологии («от Афины происходящий»). Афина – богиня войны. Объявляет войну наиболее интеллектуальным и творчески одаренным детям: «Швабра режет, а Самоха злится. Прямо война». Профессионально невежественный человек с низкими предметными компетенциями: «Пушкин догадывался, что государь намекает ему на родство с арапом Петра Великого, а для него это – нож острый». Театрален и истеричен, с претензиями на остроумие. Поэт – эпигон, и в этом отношении противопоставлен поэтически одаренному мальчику Самохину. Популярные отзывы: «Злится, придирается, режет, хоть караул кричи». Адресат эпиграмм и инвектив Самохина: «Злоподобная Швабра! Чтоб ему на том свете древние греки бока намяли» [1, с. 15].

Отец Афанасий, или Батюшка – преподаватель «Закона Божьего» и церковнославянского языка. Профессиональная позиция: «выучи снова, да не мудрствуй», «вызубри», «чужие слова долби», «не надо никогда на себя полагаться», «умней других не станешь», «и по закону Божьему долби, и по всем предметам долби». Ханжа и доносчик. Передает тайны исповеди директору. Проповедует колонизацию Америки, «как дикарей в христианство обращали». Отзывы: «В животе пусто, как у батюшки в черепе» [1, с. 18].

Павел Петрович Тепленький, или Элефантус (Слон) – преподаватель латинского языка. Отношение к профессии: «Элефантус вызывал одного за другим к доске и, страдая от одышки и надоевших латинских слов, сонно выслушивал ответы гимназистов, нехотя поправлял ошибки и с нетерпением ждал звонка». Эмоциональная атмосфера урока: «Скучно Элефантусу. Скучно и всему классу». Интересы и ценности: «После обеда соснет часа два. Вечером пойдет в клуб поиграть в картишки» [1, с. 28]. Проиграл на бильярде мундир.

Попочка – надзиратель. Лишен имени, фамилии, отчества. Вполне отталкивающая личность. Владелец нафабреного чубчика и острого носика в больших очках. Малышей наказывает, перед старшекласниками заискивает.

Адриан Адрианович – преподаватель математики. Тип спивающегося российского интеллигента, демократа-разночинца. Несмотря на высокий профессионализм и замечательные человеческие

качества, находится на самой низкой ступени в иерархии педагогических кадров. Главный оппонент гимназической «элиты» по вопросам воспитания и образования, антипод Вихляева (Швабры). Профессиональная позиция: «Дети – это дети, а не солдаты, а гимназия – не казарма. Если среди детей наблюдаются известного рода волнения, то причиною их – мы сами. Мы слишком строги к ним» [1, с. 142].

Если коллеги Адриана Адриановича характеризуются по преимуществу в диалоге, то учитель математики – единственный взрослый персонаж повести, который достоин развернутого авторского высказывания, прямой характеристики: «Когда-то посмеивались над его нетрезвым видом, а потом и смеяться перестали... Любили его. Не за пьянство, конечно, а за то, что предмет свой вел он, не в пример другим, замечательно. Придет, бывало, в класс и начнет рассказывать, объяснять, да так увлекательно, так понятно. Да и справедлив он был» [1, с. 147].

Отзывы: «Странно: учитель, а добрый». «Мы Вас любим». «Вот это учитель – не то, что Швабра» [1, с. 148].

В классе Швабры тридцать два ученика, однако в фокусе авторского внимания находятся только восемь мальчиков. Уже в начале повествования жизнь классного коллектива изображается в конфликте двух враждующих групп. С одной стороны, протеже Швабры «первый ученик» Амосов и его товарищи Бух и Нифонтов, с другой – неофициальный лидер Самохин, Корягин (тоже второгодник) и Медведев. Гимназист Лобанов – ярко выраженный индивидуалист. Он не входит ни в одну компанию, но находит своего рода удовольствие в разжигании их конфликта.

Завязкой повести следует считать прибытие в четвертый класс гимназии Владимира Токарева – мальчика, одаренного отличными способностями к учению, сына машиниста. По инициативе и при поддержке Самохина и его команды Токарев начинает претендовать на право называться первым учеником.

Таким образом, обе группы обретают сформированность и завершенную социальную окрашенность. Амосов, Нифонтов, Бух – дети дворян и «новых русских», Самохин, Корягин, Медведев и Токарев – сыновья мелких служащих и пролетариев. Однако дети – это дети, и враждуют они вовсе не потому, что их родители принадлежат к разным сословиям. Их противоречия куда глубже, а их

борьба за первенство своего лидера – это борьба таланта и серости и борьба за справедливость одновременно. Самохин – талантливый рисовальщик и поэт, к тому же из него, по словам Адриана Адриановича, второй Пифагор бы вышел. Талантлива и его команда. Это фантазеры, выдумщики, импровизаторы. Их игра в монастырь – яркое драматическое представление, а посвящение Токарева в одноклассники – сложный ритуал, включающий в себя крещение Владимира, отпевание Швабры и анафему Амосову.

Важно, что Амосов «назначен» лидером по протекции Швабры, а Токарев свободно избран на эту роль товарищами, поэтому диалоги между участниками первой группы носят случайный и поверхностный характер, в то время как диалоги второй свидетельствуют о крепких дружеских связях.

В целом все конфликты в гимназии представлены в системе многоуровневых диалогов. Особенно велики и значимы для понимания идейного содержания повести диалоги на уровне «ученик – учитель», например, Самохин – Швабра, Самохин – Адриан Адрианович, Самохин – бабушка и т.д. Изучение этих диалогов привело нас к следующим выводам:

1. В основу повествования П.Н. Яковлева положен драматургический принцип. Во-первых, именно в диалоге заостряются конфликты, толчкообразно продвигающие сюжет и делающие его динамичным. Например, диалог со Шваброй о деньгах, собранных гимназистами в пользу их старшего товарища Лихова и переданных начальством в домовую церковь, приводит к похищению церковной кружки. Во-вторых, реплики персонажей, или конфликтующих сторон, зачастую сопровождаются наречием, наречным сочетанием или предложным управлением. Эти слова и сочетания («сухо», «визгливо» и т.п.) указывают на агрессивный характер диалога, инициированный учителем. Действия, сопровождающие реплику учителя, обозначаются эмоционально-экспрессивными глаголами. Например, Швабра «извивался», «гримасничал».

2. Потребность в диалоге испытывает и проявляет ученик, нежелание диалога, уклонение от него демонстрирует учитель, например, Афиноген Егорович «не поздоровался, ни на кого не глянул», «уткнулся в журнал» (демонстрация неготовности к контакту). Еще более демонстративно и совершенно однозначно ведет себя директор:

– Мы просим выслушать нас! – Аполлон Августович закрыл ладонями уши [1, с. 95].

В отличие от этих наставников, Адриан Адрианович «слушает внимательно», «прячет в бороду улыбку». И только ему открытые к контакту гимназисты могут задавать такие, например, вопросы:

– Неужели Вам жалко хоть один день в году просто поразговаривать с нами?

– Что Вы делали, когда были маленький?

– А зачем Вы, Адриан Адрианович, поете [1, с. 149]?

3. С целью изображения отказа учителя от контакта П.Н. Яковлев внедряет в повесть невербальный диалог:

«Швабра с треском захлопнул журнал, сел и уставился на класс.

Долго смотрел, как удав на кроликов.

Кролики окаменели...

Удав молчал...» [1, с. 46].

Поскольку драматургическое начало активно внедряется в повесть П.Н. Яковлева, именно диалог, а не авторская речь, является основным средством характеристики персонажей и передачи идей.

Литература

1. Яковлев П.Н. Первый ученик. Ростов-на-Дону, 1973.

2. Панова В. П.Н. Яковлев и его книги // Яковлев П.Н. Первый ученик. Ростов-на-Дону, 1973.

Г.А. Кибалова

СВЯЗУЮЩАЯ НИТЬ ТВОРЧЕСКОГО ДИАЛОГА М.С. ШАГИНЯН И М.А. ВОЛОШИНА

Мариэтту Сергеевну Шагинян – российскую, советскую писательницу, поэтессу и прозаика, искусствоведа, журналиста и историкографа окружали талантливые писатели и поэты, искусствоведы и публицисты, историки и т.д. Сегодня они являются символами искусства Серебряного века, русской литературы и искусства в целом: А. Блок, С. Рахманинов, А. Чехов, В. Брюсов, М. Цветаева, И. Северянин и многие другие. Круг творческого общения М.С. Шагинян был необычайно многообразен и широк.

Любовь к литературе и искусству соединили ее невидимыми нитями вдохновения и пригласили к творческому диалогу с М.А. Волошиным – известным поэтом и переводчиком, литературным критиком, автором статей по модернизму и символизму, живописцем.

Максимилиан Александрович Волошин родился в Киеве в 1877 году в семье юриста. Свое детство и отрочество провел в Таганроге, потом в Москве. С 1897 года по 1899 годы учился в Московском университете, писал стихи, путешествовал, учился живописи. Жил и творил за границей. В 1926 году поэт практически отошел от литературной деятельности, занялся живописью. Основные мотивы творчества: человек, космос, мировой разум и т.д.

В его литературном творчестве значительное место занимала любовная лирика, проникнутая глубоким историко-философским смыслом. Несмотря на обилие отвлеченно-философских понятий и пристрастие к мистическим обобщениям, поэт явно стремился к смысловой точности и зрительной очерченности образов.

Юрий Чайкин писал о том, что в душе М.А. Волошина царили три страсти: любовь к литературе, любовь к живописи, любовь к ближнему.

Поэта всегда и во всем манила парадоксальность: в судьбе человека, в судьбе страны, и сам он был загадкой и парадоксом. В духовном мире М.А. Волошина доминировали стремление к свободе, независимости, нечувствительность к уколам самолюбия. Суждения его часто звучали непривычно. Поэт впитывал мир и его изменчивость, поэтому и сам был открыт для изменений. М.А. Волошину были чужды метания, испуг. На свой лад он упрямо противостоял истории.

Первый приезд М.А. Волошина в Ростов-на-Дону состоялся в 1919 году, он должен был привести на выставку художников свои акварели. Планировал встретиться с художником М.С. Сарьяном и писательницей М.С. Шагинян и ее мужем, преподавателем Нахичеванской семинарии Я.С. Хачатрянцем.

На сегодняшний день нет точных данных, когда состоялась первая встреча писательницы М.С. Шагинян с поэтом М.А. Волошиным. Но есть много свидетельств, которые говорят о том, что они были знакомы с творчеством друг друга еще до личного знакомства.

В газете «Приазовский край» в декабре 1911 года Мариэтта Сергеевна Шагинян напечатала рецензию на «Антологию» издательства «Мусaget», где она описывала «поэтический раут» с упоминанием поэта Максимилиана Волошина. В ноябре 1912 года в этой же газете «Приазовский край» № 290 вышла статья М.С. Шагинян «Пустынная Вселенная» с изложением «ценной и очень изящной» статьи Волошина о художнике Константине Богаевском в журнале «Аполлон» № 6. В январе 1919 года в газете «Приазовский край» № 22 была опубликована статья М.С. Шагинян «Новые стихи М. Волошина», которая являлась рецензией на его книгу стихов «Иверни» (М., 1918) [2].

М.С. Шагинян с большим уважением относилась к поэзии и живописи М.А. Волошина. Доказательством этому служит автограф автора на ее книге «Искусство сцены» (Ростов-на-Дону, 1919), подаренной поэту: «Подмастерью, сумевшему стать мастером» – Максимилиану Волошину от Мариэтты Шагинян. 1919, 30-ое июня (13 июля). Нахичевань-на-Дону» [3]. Вероятнее всего именно эта дата положила начало личному общению двух поэтов. В архиве семьи Шагинян хранится письмо М. Волошина к М. Шагинян, где он благодарит ее за книгу «Orientalia».

В знаменитый дом М.А. Волошина в Коктебеле М.С. Шагинян приехала в августе 1929 года со своей 11-летней дочерью Мирэлью после многократного приглашения М.А. Волошина [4]. Сообщество Дома Поэта оказало значительное влияние на дальнейшую судьбу юной Мирэль. Немаловажную роль в этом сыграла крепкая дружба Мариэтты Сергеевны Шагинян и Марии Степановны Волошиной, супругой М.А. Волошина, которую они пронесли через всю свою жизнь. Уникальная переписка между ними сейчас хранится в фондах Дома-музея М.А. Волошина и в архиве семьи М.С. Шагинян.

Семья М.С. Шагинян была желанным гостем в Коктебеле, в доме семьи Волошиных. Мария Степановна Волошина и Максимилиан Александрович Волошин всегда были рады гостям. Они тесно общались, переписывались, давали оценки творчеству современных поэтов, писателей, композиторов и др. Дом М.А. Волошина являлся местом встречи русской и украинской интеллигенции. Огромное количество творческих людей объединял этот гостеприимный дом, здесь завязывался диалог между гостившими здесь по-

этами, писателями, художниками. Обстановка в доме была необычной и даже немного волшебной.

Мариэтту Сергеевну Шагинян и Марию Степановну Волошину и после смерти поэта (11 августа 1932 года) связывали теплые отношения. По совету М.С. Волошиной Мариэтта Сергеевна в 1948 году купила для дочери дом в Коктебеле [1]. Коктебельская усадьба Шагинян-Цигаль стала любимейшим местом для всей семьи.

Во время учебы в Московском художественном институте Мирэль Яковлевна проходила летнюю практику в Крыму и охотно посещала в Коктебеле Марию Степановну Волошину.

И в последующие годы дом Волошиных оставался центром притяжения для семьи Шагинян. В 1930 году Мирэль Шагинян в последний раз видела Максимилиана Волошина, который умер через два года.

После Великой Отечественной войны Дом Поэта был преобразован в здравницу.

В январе 1961 года в одном из заводских Домов культуры Москвы проходила выставка работ Максимилиана Александровича Волошина, посвященная Коктебелю. В статье «Волшебная бухта» Мариэтта Сергеевна оценивала данную выставку так: «Написать небо..., горы..., наклон одного дерева, лежащую на песок волну, тень от облака на земле..., не нарушая красоты точностью, а, наоборот, усиливая ее, как ювелир, граня сырой алмаз, усиливает природную, присущую камню, заключенную в нем самую красоту, – это большое и редкое искусство. Именно так писал... Максимилиан Волошин волшебную бухту Коктебеля, уча людей видеть, чувствовать и понимать ее редчайшее земное очарование. Дорого ли нам такое искусство? Конечно» [5].

Сегодня происходит процесс нового прочтения творческого наследия М.С. Шагинян и М.А. Волошина. Они были многогранными, разносторонними личностями.

Конец XIX – начало XX вв. – это было время фундаментальных изменений и процессов, а это значит, что в творчестве талантливых современников отразилась глубина кардинальных социальных изменений и катаклизмов, отличавших это время. Эта была эпоха философско-мировоззренческого поиска.

Сегодня мир снова оказался перед необходимостью переосмыслить ценностные ориентиры прошлого, настоящего и будущего.

Литература

1. *Шагинян М.Я.* Коктебель – Африка. Картины, встречи, воспоминания. М., 2004.
2. Статьи М.С. Шагинян // Газета «Приазовский край», б/д, 1911. № 290; 1912; № 22, 1919.
3. *Шагинян М.С.* Искусство сцены. Аралезы. Ростов на Дону, 1919.
4. *Купченко В.П.* Труды и дни Максимилиана Волошина. Летопись жизни и творчества. 1877–1916. СПб., 2002.
5. *Шагинян М.С.* Волшебная бухта // Литературная газета. 5 января 1961 г. № 645.

С.А. Щеколдина

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР МИХАИЛА ЗОЩЕНКО И ЕГО МЕСТО В ТВОРЧЕСКОМ ДИАЛОГЕ СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ XX ВЕКА

Личность М.С. Шагинян – это уникальное и выдающееся явление в отечественной культуре. Она была известной писательницей XX века и непревзойденным литературным критиком, поэтессой, журналистом, публицистом. Всех ее профессий в целом не перечить. Мариэтта Сергеевна была универсально образованным человеком. М.С. Шагинян – вдохновительница многих ярких художественных замыслов, которые были воплощены ее талантливыми современниками. Они в той или иной степени в своей творческой деятельности отразили события и судьбы, ценности и мировоззренческие поиски социально-исторического переустройства общества. Одним из них был Михаил Михайлович Зощенко.

Заявленная тема безусловно обширна и разнопланова, поэтому остановимся на некоторых ее аспектах.

Магнетическое обаяние творчества Михаила Зощенко – советского писателя, драматурга, сценариста и переводчика, самобытное явление в русской и советской литературе, занявшее свою нишу заслуженно, справедливо и надолго. Знаменитый поэт, литературный критик, литературовед К.И. Чуковский писал о нем: «И еще: все мы знаем, что Вы – патриот и подлинно советский писатель. Это не требует никаких доказательств» [1]. Писатель по-своему

увидел некоторые характерные процессы современной ему действительности, создал целую галерею персонажей, породивших нарицательное понятие «зощенковского героя».

Михаила Зощенко сегодня нередко называют «забытым» писателем. В.В. Виноградов в 1928 году в работе "Язык Зощенко. Заметки о лексике" проводит лингвистическое исследование творчества писателя. После этой работы вплоть до середины 1970-х гг. никто серьезно не брался анализировать жизнь и творчество М.М. Зощенко. Творчество писателя изучалось исследователями-лингвистами (В.И. Болотов, 1985 г.) с точки зрения эмотивности текста отдельных произведений, (В.В. Брякин, 1981 г.) о технологии комического в зощенковском сказе. Исследователей в основном интересовал уникальный язык писателя, многообразные стилистические пласты, которые создавали сложную и пеструю мозаику его художественной речи. На сегодняшний день представляет огромный интерес изучение феномена творчества М.М. Зощенко с точки зрения лингвистики, стилистики и лексикологии. Особый интерес вызывают лексико-фразеологические средства создания своеобразной языковой игры в произведениях разных жанров.

В современных подходах к творчеству писателя особое внимание уделяется сатирическому подтексту и контексту его произведений. Они наделены философским и психологическим смыслом. Его творчество отражало разные исторические периоды, внутренние переживания автора, которые стали результатом различных жизненных ситуаций, сложились под влиянием внешних обстоятельств. Феномен творчества М.М. Зощенко рассматривается в контексте биографических факторов его жизни.

Находясь у истоков советской сатирико-юмористической прозы, он выступал создателем оригинальной комической новеллы, продолжившей в новых исторических условиях традиции Н.В. Гоголя и А.П. Чехова. М.М. Зощенко создал свой совершенно неповторимый художественный стиль. Около четырех десятилетий продолжался творческий путь писателя в советской литературе. Писателя замалчивали, его произведения игнорировали. Михаил Михайлович Зощенко был восстановлен в Союзе писателей только после смерти И.В. Сталина. Но его травля продолжалась и после этого события.

Мариэтта Сергеевна Шагинян заступалась за Михаила Михайловича. Она предлагала, чтобы писателя М.М. Зощенко восстановили в Союзе писателей, обращала внимание своих коллег на необходимости материальной помощи писателю. «Я видела Зощенко каждый год после постановления ЦК, и я должна сказать, что это по-настоящему человек... Он работающий и по-настоящему талантливый советский писатель. И нам стыдно, если мы сейчас не протянем ему руку помощи. Он находится в очень тяжелом моральном и материальном положении» (Сарнов Б., Чуковская Е. «Случай Зощенко». Повесть в письмах и документах с прологом и эпилогом. 1946–1958. Юность. 1988. № 8) [2].

Вера Владимировна Зощенко, жена писателя, утверждала: «Михаил Михайлович в таких невероятных условиях не оставил свой литературный подвиг и, несмотря ни на что, работать продолжал. С 1946 по 1958 гг. он не отдыхал ни на миг. Трудился, дабы реабилитировать себя в глазах партии, хоть как-то прокормить семью, да и не работать он попросту не мог. Литература для него всегда была превыше всего, была целью его жизни и ее смыслом» [3].

М.М. Зощенко писал о страданиях «маленького человека» в советский период его жизни. Эта тема не новая в русской литературе, она была представлена в великих произведениях Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова в условиях старой России.

Рассказы М.М. Зощенко продолжали проблематику произведений о «маленьком человеке», берущую начало из гоголевской «Шинели», однако это совершенно другой взгляд, иная трактовка старой темы в изменившихся условиях. Читая рассказы М.М. Зощенко, мы познаем психологию человека, привыкшего к своему низкому положению в обществе, к тому, что его судьба *ничто* по сравнению с любым приказом, инструкцией, параграфом. Когда к человеку перестают относиться как к мыслящей, самостоятельной личности, он постепенно теряет чувство самоуважения. Растет его преклонение перед должностными лицами, подобострастное заискивание перед теми, от кого он зависит, неверие в бескорыстие ближнего и т.д.

Михаил Михайлович Зощенко ненавидел страдание, он всеми силами старался высмеять его, чтобы помочь «маленьким людям» преодолеть свое рабское положение и почувствовать уважение к самому себе. И тогда – кто знает! – может быть, и другие увидят в

них не «маленьких», а «больших» людей. К самым известным и популярным рассказам Михаила Зощенко относятся: «Глупая история», «Елка», «Самое главное», «Золотые слова», «Монтер», «История болезни», «Аристократка», «Нервные люди», «Галоша» и др.

«Не может быть» – советский фильм Леонида Гайдая 1975 года, состоящий из трех новелл, снятых по произведениям М.М. Зощенко: «Преступление и наказание», «Забавное приключение» и «Свадьба». В современных условиях значимость творчества М.М. Зощенко в советской и русской литературах восстанавливается в массовом сознании российского общества.

Вот что писала Надежда Яковлевна Мандельштам о Михаиле Михайловиче Зощенко по поводу его отношения к современному ему обществу: «Истый и прекрасный человек, он искал связи с эпохой, верил широковещательным программам, сулившим всеобщее счастье, считая, что когда-нибудь всё войдет в норму, так как проявление жестокости и дикости лишь случайность, рябь на воде» [4].

В наши дни наблюдается возрастающий интерес к творчеству М.М. Зощенко. Появляются исследовательские работы, посвященные традициям отечественной сатиры в его творчестве и литературном наследии.

Литература

1. Из переписки К. И. Чуковского с М. М. Зощенко. <https://www.chukfamily.ru/kornei/prosa/pisma/pisma-k-m-m-zoshhenko-v-a-kaverina-i-k-i-chukovskogo?ysclid=lwdx4me6t632032479>.

2. Как донская писательница Шагинян защищала литератора Зощенко от гонений и опалы. Ростов газета. <https://vk.com/@rostovgazeta-kak-donskaya-pisatelnica-shaginyan-zaschischala-literatora-z?ysclid=lwdylvm1rn470249416>.

3. *Комаровецкая Н.* К 120-летию М. Зощенко. Кампания против Зощенко, 1946 г. <https://arzbiblio.ru/index.php/2009-10-07-06-13-00/2009-11-29-17-05-15/953-k-120-letiyu-m-zoshchenko-kampaniya-protiv-zoshchenko-1946-g?ysclid=lwdvxh3vui359434779>.

4. *Зоценко М.* В поисках счастья. Информационный портал фонда «Русский мир». <https://russkiymir.ru/publications/194033/>.

5. *Болотов В.И.* Опыт анализа эмотивности текста (на материале рассказа М.М. Зощенко «Счастье») // Речевое общение: цели, мотивы, средства. М., 1985.

6. *Брякин В.В.* Речевые средства создания комического в сказке. Автореферат дисс. канд. филологических наук (на материале рассказов М. Зощенко). М., 1981.

Е.Г. Щербинина

«ЛЮБОВЬЮ СВЕТЛОЙ К РОДИНЕ ДЫША...»

Изучая творчество и жизнь Мариэтты Сергеевны Шагинян, я настолько была поражена и удивлена таланту, смелости и жизнелюбью этой женщины, что написала стихотворение:

Ах, Мариэтта...

Ах, Мариэтта, Мариэтта,
Ты смотришь так пристально мне в душу
Твой мир, как целая планета,
Зовет, от огромности не струшу.

В нем бешеная вера в чудо,
И в то, что справедливость на века.
Скажи, твой оптимизм откуда,
Взгляд светел, а походка так легка?

Ответ пришел из твоих книжек:
Любовью светлой к Родине дыша,
Армения рукою пишет,
В России твое сердце и душа.

Я вдруг поняла, что этот талант – тесное сплетение двух культур – русской и армянской – мог появиться только в это время. Жизнь и творчество Мариэтты Сергеевны Шагинян – это повторение истории нашей страны год за годом. Это летопись славной истории становления Советской власти. Это то удивительное, о чем мы, люди старой формации, печалимся и грустим.

Когда у людей того времени спрашивали, «что для вас Родина?», они неизменно отвечали – это Советский Союз. И не важно, в какой республике они жили – в Армении, Грузии или Азербайджане. Единение людей было невероятно сильным, переплетения культур давало чудесные результаты. В это время по всей стране шли великие стройки: Магнитка, Беломорканал. В 1930-е годы М.С. Шагинян написала производственный роман «Гидроцентральный» о строительстве гидроэлектростанции в Армении, а чтобы собрать для него материал, работала на этой стройке наравне со всеми.

Говоря о «Гидроцентральном», М.С. Шагинян указывала, что в Армении мало фабрик и заводов, люди живут бедно, но мечтают о лучшей жизни. Страстно любит свое дело старая учительница Ашхен Малхазян и вдохновенно открывает детям полный поэзии и красок реальный мир. В начале романа она после долгого перерыва в работе, «трепеща от удовольствия», дает первый урок. В ней струится «разбуженная энергия», бурлят неизрасходованные силы. Подготовка к уроку для нее исполненный волнующего напряжения творческий процесс. Каждый раз ею овладевает радостная «ясность мысли и потребность работы», стремление к «полноте знания, той окончательной, последней нагрузке», без которой не может быть вдохновения.

Учительница Ашхен Малхазян свой урок начала со слов: «Как начинается утро в нашей стране?» Постепенно перевела разговор о том, как нужно хозяйствовать, как хозяйничать коллективно, пообещала сделать экскурсию на электростанцию, зная, что многие, когда вырастут, станут там работать. Ашхен хотела донести до детей, что только вместе, сообща можно со всеми проблемами справиться, нужно разумное планирование и желание жить лучше [1, с. 36-47]. М.С. Шагинян словно беседовала с читателем, полная уверенности в своей правоте, что заживут армяне в достатке, а вместе с ними и вся страна станет богаче, потому что жизнь меняется к лучшему во всех республиках. Каждая республика вносит свой вклад в жизнь общей Родины.

Несмотря на то, что Мариэтта Сергеевна родилась в Москве, она с любовью описывала природу Армении: «Это зона садов. Тут растут вкусные и полезные вещи: виноград, персики, абрикосы, груши, гранаты, грецкий орех, инжирное дерево, айва и многое другое. Жителям здесь уже скот держать невыгодно, есть ему нечего, го-

нять его на пастбище далеко, а земля нужна под плодовые деревья и виноградники. У людей тут сады, много садов, и каждый ходит за своим садом, перекапывает, поливает, лечит, если деревья заболеют, чистит от гусениц и жуков».

На страницах романа возникает величественная картина того, как происходит слияние воедино творческих усилий миллионов людей, как в общий труд вливаются всё новые и новые силы. Человек, наконец, получает возможность осуществить все свои способности в реальном деле, в трудной радости творчества. Эта главная тема «Гидроцентрали» воплощена в образах основных героев.

Под стать любимым героям М.С. Шагинян – Арно Арэвьян и Ашхен Малхазян – и рабочий Фокин, бывший слесарь, потом красноармеец, а теперь вузовец, страстно влюбленный в новостройку, которого «восхищало простое остроумие техники, жизни казалось мало, чтобы строить». Он оскорбляется, если его страсти кто-либо не разделяет. Фокин мог, вырвав из равнодушных рук трамбовку, с удовольствием «уминать приятную влажность бетона и приговаривать, причмокивать вперемежку с бранью: «Вот как, парень, – не пироги месить!» [1, с. 156-157, 283-291, 327-338].

Люди разных национальностей, но имеющие одну Родину, стремятся к светлому будущему, живут и трудятся одной семьей. Радость от созидательного труда этой большой семьи и показывает М.С. Шагинян. Свою задачу: *нести в массы культуру и освещать созидательный труд* – писательница выполнила.

И.В. Сталин перечитал «Гидроцентральный» в рукописи и пришел в полнейший восторг. Собирался сам написать предисловие, но не нашел времени. Он же хотел встретиться с Мариэттой Сергеевной, но она отказалась – стеснялась своей глухоты.

При Советской власти Мариэтта Сергеевна с ее страстностью пришлась ко двору. Была корреспондентом «Правды» и «Известий», получала новое образование (минералогия, энергетика, прядильно-ткацкое дело – промышленность с тех пор ее всегда безумно интересовала). Художественную литературу она, впрочем, после романа «Гидроцентральный» на какое-то время забросила: «Я оглянулась на себя: ну что я такое? Глуховатая, подслеповатая, некрасивая женщина с очень дурным характером». А вот в среде студентов, изучая математику, 43-летней М.С. Шагинян было хорошо.

В 1933 году Мариэтта Сергеевна Шагинян опубликовала свой дневник. В нем – *стирание границ между культурой и жизнью* – совершенно нормальная практика для тех времен. В дневнике она настаивала, что надо научиться подавать процесс труда как процесс игровой, соревновательный.

Мне кажется, что Мариэтта Сергеевна некоторое время «искала» свою малую родину, изучала ее, старалась прикоснуться к ней душой, посмотреть, где жили предки. Потому-то так много в ее поэзии восточных мотивов. Советская власть дала возможность применять свои силы во многих областях, путешествовать.

В 1919 году писательница переехала в Чалтырь и прожила тут полгода, интенсивно работая, изучая быт местных армян. С 1927 году Мариэтта Сергеевна прожила пять лет в Армении. Полжизни М.С. Шагинян тянулась к Армении, но этого ей оказалось мало. Она стала человеком мира. Мариэтта Сергеевна знала много языков, скрупулезно относилась даже к мелочам.

В 1935 году в Ленинграде состоялся XV Международный конгресс физиологов. М.С. Шагинян вспоминала, что ее очерк о работе конгресса, написанный по заданию газеты «Правда, был высоко оценен редколлегией газеты и учениками академика И.П. Павлова. Только один человек нашел в этом очерке ошибку. Это был великий отечественный ученый И.П. Павлов. Прочитав этот очерк, он сказал: «Набрехала!». И.П. Павлов показал пальцем на самое начало статьи, где описывалась дорога в Колтуши и цветы по обочинам дороги. Фактически же цветов там не было. «Какой урок! – вспоминала М.С. Шагинян. – Я его пережила почти с восторгом, потому что это был заслуженный мною урок, данный великим ученым, гением науки». Мариэтта Сергеевна сделала такой вывод: «Люди, не бойтесь ошибок, честных ошибок в своем творчестве, ...но бойтесь бреха!», т.е. нечестности, обмана [2, с. 164-165].

В 1944 году ей присвоили звание доктора филологических наук за работу «Творчество Т.Г. Шевченко». М.С. Шагинян была избрана членом-корреспондентом Академии наук Армянской ССР. Очерковая книга «Путешествие по Советской Армении» принесла ей в 1950 году Сталинскую премию. Она много переводила. Интерес к языкам был у М.С. Шагинян непреходящим.

Убежденная гётенианка, она часто повторяла слова великого немецкого поэта: «что лишь знающий несколько чужих языков

может по-настоящему понять свой родной язык» [3, с. 599]. На старости лет начала изучать санскрит. Четкий распорядок дня, ведение дневников, ежедневная ходьба пешком, аккуратность в делах. «И обязательное соблюдение гётевского правила, – писал хорошо знавший писательницу К. Серебряков, – останавливать работу в самый кульминационный момент и именно тогда, когда пишется, чтобы не исчерпать творческого подъема, чтобы завтра легче было продолжать и продолжение сохранило бы тягу творчества, или, как она говорила, чтобы сохранить остаточное возбуждение от вчерашнего труда...»

Писательница знала настолько много, что с ней можно было беседовать обо всем. Это был «вулкан знаний». Не зря поэт-пародист Александр Архангельский не преминул отметить всестороннюю деятельность М.С. Шагинян эпиграммой:

Широту ее размаха
Не уложишь в писчий лист:
Поэтесса, лектор, пряха,
Шерстoved и романист.

М.С. Шагинян была увлекающимся человеком, постоянно чем-то занятым. Всю свою жизнь отдала искреннему служению Родине. В то время, когда деятели культуры уезжали за границу, Мариэтта Сергеевна и не помышляла об этом. За границу она ездила только путешествовать. В 1960-е гг. она побывала во Франции. Здесь ей понадобился путеводитель, здесь она впервые увидела ксерокс. Потом на Родине она возмущалась, почему у нас нет такого чуда. По итогам этой поездки родилась книга «Зарубежные письма» (1964), которая до сих пор может служить отличным путеводителем по Европе (ей самой ориентиром для путешествия по Франции служила книга Стендаля, вышедшая за 130 лет для этого).

В Великую Отечественную войну М.С. Шагинян работала корреспондентом на Урале. М.С. Шагинян никогда не сидела без дела, даже в глубокой старости. После восьмидесяти лет Мариэтта Сергеевна подчинила жизнь строгому распорядку, гуляла и работала по расписанию, не позволяя себе лениться. В девяносто лет она продолжала *«жить, чтоб делать, чтоб познавать, чтоб бороться»*. Несмотря на слабое зрение и очень сильные очки-

«объективы», она много читала и еще больше писала – простой перьевой ручкой, макая ее в школьную чернильницу-невыливайку. А писать Мариэтте Сергеевне было про что – она прожила долгую жизнь и была свидетельницей и активной участницей событий, происходивших в России на протяжении трех четвертей XX века, о которых она всегда писала горячо и заинтересованно. В конце жизни М.С. Шагинян не выходила из своей небольшой двухкомнатной квартиры обычного московского дома на Арбате, 45, находящейся на первом этаже. В ее квартире стоял стандартный советский набор мебели, обычные бытовые предметы. Единственной роскошью в ее доме было старенькое расстроенное пианино. Мариэтта Сергеевна Шагинян ушла из жизни 20 марта 1982 г., не дожив нескольких дней до своего 94-летия. Она похоронена в Москве, на Армянском кладбище.

Советские люди верили, что их труд не напрасен, что они трудятся на благо советской страны, на благо себя и своих детей. Именно поэтому весь мир называет экономическим чудом то трудное время. Именно поэтому советский народ смог выстоять в страшной войне, победить и отстроить разрушенные города.

В первом сборнике стихов М.С. Шагинян «Первые встречи» (1906 г.) есть стихотворение «Путем зерна», в котором, как мне представляется, запечатлена философия жизни писательницы:

Мой дом был построен в ущелье лесном, –
И людям с улыбкой я отдал свой дом.
Как вихрь, быстроногий был конь у меня,
Но, встретив больного, я отдал коня.
И той же дорогой, в предутренний час,
Пошел я, одетый в парчу и в атлас.
Но вот, по пути повстречавшись с другим,
Я отдал парчу и остался нагим.
Глубоко в душе я хранил огонек,
Но день не рождался и путь был далек, –
И песнь об огне, убивающем ночь,
Я спел, чтоб усталым в дороге помочь.
Настала зоря долгожданного дня.
Стою – без коня, без плаща, без огня.
На солнце, на лес оглянулся, любя, –

И, всё потеряв, – приобрел я себя [4, с. 49].

Литература

1. Шагинян М.С. Собр. соч.: в 9 т. Т. 3. М., 1972.
2. Шагинян М.С. Человек и Время. История человеческого становления. М., 1982.
3. Шагинян М.С. Собр. соч.: в 9 т. Т. 4. М., 1973.
4. Шагинян М.С. Собр. соч.: в 9 т. Т. 1. М., 1971.

Михаил Алексеев

«И СЛОВО В МУЗЫКУ ВЕРНИСЬ...» (М.С. Шагинян о роли музыки в национальной культуре)

Музыка связана с лучшим, что живет в человеке
М.С. Шагинян

Музыка является одним из наиболее важных аспектов национальной культуры и идентичности. Она отражает историю, ценности и традиции народа, помогая сохранить уникальность каждой культуры в мире.

Мариэтта Сергеевна Шагинян озаряла ярким светом писательского таланта и непоколебимой верности своим идеалам на протяжении всей своей долгой жизни. Ее плодотворное творчество стало неотъемлемой частью истории XX века, отражая значимые события этой эпохи.

Родившись в переломный момент истории, Мариэтта Сергеевна столкнулась с вызовами и превратностями времени, которые только укрепили ее решимость и характер. Ее перо стало орудием, формировавшим сознание, просветляя и вдохновляя на борьбу за идеалы.

Родители Мариэтты, осознавая ее талант и страсть к литературе, сделали всё возможное, чтобы поддержать ее образование. Они сами занимались с дочерью, помогали ей развивать ее писательские навыки и вдохновляли ее на новые идеи. Благодаря этому, уже с 4-х лет Мариэтта начала писать стихи, и ее талант был замечен окружающими [1].

После домашнего обучения Мариэтта обучалась год в Екатерининской женской гимназии [2], а затем поступила в гимназию Л.Ф. Ржевской – одну из лучших гимназий Москвы. Здесь она продолжила свое образование и стала всё больше углубляться в мир литературы и искусства [3].

Таким образом, образование Мариэтты началось с заботы и внимания ее родителей, которые помогали ей развивать ее талант и страсть к литературе.

Музыка с самого детства играла огромную роль в жизни Мариэтты Шагинян и ее сестры Лины. Для нее это было нечто большее, чем просто звуки – это было волнение, вдохновение, частица души. В семье М.С. Шагинян музыка не просто существовала, она царила. С годами это понимание лишь углублялось. В школе она неотъемлемо входила в учебную программу, а дома звучала постоянно, создавая особую атмосферу. Вечерами много времени было уделено музицированию, а гости приносили свои инструменты, чтобы вместе наслаждаться музыкой. Мать Мариэтты виртуозно играла на пианино, одна из тетушек обладала прекрасным вокалом. Умение играть на фортепиано и скрипке, а также участие в хоре, сформировали ее восприятие музыкальных произведений и внутренний мир.

Музыкальное образование в гимназии Л.Ф. Ржевской в Москве стало неопценимым опытом для Мариэтты. В студенческие годы музыка перестала быть просто увлечением – она стала необходимостью, неотъемлемой частью жизни. В студенческие годы жизни М.С. Шагинян музыка была обязательным предметом образования и воспитания. Как писала сама М. Шагинян: «музыка играет важную роль в нашей жизни, она способна передать эмоции, вдохновить и погрузить в размышления».

Однако, по мере того как сестры Шагинян выросли, музыка стала вызывать у них и проблемные дискуссии. Они задумались о том, что значит быть культурным слушателем музыки и как правильно воспринимать и анализировать музыкальные произведения в соответствии с эпохой, традициями и социокультурным мировоззрением [4].

М.С. Шагинян провела жизнь в обществе выдающихся личностей своего времени, что оказало значительное влияние на ее творчество. Общение с интересными людьми, обмен идеями и впечат-

лениями помогли ей развить свое видение мира и раскрыть тонкие нюансы человеческой души.

Для М.С. Шагинян музыка стала не только частью ее прошлого, но и источником вдохновения для будущего творчества. Мелодии, ритмы и гармонии звучали в ее произведениях, создавая особую атмосферу и перенося читателя в мир гармонии и красоты.

В период знакомства с семьей философа Э.К. Метнера Мариэтта Сергеевна познакомилась с талантливым композитором Н.К. Метнером. Общение в музыкальной среде Метнеров, почитающих И. Гёте, оказало значительное влияние на М.С. Шагинян. Годы, проведенные в обществе Метнеров и общение с ними, сильно повлияли на её мировоззрение [5]. Именно тогда начались её контакты с великим С.В. Рахманиновым. Их переписка, где Мариэтта подписывалась псевдонимом «*Re*», была пронизана романтическими нотками. Она активно подбирала стихи для романсов композитора. М.С. Шагинян отмечала, что внутренний мир С.В. Рахманинова был похож на духовность А.П. Чехова – чистый, духовный и богатый идеями [6, с. 52].

М.С. Шагинян, известная русская писательница и литературовед, оставила нам удивительные мемуары о двух великих мастерах музыки России – Сергее Рахманинове [4] и Дмитрие Шостаковиче [7]. В своих произведениях она раскрыла удивительные аспекты творческой биографии этих композиторов, погружая читателя в их мир искусства. Их общение, начавшееся в 1912 году и продолжавшееся до 1917 года, стало особым явлением истории музыкальной культуры нашей страны.

В своей книге, посвященной Дмитрию Шостаковичу, М.С. Шагинян создала настоящую «летопись» жизни и творчества великого композитора. Она раскрыла перед нами не только музыку, но и исторический контекст, в котором звучали его произведения [7].

Как говорил сам Д. Шостакович: «...без впечатлений, восторгов, вдохновенья, без жизненного опыта – нет творчества...» [7].

Музыка, как источник вдохновения и эмоций, имела глубокое влияние на слушателей. Она не только подбодряла их, но и укрепляла их духовность, наполнив творческой теплотой. Проживая и воспринимая музыку, эмоции, мироощущения, переживания ее творцов, слушатели остро воспринимали ценности жизни и поднимались к вершинам познания окружающего мира и самопознания.

Музыка не только обогащала их внутренний мир, но и приобщала к высоким ценностям. Она структурировала их чувства и мысли, организовывая их в единое целое.

Каждое великое произведение искусства, великая музыка дает стиль эпохе, выражая внутри себя множественные процессы, подобно строительству здания. Каждый звук, каждый стильный элемент находят свое место в музыке, открывая свой положительный исторический смысл.

При осмыслении произведений Дмитрия Шостаковича М.С. Шагинян обратила внимание на то, что, когда высокая музыка достигает вершин поэзии, она воспроизведет всего лишь первое слово стиха на своем языке звуков. Однако слух бессознательно и внутренним сопереживанием угадывает всю удивительную цепочку, с которой начинается эта поэтическая жемчужина [7].

Благодаря творчеству Мариэтты Сергеевны Шагинян мы видим, как важна была роль музыки в духовной жизни общества. Дмитрий Шостакович стал не просто композитором, а символом эпохи, звучащим в каждой ноте своих величайших произведений.

Мемуары М. Шагинян о С. Рахманинове и Д. Шостаковиче – это не просто история их жизни и творчества, это глубокое погружение в мир искусства, где звуки музыки становятся отражением души композиторов и времени, в которое им пришлось творить. М.С. Шагинян смогла передать и частичку волшебства, которое сопровождало этих двух великих мастеров.

В заключении можно сказать, что музыка в национальной культуре играет роль не только хранителя традиций и истории, но и моста между прошлым и будущим. Она объединяет людей, вдохновляет и позволяет каждой нации выразить свою уникальность и красоту через звуки и мелодии.

Сегодня, когда мы взираем на бурную историю XX века сквозь творчество Мариэтты Сергеевны Шагинян, мы видим не только описание событий, но и величие души, способной воспринимать и преодолевать все испытания. М.С. Шагинян останется навсегда в памяти как символ творческой мощи и непреклонности в борьбе за идеалы.

Литература

1. *Серебряков К.* Дороги и люди. Личные воспоминания о встречах с Мариэттой Шагинян. М., 1982.
2. *Чориян С.К.* Екатерининская женская гимназия Нахичевани-на-Дону // История: факты и символы, 2021. № 4 (29). С. 144-150.
3. *Шагинян М.С.* Собр. соч. в 9 т. Т. 9. Работы о музыке. М., 1975. С. 444–451.
4. *Шагинян М.С.* Воспоминания о С.В. Рахманинове. М., 1961. С. 100-174.
5. *Ступницкая М.А.* «Соната-Воспоминание» Н.К. Метнера сквозь призму психологических концепций памяти рубежа XIX-XX вв. // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2012. Т. 73, № 9. С. 96-100.
6. *Биркая Л.Я.* Рахманинов. Романсы ор. 21 (Ч. 1) // Южно-Российский музыкальный альманах. Приложение. 2011.
7. *Шагинян М.С.* О Шостаковиче. М., 1979.

Виолетта Балаян

ТВОРЧЕСКИЙ ДИАЛОГ ДОНСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

«Донская земля, донская степь...». Сразу же перед взором возникает бескрайнее желтеющее нивами поле, хутора и станицы, реки, речки, речушки, впадающие в синие, искрящиеся на солнце воды батюшки Тихого Дона. Широки просторы Донской земли. Она раскинулась от Калачской возвышенности на севере до раздольных Кубанских степей на юге, от древнего Лукоморья на Западе до полупустынной Калмыкии на востоке.

У этой большой земли яркая и богатая история. Здесь всегда было место творческому подвигу – боевому и трудовому. Главное богатство Ростовской области, конечно же, люди. На территории Ростовской области проживают более ста национальностей, среди которых русские и украинцы, армяне и белорусы, татары и греки, грузины, корейцы и т.д.

Щедрая талантами донская земля по-разному вошла в судьбу и творчество многих писателей русской и советской литературы. Для одних она была родиной. Для других открыла путь в литературу.

Ростов славится по всей стране не только своими тружениками, а также звездами шоу-бизнеса, спортсменами и достопримечательностями, но и своими литературными талантами. Здесь создавали свои произведения писатели, которые изучаются в рамках школьной программы и те, чьи книги читают исключительно для души. Я хочу рассказать о самых известных писателях Дона, о том, как они прославили наш край и вели диалог друг с другом и с читателями своими произведениями.

Михаил Александрович Шолохов (24 мая 1905–21 февраля 1984) – один из тех, чьи произведения изучают в школе. Он был уроженцем Ростовской области, жил и творил в станице Вешенской.

Первые произведения М.А. Шолохова были опубликованы в 1923 году. В комсомольской газете "Юношеская правда" появился фельетон "Исповедь", а еще через месяц – фельетон "Три"; потом – "Ревизор". С этого и началась творческая деятельность писателя. Широко читатели узнали о донском писателе благодаря циклу "Донские рассказы"; первые из них были написаны в 1926 году – "Пастух", "Илюха", "Жеребенок", "Семейный человек", "Двумужня" и др.

«Я родился на Дону, рос там, учился, формировался как человек и писатель... С гордостью говорю, что являюсь патриотом своего родного Донского края», – писал о себе М.А. Шолохов.

В октябре 1925 года Михаил Александрович Шолохов уже открыто заявил, что начал работу над "Тихим Доном". Первые два тома произведения были окончены за три года. Произведение по частям публиковалось в журнале "Октябрь". Представьте картину: «...На крутой осыпи северного склона, затененные обрывом, еще лежали, слитые, сочащиеся влагой пласты снега. От них несло холодом, но холод этот еще резче подчеркивал аромат доцветающих фиалок, неясный и грустный, как воспоминание о чем-то дорогом и давно минувшем...», – это описание природы из "Тихого Дона". Когда читаешь эти строчки, завораживает каждое слово. Огромно влияние Михаила Александровича Шолохова на мировую литературу и, конечно, – на творчество своих земляков донских писателей.

Другом Михаила Александровича Шолохова был **Виталий Александрович Закруткин**. Знаменитый писатель даже подписал

ему один из экземпляров романа. Родился литературный деятель 27 марта 1908 года в Феодосии в семье народного учителя. Позже он переехал в станицу Кочетовскую Ростовской области.

Судьба Виталия Александровича Закруткина неразрывно связана с родной землей и родной природой. В его творчестве отразилась целая эпоха жизни России и, прежде всего, Дона. Донские казаки и казачки были героями его военных очерков, послевоенных повестей и романов, его стихотворений.

«Край родной! Прославленный в песнях Дон. Песчаные его зако-сы, тополевые леса и вербы на берегах. Крутые яры правобережья, с которых далеко видны уплывающие баржи, теплоходы, бы-строкрылые корабли. Возделанные человеком поля, пышные сады, виноградники. Где бы я ни был, душа моя тянется к тебе, любимая земля, и я счастлив тем, что живу здесь», – писал В.А. Закруткин.

Умер В.А. Закруткин в октябре 1984 года и был похоронен на Дону, в станице Кочетовской, во дворе дома, где он жил постоянно.

Анатолий Вениаминович Калинин родился 22 августа 1916 года в ст. Каменской (ныне г. Каменск-Шахтинский Ростовской области). Член Союза писателей России. Детство и юность известного писателя А.В. Калинина прошли на Дону. Он родился в семье сельского учителя-интеллигента. Свой творческий путь начинал в районных и областных газетах. Первая книга А.В. Калинина вышла в 1941 году в Ростиздате. Это был роман "Курганы". Когда Анатолию было 13 лет, были опубликованы первые два тома романа "Тихий Дон" Михаила Александровича Шолохова. Книга произвела на подростка такой эффект, что он немедленно поехал в Вешенскую пообщаться с автором, но не получилось. М.А. Шолохова не оказалось на месте. Будучи самым молодым корреспондентом газеты "Комсомольская правда", по заданию газеты он был направлен писать очерк "В гостях у Шолохова". С тех пор их встречи были не частыми, но регулярными. А.В. Калинин услышал от Михаила Александровича фразу, которую сделал своим творческим кредо: *«Писатель должен хорошо знать среду, в которой живут его ге-рои»*. Пройдя Великую Отечественную войну, он решил поселиться в донской глубинке среди тех, о ком повествуют его книги.

Один из последователей шолоховских традиций А.В. Калинин опубликовал ряд очерков: "Вешенское лето" (1964), "Время Тихого Дона" (1975), посвященных творчеству М.А. Шолохова. Самым

знаменитым романом А.В. Калинина, несомненно, является "Цыган", который выдержал более десяти изданий, три кино- и телеэкранизации, переведен на многие языки. А.В. Калинин – лауреат Государственной премии России в области литературы. Фронтвик. Общественный деятель. Он награжден орденами и медалями СССР.

Донская земля всегда была богатой на литературные таланты. На ней родились или жили, учились или работали такие известные в стране и в мире писатели, как Мариэтта Шагинян, Даниил Мордовцев, Константин Тренев, Николай Погодин, Александр Серафимович, Владимир Ставский, Александр Фадеев, Анатолий Сафонов, Вера Панова, Николай Доризо, Александр Солженицын, Владимир Карпенко, Георгий Шолохов-Синявский и др. Благодаря творческому диалогу писателей Донского края, мы ярко представляем просторы и красоты нашей малой родины.

Александра Мовсесян

НАЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА В ТВОРЧЕСТВЕ МАРИЭТТЫ ШАГИНЯН

Как известно, 2024 год объявлен *годом семьи* в нашей стране. Семья – самое ценное, важное и основополагающее начало в жизни любого человека. И в этой связи очень важно знать, как историю своей семьи, своего рода, так и знать и понимать историю и культуру своего народа. На нашей малой родине много личностей, чей вклад в культуру своей большой «семьи», т.е. своего народа огромен. К ним, конечно же, относится и уникальная феноменальная личность – поэт, публицист, искусствовед, общественный деятель – Мариэтта Сергеевна Шагинян.

Мариэтта Сергеевна, являясь советской писательницей, имеет армянское происхождение. Будучи советским человеком, коммунисткой, она, тем не менее, не теряла своей национальной идентичности. Своими корнями она тесно связана с Донской землей, с Ростовом и Нахичеванью. Мариэтта Шагинян несколько лет жила, училась, работала в городе Нахичевань-на-Дону. И к этому южному городу, который населяют, наряду с русскими, украинцами, бе-

лорусами и др. национальностями, и армяне. К культуре армянского народа у писательницы всегда было особое отношение.

О городе своего детства, родине матери М.С. Шагинян позднее напишет следующие строки: «...уютный маленький Нор-Нахичевань» [6, с. 14].

Особое место в культуре армянского народа, в частности, в культуре донских армян, занимает отношение к труду. В этом плане Мариэтта Шагинян была истинной дочерью своего народа. Активная, деятельная, она никогда не ограничивалась лишь писательской деятельностью. В 1919 году Мариэтта Сергеевна работала инструктором и директором прядильно-ткацкой школы. Именно в этот период писательница около полугода жила в Чалтыре. Здесь она остановилась в доме нашего односельчанина и, кроме своей деятельности, связанной с организацией прядильной школы, вела протоколы сельсовета, а также изучала обряды селян, слушала музыку, пела с ними армянские песни, ходила на Мец-Чорвах за водой...

М.С. Шагинян вспоминала об этом периоде своей жизни: «...я впервые по-настоящему попала в деревню и узнала, что такое труд на земле, – удобрение, пахота, сеянье. То было в армянском селе Чалтырь под Ростовом-на-Дону. Я жила в доме у крестьянина Агопа Крикоровича Хатламаджияна».

М.С. Шагинян в своем дневнике от 5.09.1919 года написала: «Я счастлива от общения с крестьянами. Они – свежие, умные, ясные, обаятельные – и мужчины, и женщины. Как-то общее и человеческое, может быть, от связующего трудового начала, единообразного для всех». Она восхищалась огромным объемом и сложностью работ земледельцев: «...почти ужас обуял меня перед огромностью труда хлебопашца». Также она подчеркивала, что в культуре любого народа, отношение к труду армянского народа отразилось и в пословицах, «говорящих о том, что прикладывать надо труд не в пустоту, не имеющую противодействия, а в живое нечто, дающее обязательно ответ», – писала она.

Так, об огромном трудолюбии армянского народа Мариэтта Шагинян написала в романе «Гидроцентральный». В 1927 году М.С. Шагинян отправилась в Армению на строительство ГЭС. Но она была не просто сторонним наблюдателем, но участвовала в земляных работах, укладывала шпалы, выступала как журналист и агита-

тор. Мариэтта Сергеевна всегда была сторонником практических действий, реальной полезной деятельности.

Говоря о любви и уважении к армянской культуре М.С. Шагинян, следует подчеркнуть, что при этом она всегда оставалась убежденной интернационалисткой. Она любила и высоко ценила всех талантливых и добрых людей независимо от их национальностей. Ей принадлежит роман «Своя судьба» (1923) – о русской интеллигенции.

В 1981 году она опубликовала книгу под названием «Низами Гянджяви. Великий азербайджанский поэт». Мариэтта Сергеевна много общалась и была ценителем литературы, музыки, живописи деятелей искусства разных национальностей.

Но всё же М.С. Шагинян искренне любила Донской край, Россию и Армению.

В своих произведениях она подчеркивала значение нахичеванской культуры, обычаев, образа жизни местных армян, их быта, одежды и кухни. Необычайно проникновенные строки посвятила поэтесса Армении, назвав ее «*Отчизна дальняя моя*»:

С какой отрадой неустанной,
Молясь, припоминаю я
Твоих церквей напев гортанный,
Отчизна дальняя моя!
Припоминаю в боли жгучей,
Как очерк милого лица,
Твои поля, ручьи и кручи,
И сладкий запах чебреца...

М.С. Шагинян называла армянский язык «*торжественным, грустно-простодушным*»:

Мой слух доньше не отвык
Любить твой грустно-простодушный,
Всегда торжественный язык.
И в час тоски невыразимой,
Приют последний обретя,
Твое несчастное дитя
Идет прилечь к тебе, к родимой... [7, с. 62].

Сколько в этих строках любви к своей исторической Родине!
Похожее отношение к культуре мы видим и у нашего земляка,
поэта Хевона Наиряна:

Я – армянин, но сердцем я с тобой, Россия!
Как матери, надежды вверил я тебе.
Прими слова исповедальные от сына,
Звездой путеводной вечно будь в судьбе.

Итак, Мариэтта Сергеевна Шагинян полагала, что культура в своих высших проявлениях имеет интернациональный характер. Вместе с тем, она относилась с любовью и уважением к российской культуре и к культуре армянского народа, внесла весомый вклад в развитие этих культур.

Литература

1. *Авдулов Н.С., Мирзабекова Н.В.* Мариэтта Шагинян. Нахичевань в жизни и творчестве. Ростов-на-Дону, 2013.
2. Личные воспоминания о встречах с Мариэттой Шагинян // Константин Серебряков. Дороги и люди. М., 1982. С.122-213.
3. Справочник Союза писателей СССР. М., 1981.
4. *Хозиева С.И.* Русские писатели и поэты. Краткий биографический словарь. М., 2000.
5. <http://listopadova.blogs.donlib.ru/2021/04/02/kraevedcheskie-posidelki-marijetta-shaginjan-o-nahichevani-na-donu-i-sele-chaltyr/>
6. *Шагинян М.С.* Человек и Время. История человеческого становления. М., 1982.
7. *Шагинян М.С.* Собр. соч.: в 9 т. Т. 1. М., 1971.

Диана Птуха

ТВОРЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И ДРУЖБА М.С. ШАГИНЯН И С.В. РАХМАНИНОВА

Для М.С. Шагинян, – советской писательницы, поэтессы и прозаика, искусствоведа, журналиста, историографа, – музыка была неотъемлемой частью ее духовного творчества. Отношение к музыке у М.С. Шагинян сложились еще в раннем детстве. Она вырос-

ла, а затем вращалась в необычайно возвышенной среде, где музыка для всех играла очень важную роль.

Мариэтта Сергеевна писала о том, что обучившись в школе музыкальному языку, и постигнув логику его развития, в ней воспитали слух и музыкальный вкус, после чего она уже не могла обходиться без музыки, постоянно следила за музыкальными событиями, новинками и концертами. Живо обсуждала с друзьями тонкость и характер исполнения разных музыкантов. Старалась оставаться в курсе всего происходящего в мире музыки.

В представлении Мариэтты Сергеевны общество можно сравнить с оркестром, где каждый исполняет свою партию, столь важную для коллектива. Мариэтта Сергеевна относилась к музыке как к организующей и воспитывающей силе. Она называла ее *«охранительницей культуры»*. Она различала в музыке два начала: ясное и созидательное, разрушительное и стихийное.

В гимназии, где училась Мариэтта – музыка являлась обязательным предметом. Музыку часто слушали и в семье М.С. Шагинян, и в семьях родственников и знакомых, она была ее постоянным спутником. Обязательно кто-нибудь играл на рояле или скрипке. Музицировали на различных мероприятиях и событиях, нередко приносили с собой свои инструменты. Мама Мариэтты Сергеевны была прекрасной пианисткой, а тетя замечательной певицей.

Все члены семьи были необычайно творческими личностями и, несомненно, одарены музыкальным слухом, мать была просто музыкальным феноменом. Вся семья была удивительно творческой. Так же, как и ее родители, Мариэтта считала музыку неотъемлемой частью всей культуры (всемирной и российской). Для многих, кто бывал в гостях в доме в Нахичевании – это время запомнилось на всю жизнь.

Мариэтта Сергеевна вспоминала о том, что ее учителя и воспитатели были необычайно музыкальны и музыкально образованы. Часто они просвещали учеников, вели увлекательные беседы о жизни крупных композиторов, рассказывали, как влияет музыка на характер человека.

Значительную роль для М.С. Шагинян, как лектора и музыковеда, сыграли ее знакомство и дружба с великими музыкантами эпохи: М. Гнесиным, Р. Глиэром, С. Рахманиновым, Н. Метнером и др.

В жизни Мариэтты Сергеевны Шагинян переписка и встречи с Сергеем Васильевичем Рахманиновым (1873–1943) – композитором, пианистом и дирижером сыграли особую роль. Главной темой этого общения была мысль о характере воздействия музыки на слушателя. М.С. Шагинян в своей переписке отмечала, что музыка очищает, помогает бороться с хаосом, направляет человека на великие дела. Такая музыка – настоящая, идущая впереди своей эпохи.

Музыку С.В. Рахманинова М.С. Шагинян воспринимала с особой страстностью.

Произведения С.В. Рахманинова оказывали неизгладимое впечатление на современников. Профессиональный творческий путь этого композитора сложен и многогранен. Через всю свою жизнь композитор пронес любовь к опере и русскому романсу, и это сказалось на дружбе со многими известными личностями, его современниками: Шаляпиным, Чайковским и др. С.В. Рахманинов учился доносить свою мысль через мелодию, гармонию и сочетание тембров инструментов. Музыка С.В. Рахманинова необычайно глубока, она наполнена романтическими чувствами. Связь между творчеством С.В. Рахманинова и М.С. Шагинян эмоциональная. С.В. Рахманинов сочинял романсы на стихи А.С. Пушкина и других русских поэтов.

В свои приезды в Ростов он бывал в доме Пепронэ Шагинян, матери Мариэтты, где с 1915 по 1920 гг. жила ее дочь.

В эти годы Мариэтта Сергеевна преподавала эстетику и историю искусств в Ростовской консерватории. Позднее ее музыковедческие статьи и читаемый ею курс лекций были изданы. В них она писала об уроках мастерства С.В. Рахманинова, необычайном духе его музыки, светлом музыкальном образе, об огромной требовательности к себе композитора, а еще о том, что всё это должно быть изучено и введено в отечественную и мировую музыкальную культуру как драгоценное наследство.

Мариэтта Сергеевна одна из немногих музыкальных критиков, кого С.В. Рахманинов впустил в свой внутренний мир. С ней он был необычайно искренним, веселым, простым человеком. Мариэтта Сергеевна вспоминала: «Еще не будучи знакомой с Рахманиновым, я в феврале 1912 года написала ему письмо. Я не захотела назваться и подписала свое письмо нотой *Re...* Рахманинов обра-

тился ко мне в ответном письме как к *Re*, и потом, до последней встречи нашей в июле 1917 года, всегда и писал, и называл меня *Re*; и, посвятив мне свой романс «Муза», поставил в посвящении *Re*» [3, 394]. С.В. Рахманинов не только ответил на это письмо, но и в течение года направил ей восемь писем. Мариэтта Сергеевна отмечала, что дружба с С.В. Рахманиновым длилась у нее пять лет (с февраля 1912 года по июнь 1917 года) [3, с.395-402].

В ходе эпистолярного знакомства русский композитор проникся к молодой писательнице большой симпатией и старался это продемонстрировать в каждом письме. На такую духовную близость могли рассчитывать немногие из знавших С.В. Рахманинова.

Композитор обращался к Мариэтте Сергеевне с просьбой помочь найти стихотворные тексты для своих романсов: «Милая моя *Re*, Вы на меня не рассердитесь, если я обращусь к Вам с просьбой? И если исполнение этой просьбы не доставит Вам большого труда, исполните ли Вы ее? Сейчас скажу, как и чем Вы мне можете помочь... Мне нужны тексты к романсам. Не можете ли Вы на что-либо подходящее указать? Мне представляется, что «*Re*» знает много в этой области, почти всё, а может быть, и всё. Будет ли это современный или умерший автор – безразлично! – лишь бы вещь была оригинальная, а не переводная и размером не более 8-12, максимум 16 строф.

И еще вот что: настроение скорее печальное, чем веселое. Светлые тона мне плохо даются!» [3, с.396].

В 1913 году вышла книга стихов "Orientalia", которую Мариэтта Сергеевна посвятила С.В. Рахманинову. За этот подарок композитор был ей очень благодарен.

Более полутора лет Мариэтта Сергеевна не виделась с С.В. Рахманиновым, так как с января 1915 года жила в Нахичевани.

20 октября 1915 года С.В. Рахманинов приехал в Ростов-на-Дону на один день, он был потрясен кончиной А.Н. Скрябина. С.В. Рахманинов подготовил концертную программу памяти любимого многими композитора. М.С. Шагинян и С.В. Рахманинов встретились. Из Ростова-на-Дону С.В. Рахманинов уехал на гастроли в Баку и Тифлис.

В июле 1916 года С.В. Рахманинов приехал в Эссендуки, Мариэтта Сергеевна навестила старого друга по дороге в Теберду, куда она отправлялась на отдых.

Мариэтта Сергеевна вспоминала: «Я увидела его милое, совершенно трагическое лицо, я сразу забыла и все свои собственные неприятности, а только остро почувствовала, что ему нехорошо» [4]. Мариэтта Сергеевна говорила о том, что видела в таком отчаянии своего друга впервые, и, потрясенная этим, решила излечить композитора от убивающей его тоски и депрессии. Она принесла С.В. Рахманинову свою тетрадку, в которой были записаны стихи: 15 стихотворений М.Ю. Лермонтова и 26 – "новых поэтов". По замыслу писательницы эти произведения должны были вдохновить С.В. Рахманинова на создание новых произведений, и эта работа могла бы помочь ему преодолеть тяжелое эмоциональное состояние. И, действительно, это стало одним из факторов преодоления депрессивного состояния великого композитора и пианиста.

В конце октября 1916 года в Москве состоялся вечер романсов С.В. Рахманинова. Публика высоко оценила его произведения. На этом концерте Мариэтта Сергеевна присутствовать не смогла, но С.В. Рахманинов ей прислал в подарок ноты с этого концерта.

26 января 1917 года С.В. Рахманинов встретился с М.С. Шагинян в Ростове-на-Дону в Музыкальном училище, где он выступал с концертом. Это был короткий визит в один день. Мариэтта Сергеевна вспоминала: «Два часа мы с ним просидели у рояля, – я «рассказывала», а он упражнялся перед концертом» [2].

Летом 1917 года С.В. Рахманинов вновь приехал на Кавказ, как оказалось в последний раз в жизни. Здесь состоялся концерт С.В. Рахманинова, на котором среди зрителей была и М.С. Шагинян. Эта встреча стала последней для С.В. Рахманинова и М.С. Шагинян.

Вскоре С.В. Рахманинов покинул Россию навсегда.

Литература

1. *Шагинян М.С.* Воспоминания о С.В. Рахманинове // Воспоминания о С.В. Рахманинове. Изд. 5, доп. Т. 2. М., 1988.
2. *Шагинян М.С.* Воспоминания о С.В. Рахманинове. М., 1955.
3. *Рахманинов С.* Письмо к М. Шагинян, 15. III. 1912 // Шагинян М.С. Человек и Время. История человеческого становления. М., 1982.
4. Сергей Рахманинов: исцеление Кавказом // Вестник. Северный Кавказ. Ростов-на-Дону, 2015.

ДИАЛОГ КУЛЬТУР – ОДИН ИЗ ГЛАВНЫХ ПРИНЦИПОВ ЖИЗНИ М.С. ШАГИНЯН

Каждый народ идентифицирует себя через собственную культуру. Культуры разных народов существенно различаются и, безусловно, способны разъединять их. Но в своих высших проявлениях культура призвана объединять народы. Во все времена человечество искало новые пути в социализации человека и воспитании его в духе терпимости и уважения к достижениям различных культур. И сегодня культура любого народа не может существовать изолированно, в отрыве от мирового культурного процесса, потребностей и интересов разных народов. В современных условиях существования мировых информационных сетей контакты народов интенсифицируются, их общение и сотрудничество становится всё теснее в самых разных сферах. При этом сталкиваются представители различных культур – национальных, религиозных. И здесь возникает вопрос: готовы ли мы к этому?

Важным средством в налаживании взаимопонимания выступает *диалог культур*. В сегодняшнем мире тема диалога культур становится особенно актуальной. Для нашего времени характерны противоположные тенденции развития современной цивилизации: глобализация как неизбежное требование времени, с одной стороны, и стремление сохранить уникальность каждого народа, его культуру и язык, с другой. Всё это неминуемо приводит к необходимости диалога, позволяющего выстраивать мосты взаимопонимания между культурами разных народностей, соседствующих друг с другом.

Диалог культур предполагает отношение к другому как к равному себе, а значит требующему принятия, понимания и уважения. В то же время, общаясь с представителями другой культуры, мы лучше понимаем свою. Ведь настоящие ценности культуры, по мнению ученого Д.С. Лихачева, развиваются только в соприкосновении с другими культурами. Именно так и происходит взаимопроникновение и взаимообогащение культур.

И здесь как никогда будет уместно вспомнить о человеке, который высоко ценил истинную культуру, постоянно стремился со-

действовать ее развитию, обогащению и защите – Мариэтте Сергеевне Шагинян. Она была человеком высокой культуры, писателем, публицистом, мыслителем, искусствоведом. Диалог культур был одним из основополагающих принципов в жизни и творчестве Мариэтты Сергеевны. В своих произведениях она с большим уважением и любовью писала о выдающихся людях, представителях разных народов как нашей страны, так и зарубежья, среди них – Пушкин, Толстой, Гёте, Шевченко, Низами и многие другие.

Мариэтта Сергеевна объездила многие страны, побывала в самых разных уголках нашей страны, везде она старалась познакомиться с культурными традициями и обычаями разных народностей. Ее произведения пронизаны верой в то, что только дружба, построение открытых отношений между людьми различных культур могут стать основой единения и взаимопонимания народов. В стихах и прозе она пророчески показывала, призывала беречь и приумножать межличностные связи, сохранять культурное достоинство больших и малых народов во имя мира, благополучия и развития нашей цивилизации. В своей монографии о И. Гёте, которого Мариэтта Сергеевна считала своим «главным учителем», она писала: «Гёте близок к нашему времени своим постоянным напоминанием о необходимости народам земной планеты знать друг друга, жить в мире и взаимном понимании, решать возникающие вопросы и конфликты применением разума, а не оружия». Само ее воспитание, образование, жизнь в разных уголках нашей страны сформировали в ней двойственную этнокультурную идентичность, свойственную многим гражданам нашей страны.

По своему рождению Мариэтта Сергеевна Шагинян одновременно принадлежала и русской, и армянской культурам. Она считала своей родиной Россию, в которой она родилась, писала свои произведения на русском языке. Вместе с тем, в ее семье помнили о своих армянских национальных корнях, она всем сердцем любила свою историческую родину. «Землей, которую кровь моя, откликается, чувствует своею, кровной», – писала Мариэтта Сергеевна в своих воспоминаниях о своем первом путешествии в Армению [1, с. 14]. Постоянное общение с родными, друзьями, близкими дало ей возможность впитать в себя культуру, мудрость армянского народа, сохранить в своей памяти трагические страницы его истории и высокие достижения армянского народа. При этом она видела

будущее своего народа в тесной связи с русским народом [2, с. 75]. С раннего детства ее отец привил ей интерес и любовь к русской культуре, познакомив с творчеством своего любимого писателя А.С. Пушкина.

Большое влияние на формирование мировоззрения, восприятие и интерес к иной национальной культуре, безусловно, оказала школа. Мариэтта Сергеевна с благодарностью вспоминала о своей учебе в московской гимназии Л.Ф. Ржевской, в которой преподавали выдающиеся люди своего времени, преподаватель русского языка и литературы И.Н. Розанов, Мария Павловна Чехова, сестра классика мировой литературы А.П. Чехова, историк А.А. Кизеветтер. В своей книге «Человек и Время...» Мариэтта Сергеевна Шагинян писала, что именно благодаря таким учителям, «интеллигентность класса росла сама собой, независимо от того, что у нас, как и везде, были двоечники и троечники, не подготовившие уроки» [1, с. 99]. Значимую роль в формировании понимания и интереса к другой культуре в сознании ученика, по мнению Мариэтты Сергеевны Шагинян, играет, преподавание иностранных языков носителями этих языков. «Вместе с языком, – писала она, – мы бессознательно откладывали в память национальный образ, национальные черты характера, страну, город, любовь к ним, своему языку и своей литературе, стремление рассказать и поделиться этим» [1, с. 126]. Она считала, что такой подход воспитывает и развивает – «широту узнавания, интеллигентность ученика, его вдумчивость» [1, с. 128].

Эта широта мировосприятия, основанная на фундаментальном образовании, широком общекультурном кругозоре, доброжелательном отношении к представителям других национальностей, интересе к культуре других народов создали благоприятные условия для формирования и развития личности неординарной, любознательной, стремящейся быть всегда в центре событий, увлекающейся и способной увлечь других. Сформировало у нее представления о целях, принципах, основных направлениях культуры, жизненно необходимой народу в столь значимую для русской культуры эпоху.

М.С. Шагинян с воодушевлением восприняла цель, как свою лично-жизненную, поставленную Советской властью: преодолеть любые проявления вражды, недоверия народов друг к другу, сформировать отношения доверия, взаимного уважения, сотрудничества

и дружбы между ними. Мариэтта Сергеевна стремилась активно участвовать в становлении этих новых отношений между народами нашей страны, применяя все жанры литературного творчества – художественные произведения, публицистику, литературно-критические работы, монографии, мемуары и т.д. Она изучала жизнь и культуру народов, населявших территорию СССР, неустанно пропагандируя их достижения во всех сферах жизни, знакомя читателей с их традициями, культурой и литературой. Ее произведения пронизаны верой, что только дружба, построение открытых отношений между людьми различных культур могут стать основой единения и взаимопонимания народов. Она выступала не только как писатель, но и как талантливый общественный деятель, успешно утверждавшая отношения доверия, взаимного уважения, сотрудничества и дружбы между народами [3, с. 9].

Проблема дружбы и сотрудничества народов красной нитью проходит через всю долгую и плодотворную жизнь Мариэтты Сергеевны Шагинян. Вся ее деятельность, несмотря на ее разноплановость, была направлена на укрепление и развитие доверия и дружбы между людьми, между людьми разных национальностей и культурных особенностей.

И это было бы невозможно без ее собственной осознанности и огромного желания воспитывать в людях, вне зависимости от их национальности, взаимоуважение и понимание, научить их выстраивать конструктивный диалог национальных культур. С присущей ей духовной близостью внутренней программе русской и мировой культуры она постоянно ощущала ответственность за нравственное состояние народа, считая своим долгом способствовать утверждению идеалов правды, справедливости, совести и красоты.

Преодолеть усиливающуюся в мире конкуренцию цивилизационных систем возможно возрастающей ролью межкультурного диалога, который невозможен без учета этнической и конфессиональной самобытности. Диалог и сотрудничество могут выстраиваться только на основе равноправия культур, уважения к чужим ценностям и сохранения культурного многообразия. Каждый из народов является носителем уникальной материальной и духовной культуры. Поэтому важно сохранять исторические, социальные и культурные традиции не только своего народа, но и с уваже-

нием относиться, сохранять и развивать всё богатство и многообразие культур разных народов.

Современному молодому поколению стоит, как и Мариэтта Сергеевна, стремиться разобраться в прошлом, смотреть критическим взглядом на многие явления, которые происходят в мире, искать пути к жизненно необходимым переменам, поддерживать и беречь культурные ценности.

Литература

1. *Шагинян М.С.* Человек и Время. История человеческого становления. М., 1982.
2. *Авдулов Н.С., Мирзабекова Н.В.* Мариэтта Шагинян. Нахичевань в жизни и творчестве. Ростов-на-Дону, 2013.
3. Творчество М.С. Шагинян и ее современников: актуальный взгляд. Материалы X Шагиняновских чтений (Ростов-на-Дону, с. Чалтырь Ростовской области, 7–8, 14 апреля 2023 г.). Ростов-на-Дону – Таганрог, 2023.

НАШИ АВТОРЫ

Артеменко Виталий Валерьевич, учитель русского языка и литературы МБОУ СОШ № 13, хутор Ленинаван Мясниковского района Ростовской области.

Белов Анатолий Викторович, доктор философских наук, профессор Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону.

Василевич Наталья Александровна, научный сотрудник отдела «Музей русско-армянской дружбы» ГБУК РО «Ростовский областной музей краеведения», г. Ростов-на-Дону.

Дмитрова Анна Владимировна, кандидат филологических наук, директор Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону.

Журавлева Мария Евгеньевна, академик Международной славянской академии наук, образования, искусств и культуры, г. Москва.

Зулумян Бурастан Сергеевна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник ИМЛИ РАН им. А.М. Горького, г. Москва.

Кибалова Галина Александровна, учитель истории и обществознания МБОУ СОШ № 80 им. Героя Советского Союза Рихарда Зорге, г. Ростов-на-Дону.

Ким Мария Николаевна, член Союза журналистов России, редактор газеты «Кобзар-на-Дону», г. Ростов-на-Дону.

Козлов Сергей Сергеевич, кандидат исторических наук, ассистент кафедры истории Ростовского государственного медицинского университета, г. Ростов-на-Дону.

Контарева Елена Юрьевна, преподаватель-методист ФГБОУ ВО «Ростовская государственная консерватория» – РГК им. С.В. Рахманинова, г. Ростов-на-Дону.

Куликова Галина Николаевна, директор Ростовского областного музея краеведения, член Президиума Союза музеев России, заслуженный работник культуры Российской Федерации», г. Ростов-на-Дону.

Матвеев Герман Аронович, кандидат исторических наук, председатель Оргкомитета Шагиняновских чтений, г. Ростов-на-Дону.

Мещерякова Наталья Алексеевна, кандидат искусствоведения ФГБОУ ВО «Ростовская государственная консерватория» – РГК им. С.В. Рахманинова, г. Ростов-на-Дону.

Осипова Татьяна Осиповна, кандидат филологических наук, доцент Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону.

Паламарчук Евгений Александрович, доктор исторических наук, доцент Ростовского Института (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), г. Ростов-на-Дону.

Попова Антонина Анатольевна, член Союза писателей России, публицист, заведующая библиотекой им. А.В. Калинина, филиала МБУК РГ городской ЦБС, г. Ростов-на-Дону.

Поповян Лариса Капреловна, главный библиограф отдела краеведения ГБУК РО «Донская государственная публичная библиотека», г. Ростов-на-Дону.

Савчук Инна Васильевна, историк, краевед, член Российского военно-исторического общества, г. **Старая Русса Новгородской области**.

Самарина Наталья Васильевна, кандидат исторических наук, доцент Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону.

Саядов Сергей Михайлович, кандидат исторических наук, директор РРОО «Нахичеванская-на-Дону армянская община», руководитель Центра арменоведения Института социологии и регионоведения Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону.

Симаворян Александра Георгиевна – учитель армянского языка и литературы, руководитель музея МБОУ «Гимназия № 14», г. Ростов-на-Дону.

Слепченко Полина Васильевна, студентка-бакалавр Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону.

Соколова Маргарита Юрьевна, заведующая отделом «Музей русско-армянской дружбы» ГБУК РО «Ростовский областной музей краеведения», г. Ростов-на-Дону.

Тикиджьян Руслан Геннадьевич, кандидат исторических наук, доцент Донского государственного технического университета, г. Ростов-на-Дону.

Шолохова Татьяна Анатольевна, начальник отдела РР филиала АО «Россельхозбанк», внучка писателя Г.Ф. Шолохова-Синявского, г. Ростов-на-Дону.

Щеколдина Светлана Александровна, педагог дополнительного образования МБОУ ДО, Тарасовский ДДТ.

Щербинина Елена Григорьевна, учитель МБОУ СОШ № 16, хутор Недвиговка Мясниковского района Ростовской области.

Чувараян Дарья Татевосовна, студентка-бакалавр Донского государственного технического университета, г. Ростов-на-Дону.

Эббот Артур Дэвидович, студент-бакалавр Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону.

Школьная секция

Алексеев Михаил, ученик 8 класса МБОУ «Школа № 80 им. Героя Советского Союза Рихарда Зорге», (руководитель – Галина Александровна Кибалова), г. Ростов-на-Дону.

Балаян Виолетта, ученица 10 класса МБОУ СОШ № 6, село 2-я Александровка Мясниковского района Ростовской области, (руководитель – Полина Михайловна Фарафоновна).

Мовсеян Александра, ученица 8 класса МБОУ СОШ № 11, село Чалтырь Мясниковского района Ростовской области, (руководитель – Екатерина Саркисовна Хавранян).

Птуха Диана, ученица 7 класса МБОУ «Школа № 80 им. Героя Советского Союза Рихарда Зорге» (руководитель – Галина Александровна Кибалова), г. Ростов-на-Дону.

Халунина Ксения, ученица 11 класса МБОУ «Школа № 80 им. Героя Советского Союза Рихарда Зорге» (руководитель – Галина Александровна Кибалова), г. Ростов-на-Дону.

СОДЕРЖАНИЕ

Приветствия

<i>Куликова Г.Н.</i> , директор Ростовского областного музея краеведения.....	3
<i>Саядов Сергей Михайлович</i> , директор РРОО «Нахичеванская-на-Дону армянская община», руководитель Центра арменоведения Института социологии и регионоведения ЮФУ.....	4

Пленарное заседание

<i>Матвеев Г.А.</i> Александр Сергеевич Пушкин в духовном мире Мариэтты Сергеевны Шагинян.....	5
<i>Паламарчук Е.А.</i> Перелистывая страницы жизни: М.С. Шагинян о Времени, современниках и о себе.....	10
<i>Мещерякова Н.А., Контарева Е.Ю.</i> Мариэтта Шагинян. «Чело века»: о музыке и о себе.....	17
<i>Белов А.В.</i> Тарас Шевченко: путь от кріпака до вершины народного признания (по материалам монографии М.С. Шагинян «Тарас Шевченко»).....	25
<i>Ким М.Н.</i> Мариэтта Шагинян – вдохновенный литературный критик.....	31
<i>Самарина Н.В.</i> М.С. Шагинян и Н.Н. Берберова о Нахичеване и нахичеванцах начала XX века.....	38
<i>Зулумян Б.С. (г. Москва)</i> Мариэтта Шагинян и Александр Блок: история заочного знакомства.....	52
<i>Тикиджьян Р.Г., Чувараян Д.Т.</i> М.С. Шагинян и С.А. Есенин в семье и в творчестве.....	60
<i>Савчук И.В. (г. Старая Русса)</i> Проблемы изучения творческого взаимодействия М.С. Шагинян и М.И. Цветаевой.....	66
<i>Симаворян А.Г.</i> Мариэтта Шагинян и великий армянский поэт Ованес Туманян.....	70
<i>Соколова М.Ю.</i> История одной жизни: И.М. Тикиджи-Хамбуров (Хамбурьян).....	77
<i>Осипова Т.О.</i> Взгляд с другого берега: представители рус-	

ского зарубежья первой волны о романе М.А. Шолохова «Тихий Дон».....	82
Журавлева М.Е. (г. Москва) Фольклористы А.М. Листопадов и Ф.В. Гумилевич. Пересечения.....	86
Шолохова Т.А. «Пусть небо будет ясным». Дружба писателей Т. Рыбаса и Г.Ф. Шолохова-Синявского в письмах (по материалам семейного архива Г.Ф. Шолохова-Синявского).....	95
Дмитрова А.В., Осипова Т.О. Михаил Булгаков и Г. де Мопассан.....	102
Поповян Л.К. Выпускница нахичеванской гимназии: Любовь Федоровна Копылова (1885–1936).....	107
Попова А.А. Дорога к себе. Об Олеге Эрберге.....	115
Василевич Н.А. Нахичеванский-на-Дону литературно-художественный кружок: участники, общественная деятельность, роль в культурной жизни Нахичевани и Ростова-на-Дону в конце XIX – начале XX вв.....	124
Козлов С.С. Вопрос об имуществе Армянской Апостольской церкви на Дону в конце XIX – начале XX веков.....	129
Эббот А.Д. Путь Мариэтты Шагинян – путь нашей страны	139
Слепченко П.В. Дружба деятелей культуры Серебряного века: М.С. Шагинян и С.В. Рахманинов.....	144

Школьная секция

Артеменко В.В. Повесть П.Н. Яковлева «Первый ученик»: жанровое своеобразие, система образов и проблемы диалогического высказывания.....	148
Кибалова Г.А. Связующая нить творческого диалога М.С. Шагинян и М.А. Волошина.....	154
Щеколдина С.А. Художественный мир Михаила Зощенко и его место в творческом диалоге Советской культуры XX века.....	158
Щербинина Е.Г. «Любовью светлой к Родине дыша».....	162
Алексеев Михаил «И слово в музыку вернись...» (М.С. Шагинян о роли музыки в национальной культуре).....	168
Балаян Виолетта Творческий диалог донских писателей	172
Мовсесян Александра Национальная культура в творчестве	

Мариэтты Шагинян.....	175
<i>Птуха Диана</i> Творческое взаимодействие и дружба М.С. Шагинян и С.В. Рахманинова.....	178
<i>Ксения Халунина</i> Диалог культур – один из главных принципов жизни М.С. Шагинян.....	183
Наши авторы	188

Научное издание

**ТВОРЧЕСТВО М.С. ШАГИНЯН
И ЕЕ СОВРЕМЕННОКОВ В КОНТЕКСТЕ
ДИАЛОГА КУЛЬТУР И ПОКОЛЕНИЙ**

**Материалы
XI Шагиняновских чтений –
Всероссийской научно-практической конференции**

Ростов-на-Дону – с. Чалтырь Ростовской области
12–13, 19 апреля 2024

Ответственные за выпуск – *Г.А. Матвеев, М.Ю. Соколова*

Литературная редакция, компьютерная верстка и
оригинал-макет – *А.В. Белов*

Подписано в печать 07.10. 2024 г.

Бумага офсетная. Формат 60×84/16. Тираж 100 экз.

Усл. печ. лист 11,28. Уч. изд. л. 9,8. Заказ № 9665.

Отпечатано в отделе полиграфической, корпоративной и сувенирной продукции
Издательско-полиграфического комплекса КИБИ МЕДИА ЦЕНТРА ЮФУ.
344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, 200/1, тел. (863) 243-41-66.